1
П-72

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

М. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

СЛУЖЕБНЫЕ СРЕДСТВА В ИСТОРИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XI—XVII вв.

(СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ)

Москва — 1991

Р9. Ист. синтаксис.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

864194

Институт русского языка АН СССР

М.П.Преображенская

Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI-XVII вв. (Сложноподчиненное предложение)

Москва - 1991

4
П-72

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

86494

Ответственный редактор: доктор филологических наук
профессор В.П.Вомперский

Рецензенты: доктор филологических наук
профессор В.В.Иванов
доктор филологических наук
профессор Г.А.Хабургаев

©
Институт русского языка АН СССР

Предисловие

Эта монография посвящена проблеме развития синтаксического строя письменной формы русского языка, в частности – эволюции системы сложного предложения, как она отражена в текстах памятников письменности XI–XVII вв.

В течение двадцати лет коллективом авторов под руководством и при участии академика В.И.Борковского была создана серия исследований в области сравнительно-исторического синтаксиса восточнославянских языков, в том числе "Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение" (М., Наука, 1979). По традиционной классификационной схеме был обработан представительный корпус текстов памятников письменности – и все основные разделы синтаксиса простого и сложного предложения получили монографическое описание. После смерти В.И.Борковского (1982 г.) систематическое изучение проблем исторического синтаксиса русского языка в основном прекратилось, и в настоящее время имеет место явная недооценка роли данных синтаксического уровня для разработки теории и истории развития русского языка.

В последние десятилетия лингвистическая наука начала отходить от традиционных описаний синтаксических систем письменного языка и обратилась к функциональным аспектам его реализации, как в письменной, так и в устной форме. При этом, естественно, в качестве основных объектов наблюдения привлекаются современные, а не исторические данные. Полученные новые теоретические положения позволяют выявить черты архаического строя в синтаксической организации древних текстов и

6736

наметить те основные линии внутреннего развития синтаксической системы, которые обусловили изменения наборов служебных средств и структурных схем сложного предложения в истории русского языка.

Эта монография написана с целью привлечь внимание исследователей к пристальному изучению древнерусских текстов и к дальнейшей разработке проблем исторического синтаксиса русского языка, так как этот источник интересных открытий и теоретических выводов далеко еще не исчерпан.

Автор считает своим долгом подчеркнуть, что это исследование опирается на материал и разработки вопросов исторического синтаксиса, содержащиеся в упомянутой выше серии монографий, созданных под редакцией В.И.Борковского, и благодарит Р.Б.Кулыгинскую (Кершиене) за помощь и поддержку на всех этапах работы над этой книгой.

Введение

Монография посвящена исследованию формальных синтаксических средств связи системы сложноподчиненного предложения в текстах памятников письменности XI–XVII вв. Это значит, что, рассматривая тексты со сложноподчиненными предложениями как объект анализа, мы ставим задачу выявить специфику функционирования служебных средств в сложноподчиненных предложениях различных структур. Служебные средства связи при этом понимаются как маркеры определенных моделей сложноподчиненных предложений. И поэтому, по сути дела, предметом изучения является соотношение "средство связи – модель предложения", т.е. акцент ставится не на вопрос "что было – что стало" в области служебных средств (исторический синтаксис русского языка в основном уже ответил на этот вопрос), а на проблеме условий и факторов, определявших известные изменения в этой области.

Поскольку исследование обращено к историческому развитию сложноподчиненного предложения (его структурных схем и служебных средств связи), оказался определяющим вопрос о понимании эволюции в синтаксисе.

В лингвистической литературе принято, вслед за А.Мейе, считать: "... в то время как фонетика и морфология подверглись глубоким изменениям, структура предложения общеиндоевропейского, общеславянского и древнего (исторического) периодов и даже современного периода различных славянских языков различается

очень незначительно" [Мейе, с. 380]. Между тем, в историческом синтаксисе сложного предложения сам А.Мейе отмечает очевидные изменения в синтаксических формальных средствах связи, справедливо понимая эти факты как "относящиеся к словарю, а не к синтаксису" [Там же]. Мы же рассматриваем эти изменения средств связи в их обусловленности изменениями внутренней организации структурных схем сложных синтаксических конструкций, которые в свою очередь зависят от изменений в области синтаксической семантики, т.е. связаны с формированием способов и средств эксплицитного выражения грамматикализованных семантико-синтаксических отношений различных типов.

Отталкиваясь от уже установленных в историческом синтаксисе фактов, показывающих, как складывалась система конкретных типов сложноподчиненных предложений, мы стремимся исследовать специфику историко-динамических процессов, т.е. во первых выявить изменения соотношений между функционирующими в текстах основными моделями сложноподчиненных предложений и, во-вторых, проследить общую направленность этих изменений в связи с изменением ведущих принципов синтаксической организации текстов русского письменного языка XI-XVII вв.

Наше исследование направлено на изучение системы древнерусского сложного предложения, т.е. на такие синтаксические структуры, которые в самом общем плане с формальной стороны можно определить как сложные синтаксические конструкции (ССК): выделяемые в тексте объединения с помощью специальных служебных формальных средств двух (обычно смежных) предикативных единиц (ПЕ). Это определение может быть в равной мере отнесе-

но как к сложноподчиненным, так и к сложносочиненным предложениям. Вопрос о критериях разграничения сочинительных и подчинительных конструкций актуален для древнерусского синтаксиса, как и для современного. В итоге работы мы предполагаем внести некоторые уточнения в понимание процесса формирования противопоставления "сочинение - подчинение" в рамках системы сложного предложения.

В традиции исторического синтаксиса устанавливалась практика выделения в древних текстах в основном тех же разновидностей типов сложного предложения, которые различаются в принятой для современного русского литературного языка структурно-семантической классификации. Этот принцип членения материала лежит в основе, например, таких трудов обобщающего значения, как "Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение" и "Історія української мови. Синтаксис". Между тем в лингвистической литературе постепенно формируется мнение о неправомерности такого ретроспективного использования понятий и классификаций, выработанных для современного литературного языка, и появляются исследования, в которых вопросы истории синтаксиса сложного предложения разрабатываются уже по иным теоретическим и методическим принципам ([Котков, Попова], [Хабургаев], [Ильинская], [Структура предложения в истории восточнославянских языков]). Кроме того, в настоящее время критическому пересмотру подвергаются такие и общие вопросы теории сложного предложения, актуальные для построения синтаксического описания, пересматриваются традиционные структурные и семантические понятия, уточняются при-

знаки разновидностей типов сложных синтаксических конструкций. Наиболее полно эти проблемы освещены в книге "Очерки по теории сложного предложения" М.И.Черемисиной и Т.А.Колосовой [Черемисина, Колосова].

Таким образом, в области исторического синтаксиса русского языка одной из самых актуальных проблем является разработка вопросов теории сложного предложения и методики исследований истории синтаксического строя письменного языка.

Данная работа не претендует на решение общих вопросов теории исторического синтаксиса. Свою задачу мы видим в том, чтобы предложить такую методику подхода к анализу синтаксиса древнерусских письменных текстов, которая совместила бы фактические достижения так называемых традиционных исследований в области истории конкретных типов сложноподчиненных предложений с основными теоретическими представлениями современной лингвистики о природе сложного предложения. Соответственно этому работа не является полным описанием всех функционирующих в изучаемых текстах сложных конструкций и соответствующих им формальных служебных средств связи. Анализируются лишь такие факты, которые характеризуют общее направление эволюции системы сложноподчиненного предложения, как это представляется автору книги.

Мы исходим из того, что любой связный письменный текст – независимо от наличия в нем сложных синтаксических конструкций – может быть представлен как простой ряд или линейная последовательность предикативных единиц и, следовательно, каждый текст членим до уровня отдельной предикативной единицы.

В принципе это справедливо как для текстов современного русского языка, так и для древнерусского текста (с той лишь оговоркой, что структурные схемы некоторых предикативных единиц будут иметь существенные различия).

Предоставив изучаемые письменные тексты в виде ряда дискретных ПЕ, можно далее обратиться к рассмотрению следующих двух существенных вопросов: 1) какие служебные средства используются для соединения ПЕ в тексте и 2) что представляют собой эти соединения?

I) Служебные формальные средства, с помощью которых линейная последовательность ПЕ преобразуется в связный текст, представляют собой следующие разряды служебных слов:

начинательные союзы,

сочинительные союзы,

синтаксические частицы,

относительные слова,

асемантические союзы,

семантические союзы,

корреляты [1]. Разбиение всего множества служебных слов, употребляющихся в древнерусских текстах, на эти семь разрядов произведено с учетом характера их функционирования, т.е. в

---

[1] Термины "сочинительные союзы" и "относительные слова" используются в традиционном значении. Понятия, которые вложены в остальные термины, называющие разряды служебных слов, уточняются далее в конкретных разделах.

зависимости от того, в каких разновидностях сложных синтаксических конструкций они употребительны.

2) Здесь могут встретиться как случаи простого присоединения каждой очередной ПЕ к ряду ей предшествующих с помощью начинательных союзов (цепочечное нанизывание, при котором служебное слово маркирует начало очередной ПЕ текста), так и случаи попарного соединения - обычно смежных - ПЕ в замкнутые в той или иной степени объединения при помощи служебных средств всех остальных разрядов (сложные синтаксические конструкции различных типов), и, наконец, могут встретиться разновидности многокомпонентных конструкций и бессоюзные попарные объединения ПЕ.

Изучая процессы и способы объединения ПЕ в сложные конструкции с помощью служебных слов различных разрядов, мы обращаем внимание как на эксплицитно выраженные признаки формальной структуры сложной конструкции, так и на признаки синтаксич ской внутренней организации структурных схем сложных предложений разных типов. Систематический учет этих признаков позволяет, по нашему мнению, составить такие типовые комплексные характеристики разновидностей ССК, которые будут сопоставимы между собой по одним и тем же параметрам. Приведем перечень таких параметров:

I. 1. Автосемантизм // синсемантизм входящих в состав ССК ПЕ;

I. 2. Синсемантизм левый // синсемантизм правый;

II. 1. Открытость // закрытость ССК;

II. 2. Бинарность // небинарность ССК;

II. 3. Маркированность // немаркированность второй (конечной) ПЕ ССК;

III. 1. Регулярность // нерегулярность сочетаемости // несочетаемости союза со средствами уточнения семантико-синтаксических отношений;

III. 2. Обязательность // факультативность формальных средств уточнения в структурной схеме ССК;

IУ. 1. Позиция ПЕ со служебным словом в составе ССК;

IУ. 2. Позиция служебного слова в составе ПЕ: позиция первого слова // позиция непервого слова.

Эти параметры характеризуют структурные схемы ССК не только со стороны их внешних формально выраженных признаков, но и со стороны их внутренней синтаксической структуры, т.е. позволяют проникнуть в область организации семантической основы сложных конструкций.

Параметры I.1 и I.2 посвящены свойству синосемантизма ПЕ, составляющих ССК. Понятие синосемантизма, разработанное в научной литературе как противопоставленное автосемантизму, в применении к предложению обычно определяют как "не обладающее коммуникативной законченностью, грамматически связанное с другими предложениями" [Розенталь, Теленкова, с. 385]. Это синтаксическое явление для современного русского языка подробно описано Е.А.Иванчиковой под названием "структурной факультативности" и "структурной обязательности". В частности, для сложного предложения утверждается, что этим свойством "определяется само существо данной синтаксической конструкции как структурного целого ... и степень завершенности, автономности той или иной конструкции" [Иванчикова, с. 84].

При изучении истории образования структурных схем сложного предложения методика исследования способов и средств объединения ПЕ в ССК предполагает направленность внимания на синтаксические свойства отдельно каждой из двух, объединенных в сложную конструкцию, единиц. Таким образом, в нашем исследовании возникла необходимость ввести понятия "правый синсемантизм" и "левый синсемантизм", т.е. с точки зрения своего положения в тексте ПЕ может требовать обязательного наличия как правого, так и левого контекста. Грамматическая связь на основе синсемантизма данной ПЕ только с одной из смежных (правой или левой) ПЕ - свойство, присущее предикативным единицам, входящим в состав сложившихся структур сложного предложения, так как такие структуры всегда бинарны. Отсутствие у ПЕ свойства синсемантизма обозначается как автосемантизм. Мы, вслед за Е.А.Иванчиковой, рассматриваем параметр I.1, I.2 как ведущий кардинальный признак внутренней организации и, следовательно, наличия в тексте сложившегося в сложную конструкцию бинарного объединения ПЕ.

Наличие синсемантизма ПЕ, входящих в состав ССК, имеет обязательным следствием наличие ряда других параметров.

Определенные разряды служебных слов обладают способностью сигнализировать правую или левую разновидности синсемантизма ПЕ входящих в ССК.

Наблюдения за наборами параметров в ССК с различными разрядами служебных слов, которые делаются по ходу анализа конкретного материала в частных разделах книги, суммированы в последней главе нашего исследования.

В методику исследования входит требование обращать внимание на степень формальной выраженности конкретных типов семантико-синтаксических отношений в сложных предложениях с различными разрядами служебных слов. Термин "семантико-синтаксические отношения" в нашей работе используется со следующим значением: типизированные логико-смысловые связи, отвлеченные от конкретного содержания текстов и получившие в языке специализированные формальные средства эксплицитного выражения в рамках системы сложного предложения. Мы исходим из того, что семантико-синтаксические отношения, лежащие в основе объединения двух ПЕ в сложные конструкции, не представляют собой некий неизменный состав грамматикализованных логико-смысловых связей. Наши данные говорят о том, что - при относительной стабильности основного состава выражаемых в рамках сложного предложения семантико-синтаксических отношений - в этой сфере постоянно происходят многообразные изменения, которые в целом ведут к увеличению общего объема эксплицитно выражаемых семантико-синтаксических отношений. Это проявляется в процессах дифференциации и уточнения оттенков сложившихся ранее типов семантико-синтаксических отношений, а также - как результат отработки в качестве типовых таких смысловых связей, которые не получали ранее специализированных формальных средств выражения.

Но типизированная логико-смысловая сторона синтаксической связи между ПЕ может и не получать эксплицитного обозначения специализированным формальным средством, а выводиться из общего контекстного содержания и сопоставления конкретной лексической семантики ПЕ, входящих в состав сложного предложения.

Служебные средства сложных синтаксических конструкций, всегда обозначая наличие между ПЕ чисто синтаксической формальной связи, различаются тем, что одни из них ограничиваются только этим указанием, а другие одновременно еще и указывают на семантику этой связи. Таким образом, способностью обозначать грамматикализованную семантику синтаксических отношений обладают не все разряды служебных слов и степень конкретности обозначения этой семантики у служебных средств также различна. Эта сторона функций служебных средств сложного предложения учитывается в конкретных разделах книги. Кроме того, в специальной главе прослеживается развитие формальных способов выражения семантико-синтаксических отношений причины в сложных конструкциях со служебными словами всех изучаемых нами разрядов; в этой же главе сделана попытка проследить особенности процесса формирования конкретно-исторического содержания понятия причинной зависимости.

Исследуемая система сложного предложения, отраженная в памятниках письменности XI-XVII вв., представлена двумя основными функциональными разновидностями в книжных и деловых текстах. Книжные тексты для наших целей представляют значительный интерес, в них обнаруживается несравненно большее разнообразие синтаксических моделей сложного предложения (в том числе - самые архаичные) и, соответственно, разнообразнее представлены разряды служебных слов. В деловых текстах, доля которых в русской письменности заметно возрастает с XV века, формируется ряд таких инновационных процессов развития структуры сложного предложения, которые ведут к выработке нейтраль-

ных стилистически моделей сложноподчиненных предложений в русском литературном языке.

Своеобразие состояния синтаксиса сложного предложения в памятниках письменности XI-XVII вв. состоит в том, что почти все модели сложного (в первую очередь сложноподчиненного) предложения воспроизводятся на протяжении всего изучаемого периода, и поэтому основную свою задачу мы видим не в том, чтобы выстроить относительную хронологию употребительности той или иной конструкции с тем или иным средством связи, а, как было подчеркнуто в начале Введения, наше внимание направляется главным образом на выявление ведущих линий развития системы сложного - точнее, сложноподчиненного - предложения. Соответственно мы не касаемся вопросов периодизации истории русского языка и не придерживаемся традиционного деления материала на древнерусский и старорусский. Таким образом, мы стремимся представить динамический аспект синтаксической системы русского письменного языка за период с XI по XVII вв. Однако, рассматривая конкретные факты и пытаясь выявлять системно обусловленные тенденции общего развития системы сложного предложения русского языка, мы учитываем, что эти тенденции по-разному проявляются в рамках различных по содержанию, жанровой и временной принадлежности текстов.

Как было сказано, избранный нами метод предполагает в качестве начала анализа выделение в исследуемом тексте отдельных составляющих его предикативных единиц и последующее рассмотрение способов объединения смежных ПЕ в сложную синтак-

ическую конструкцию. Такой анализ требует предварительного выяснения специфики строения древнерусского текста и описания общих принципов его организации. С последним связана выдвигаемая в книге рабочая гипотеза: за исходную древнейшую структуру письменного текста принимается архаическая форма организации связного текста - т.н. цепочечное нанизывание предикативных единиц с помощью начинательных союзов; в недрах такой структуры развиваются различные типы объединений предикативных единиц в сложные синтаксические конструкции. Этим вопросам и посвящены первые два раздела настоящего исследования.

Специфические черты древнерусского текста

Тексты древних памятников письменности значительно отличаются от современных как внешне, так и по своей внутренней организации.

Из внешних особенностей при анализе синтаксического строя существенно вспомнить, что в древнерусских текстах заглавные буквы употреблялись только в начале отдельных, относительно самостоятельных кусков, а внутри таких кусков текст писался сплошь, без пробелов между словами. Начало и конец предложения ничем не отмечали. Не было также и знаков препинания в нашем современном их понимании. В древних текстах были, однако, так называемые "небуквенные" знаки , закономерность употребления которых пока не изучена. Формирование пунктуационной системы может быть связано с развитием книгопечатания и установлением практики деления текста на слова. В текстах, написанных скорописью, можно выделить элементы пунктуационного характера; так, в связи с этим И. С. Филиппова отмечает: "Преобладает смысловое членение текста, не связанное еще, как в современном русском языке, с грамматическими представлениями о структуре предложений... Наиболее часто знаки препинания ставят для указания на законченность высказывания и при перечислениях" [Филиппова, с.163,169]. См. также [Бахтурина].

В этих условиях служебные слова (начинательные, сочинительные и подчинительные союзы, синтаксические частицы и корреляты) выступали как основные показатели синтаксического членения текстов на единицы уровня простого предложения и выполняли одновременно другие разнообразные синтаксические функции [Кузнецова, с. II3]

3-I

8647/94
6736
ИРЯ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.rustang.ru
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

По своей внутренней синтаксической организации древнерусские тексты отличаются от современных, в первую очередь, способами объединения между собой предикативных единиц (ПЕ); и, хотя в лингвистической литературе принято выделять древние синтаксические конструкции, аналогичные современным простым и сложным (сложносочиненным, сложноподчиненным, бессоюзным) предложениям, эти синтаксические конструкции нельзя рассматривать как полностью тождественные современным и изучать в отвлечении от их общих связей с грамматической системой языка соответствующих периодов. За период XI - XVII вв. в текстах памятников письменности отражены серьезные изменения синтаксического строя - как в структурных схемах элементарных единиц уровня простого предложения, так и в структурных схемах сложных предложений, которые создавались на основе объединения в пределах связного текста смежных ПЕ.

В энциклопедии "Русский язык" дано следующее определение связного текста: "объединенная смысловой связью последовательность речевых единиц" [Николаева 1979, с.348]. Применительно к древнерусскому письменному тексту в этом определении требует конкретизации понятие "речевая единица". Нас интересует элементарная единица уровня простого предложения, то есть то, что для современного русского языка принято обозначать термином "предикативная единица".

Известно, что в лингвистике одним из главных при выборе и обосновании принципов анализа является понятие уровня. Как писал Э. Бенвенист, "Лишь с помощью этого понятия удается правильно отразить такую существенную особенность языка, как членораздельный характер и дискретность его элементов... Рассматриваемый текст любой длины прежде всего должен быть сег-

ментирован на более мелкие отрезки" [Бенвенист, с.129-130]. И далее - о том, что разложение языковых единиц дает нам формальное строение целого ,"интеграция же дает значение единицы более высокого уровня" (с.136).

Представление древнерусского связного текста в виде линейной последовательности предикативных единиц возникает как необходимое звено анализа при изучении процессов эволюции синтаксического строя в истории русского языка. Опираясь на общее положение о дискретности предикативных единиц в ряду их следования в любом связном тексте, исследователь древнерусского синтаксиса уровня сложного предложения может наблюдать приемы и средства соединения ПЕ в сложные синтаксические конструкции, отвлекаясь при этом от априорного ретроспективного использования классификационных понятий, разработанных на материале языка более поздних этапов развития. При этом должно выявиться распределение специализации служебных формальных средств в сложных синтаксических конструкциях различных типов, что является одной из задач настоящей работы.

Говоря о членении древнерусского текста до уровня отдельных ПЕ, необходимо обратить внимание на то, что ведущим принципом его синтаксической организации является цепочечное нанизывание ПЕ с помощью начинательных союзов. Подробно этот принцип будет охарактеризован в специальном разделе. Сейчас же следует учесть формальную сторону организации текстов по этому архаическому принципу: употребление особого формального средства связи - начинательного союза - перед каждой очередной, присоединяемой к тексту ПЕ. Следует заметить, что "в чистом виде" тексты, построенные по принципу цепочечного нанизывания ПЕ, встречаются в памятниках письменности сравни-

6736

тельно редко. Текст как последовательность ПЕ может представлять собой объединение в одном ряду с отдельными ПЕ также и такие соединения смежных ПЕ, которые составляют сложную синтаксическую конструкцию (со своими средствами связи), в такой ряд могут включаться также контексты с прямой речью и пр. Однако общая древняя организация ПЕ при этом не распадается, ее можно проследить как основу целого текста. Для иллюстрации способа цепочечного нанизывания ПЕ приведем небольшую запись, за один год, из Повести временных лет (ПЕ здесь соединены начинательным союзом и, в конце вводится текст прямой речи):

Въ лѣто 6392. Иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити, рекъ: "Азъ имъ противенъ, а вамъ не чему" (П.вр.л. 3,38).

Как видим, начинательный союз и, присоединяя очередную ПЕ к ряду, занимает позицию перед первым ее словом. Тем самым этот союз маркирует в тексте начало очередной дискретной элементарной единицы, указывая одновременно на конец предыдущей. Эти же функции, обеспечивающие синтаксическую членимость текста, присущи всем служебным средствам уровня сложного предложения, а также - и синтаксическим частицам, которые, однако, занимают в присоединяемой ПЕ позицию непосредственно после первого слова. Приведем еще один отрывок из Повести временных лет, в котором начало очередных ПЕ ряда маркируется различными служебными средствами уровня сложного предложения, общая же организация текста - цепочечное нанизывание ПЕ:

Яко се бысть другый черноризець, именемь Исакий, якоже и еще сущу ему в мирѣ, в житии мирьстѣмь, и богату су-

щю ему, бѣ бо купець, родом торопечанинь; и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующим и манастыремъ, и иде к великому Антонью в печеру, моляся ему, дабы и створилъ черноризцемъ. И прият и Антоний и взложи на нь порты чернецьскыя, нарекъ имя ему Исакий, бѣ бо имя ему чернь. Сей же Исакий вспиятъ житье крѣпко; облече бо ся во власяницю, и повелѣ купити себѣ козелъ, и одра мѣхомъ козелъ, и възлвече на власяницю, и осше около его коша сыра. ... (П.вр. л. 3,204)

В этом тексте одну и ту же функцию присоединения к левому контексту очередной ПЕ выполняют - наряду с начинательным союзом и - синтаксические частицы (бо 3 раза, же 1 раз), союзы (дабы 1 раз, яко же 1 раз).

Как видим, служебные слова - достаточно надежный критерий отдельности ПЕ в тексте. В дальнейшем мы будем использовать этот критерий при членении текста на элементарные единицы уровня простого предложения.

При членении древнерусских текстов исследователь сталкивается с рядом специфических сложностей, важнейшие из них связаны с тем, что элементарные единицы уровня простого предложения в современном русском и в древнерусском письменном языке характеризуются различными наборами структурных схем. Эти различия определяются тем, как в структурных схемах элементарных единиц текста представлены главные члены предложения, то есть глагольные формы предикатов и субъект действия. Остановимся на этих различиях.

Особенности глагольных форм предикатов ПЕ с формами причастий в функции сказуемого

Обратимся к примерам употребления причастий в древнерусских текстах.

(1) ... и въступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одолѣти нача Ярославъ, видевъ же Святополкъ, и побеже, и одолѣ Ярославъ, Святополкъ же бежа в ляхы... (П.вр.л. 3,156); (2) ... и паде шатер, и полци Аликсандрови видевши падение шатра того, и въздрадовашеся Л.Слуцк., 83); (3) ... они же видѣвше с оноя страны и приехаша в лодьи противу ему и взяша и в лодью и привезоша и к дружинѣ (П.вр.л. 3,80); (4) ... и придоста по днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок и ... (П.вр.л. 3,36).

В приведенных выше примерах причастия и личные формы глаголов выступают в аналогичных синтаксических функциях сказуемого. С современной нам точки зрения, здесь употреблены как бы "лишние" и, так как формы причастия не могут в современном русском языке составлять предикативную основу предложения. С позиции же синтаксической системы древнерусского языка, мы определяем, что и соединяет в ряду однородного следования разнородные по форме предикаты: личные формы глаголов и причастия "равноправны" в своем отношении к общей текстовой последовательности отдельных ПЕ.

Очевидно, что в рассмотренных примерах причастия, как и личные формы глаголов, выполняют синтаксическую функцию сказуемого. Начинательный союз и включает причастия в ряды предикатов, выстроенных именно в той последовательности, которая соответствует реальному ходу описываемых событий (изъять

или переставить эти причастия, не нарушив смысла текста, невозможно).

Иной характерный пример: ... Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к ним, иже около ею суть, рече им: ... (П.вр.л. 2,79); Здесь непонятно употребление формы пославъ: мы бы ожидали форму 3 л. ед.ч., так как перед пославъ нет повтора и (испытавъ и увѣдѣвъ посла). С другой стороны, форма пославъ семантически явно связана с аористом рече (пославъ рече). Таким образом, позиция причастия пославъ в тексте такова, что его синтаксическая функция не эксплицирована. Скорей всего этот отрывок - пример такой организации сложного текста с рядом сложноподчиненных предложений, при которой в качестве сказуемых в главных предложениях безразлично употребляются как формы глаголов, так и формы причастий, все они отнесены к одному субъекту действия (испытавъ, чья еста; увѣдѣвъ, яко князя; пославъ к ним, иже около суть; рече им: ...). Дискретность этих структур обозначена специализированными служебными средствами (синтаксическая частица же, союзы яко, иже, союзное слово чья); функция служебного слова и воспринимается противоречиво: или оно соединяет однородные члены предложения (испытавъ и увѣдѣвъ), или же продолжает выполнять роль начинательного союза в тексте, организация которого претерпела уже принципиальные изменения. Обратим внимание на то, что между формой причастия пославъ и аористом рече отсутствует маркирующее начало ПЕ служебное средство. Перед нами пример употребления причастия в такой синтаксической функции, которую теперь принято называть второстепенным сказуемым. В современном русском языке - это функция деепричастия, то есть обе формы функционируют в преде-

лах одной ПЕ.

При членении древнерусского текста в подобных случаях мы констатируем, что синтаксическая функция причастия не определима.

Приведем еще несколько примеров из Повести временных лет: и пославши Ольга къ деревляномъ, рече имъ: Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зело и възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легко идущи приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ; Пославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача на ученье книжное; и посла къ деревляномъ, рькущи аще ...; и видѣвше греци, и убоящася, и рѣша выславше ко Олгови. Большинство этих примеров из Повести временных лет выписаны из текста, посвященного одному и тому же эпизоду. В этом отрывке находятся также и случаи употребления причастий, подобные тем, которые были рассмотрены выше, с союзом между причастием и личной формой глагола, например: приникши Ольга и рече: ... Таким образом, можно констатировать, что в текстах древнерусских памятников письменности причастия - как и формы финитных глаголов - могут выступать в функции предиката=сказуемого в отдельной самостоятельной ПЕ, и в то же время формы причастий могут выступать как второстепенное сказуемое, совместно с финитной формой глагола-сказуемого в пределах одной ПЕ.

Слово и является в древнерусских текстах таким средством синтаксической связи, которое чаще других можно отметить в рассматриваемых функциях равноправного соединения в одну общую смысловую линию форм причастий и форм финитных глаголов, но, как отмечалось выше, начало самостоятельных ПЕ, составляющих связный текст, может маркироваться и другими формальны-

ми средствами синтаксической связи. Приведем некоторые примеры: и даша един от них 100 бел на трапезу, а молвя таково слово: ... (Ж.М.Кл., с.416); ...Юрьи же самь не иде, ни послуша князеи резаньских молбы, но хотя сам особь брань творити (Л.Слуцк. л.97об.); Да приходячи Русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже придутъ гости, да емлют мѣсячину на шесть мѣсяць ... (П.вр.л. 3,44); ...и поидоста по Волзѣ, кдѣ приидуча в погостъ, ту же нарекаста лучьшиѣ жены, глаголюща, яко ... (П.вр.л. 2,78); сей убо прииде к святому Сергию, яко же велию веру имеа ко старцу, въпросити его, аще повелит ему противу безбожных изити: ведяще бо мужа добродетелна суща и дар пророчества имуща (Ж. С.Рад.,250).

В свое время вопрос об употреблении причастий в текстах древнерусских памятников письменности исследовал А.А.Потебня. Он рассматривал как случаи употребления и между формой финитного глагола и формой причастия, так и случаи без союзов между ними [Потебня 1958,с.190-192]. Положение причастий в грамматическом строе древнерусского языка А.А.Потебня связывает с незавершенностью общего процесса противопоставления категорий имени и глагола. В области синтаксиса это проявляется в том, что в простом предложении формы причастий могли выступать как в апозитивной (определительной при имени), так и в предикативной функциях. Это противоречие, выражающееся в недифференцированности специализации синтаксических функций причастий, в истории русского языка разрешается на морфологическом уровне образованием категории деепричастия: "Так, из причастия, как определения, получается деепричастие, которое не остается в роли определения по наследству, а создает но-

вую роль" (с.80).

Тезис о развитии в истории русского языка категории деепричастия на базе причастий мы пытаемся представить со стороны статуса ПБ с причастием в функции сказуемого, т.е. рассмотреть вопрос о предикативности словосочетаний типа князь вставъ. С этим связан вопрос о двучленности структуры предложения, точнее - об изменчивости этого свойства в историческом плане. Как пишет Д.Н.Шмелев, "Поскольку основа возникновения предикативного значения все-таки в сочетании двух приспособленных для проявления такого значения словоформ, принятие именно двучленной конструкции, двучленного словосочетания за исходную точку организации предложения представляется более реалистичным". И далее: "Если сочетание словоформ отличается той особенностью, что становится законченной отдельной частью текста ... грамматически и интонационно независимой от смежных с ним частей того же текста, то этому сочетанию приписывается свойство предикативности, а само оно обозначается как предикативное" [Шмелев 1976, с.9,17].

Эти общетеоретические положения позволяют, как представляется, осмыслить следующим образом результаты проведенного анализа функционирования причастий в древнерусских текстах. Опираясь на служебные средства как на формальные показатели предикативности (дискретности) отрезков текста, мы обнаруживаем, что словосочетания типа князь вставъ самодостаточны для выражения такого звена текста, которое с необходимостью включается в цепь ПБ, развертывающую общую последовательность описываемых событий. Таким образом, в наборе предикативных словосочетаний древнерусского языка можно числить и словосочетания имен с причастиями. Двойственная их природа - наличие

форм именного словоизменения, и таким образом, отнесенность к группе подлежащего – могла на ранних этапах не препятствовать функционированию в текстах словосочетаний типа князь вставъ наряду с другими предикативными сочетаниями(утраченные позже конструкции с инфинитивом и с двойными косвенными падежами и др.).

Однако мы осознаем некоторую прямолинейность такого заключения. Изменение даже одного звена грамматической системы всегда есть результат воздействия комплекса явлений разных уровней языка. Мы же взяли только аспект функционирования ПЕ с причастиями в функции сказуемого. Для понимания исторического процесса дифференциации и специализации синтаксических функций причастий необходим учет также и других сторон их существования в системе языка, в первую очередь – морфологического аспекта истории категорий причастия и деепричастия, а также – данных современных диалектов русского языка [Кузьмина, Немченко 1971; Кузьмина, Немченко 1982].

Если признать правильным общее положение о том, что "части речи – это морфологизованные, застывшие члены предложения" (см., например, [Аванесов 1936, с.54]), то для определения грамматического статуса причастий в древнерусских текстах естественно проанализировать синтаксическое функционирование их в пределах отдельных ПЕ. Однако сами эти ПЕ в древнерусских текстах, с современной нам точки зрения, характеризуются незавершенностью своих структурных схем, что обусловлено общими архаическими принципами строения этих текстов. Нечеткая синтаксическая специализация причастий в пределах ПЕ отражает незавершенность развития в этом звене общего противопоставления имени и глагола. Это звено – "точка роста", из

6736

которой, с одной стороны, развилось деепричастие, а с другой - определились современные принципы членения связного текста на отдельные ПЕ.

Своеобразие в употреблении причастных форм в позиции сказуемого обнаруживается в древнерусских текстах и в тех случаях, когда причастие входит в некоторые архаичные синтаксические обороты. Например, в обороте со вторым винительным падежом: фрязи же увѣдавше ѥата Исаковица (Лет.Новг.) [Борковский, Кузнецов § 293], в обороте с дательным самостоятельным [Там же, § 319]:

хотящу Володимеру ити на ѥАрослава ѥАрославъ жеославъ за море приведе варяги (Лет.Лавр. I).

В последнем примере входящее в оборот дательный самостоятельный причастие в дательном падеже хотящу функционирует как глагольная связка в составе сказуемого (хотящу ити), во второй ПЕ в качестве сказуемого выступает причастие прошедшего времени вставъ, а в третьем - личная форма глагола (аорист приведе). Таким образом, у всех трех глагольных форм в этом отрывке одна и та же синтаксическая функция, и все три ПЕ включены в текстовую последовательность равноправно. Отсутствие четкой синтаксической специализации форм причастий характеризует синтаксический строй текстов памятников письменности не только в древнерусский, но и в старорусский период истории языка. Так, С.Д.Никифоров, исследуя русский глагол второй половины XVI в., отмечает: "В ряде случаев трудно установить, является ли присоединенное к глаголу союзом и, да (=и) слово кратким причастием или деепричастием. Формально такие краткие причастия уже перешли в деепричастия, однако эти деепричастия продолжают выполнять функцию предиката, поэтому привычный

способ связи их в предложении с verbum finitum посредством союзов сохраняется ..." [Никифоров, с.284].

Некоторые особенности выражения субъекта действия в древнерусских текстах

Особенности выражения субъекта действия в текстах древнерусских летописей удачно представлены в небольшой статье Зд. Трестеровой, посвященной вопросу о так называемой связности древнерусского текста. Перечислив основные явления, характеризующие особенности связности летописных текстов, автор указывает, что все эти явления известны науке, но описаны с позиций "синтаксиса в узком смысле", тогда как "представляет интерес и возможность интерпретации рассматриваемых явлений в плане синтаксиса текста" [Трестерова 1985, с.15]. Из области выражения субъекта действия в статье отмечается: формы множественного числа сказуемых, которые согласованы не формально, а по смыслу с субъектом действия, выраженным собирательным существительным (дружина рекоша); случаи, когда субъект действия не назван, но понимание текста опирается на традиции культуры, которые должны быть известны современникам автора текста; случаи, когда субъект действия выражен второстепенным членом предложения, в результате чего читатель должен ориентироваться на смысл отрывка, а не на его формальную структуру; наконец, явление, которое названо в статье чередованием субъектов действия, т.е. случаи, когда эта мена эксплицитно не выражена. Добавим, что часто субъект действия специально не обозначается и в тех случаях, когда все произведение посвящено какому=либо одному лицу, например, в житиях святых, содержанием которых является описание жизни одного лица, и это лицо может не упоминаться как граммати-

ческий субъект действия; этому способствует также и общий нарративический характер повествования. Например, в Житии Феодосия Печерского после композиционного отступления от основной линии повествования и предупреждения о возвращении к главной теме автор не считает необходимым снова вводить субъект действия и не обозначает его ни именем, ни даже местоимением: Мы же паки поидемъ на прьвое исповѣданиѥ стаа̀го сего отрока растыи оубо тѣлъмь и дш̀ею влекомъ на любъвь бж̀ию и хожаше по вса дн̀и в цр̀кв̀ь бж̀ию послоуша̀а бж̀ьствьныхъ книгъ съ всѣмь въниманѝемь ѥще же и къ дѣтьмь играющимъ не приближаше сѧ ѥако же обычаи ѥсть оунымъ нъ и гноушаше сѧ играмъ ихъ (Усп.сб. л.27г).

Для сравнения приведем перевод этого отрывка, в котором, согласно современным требованиям русского языка, два раза употреблено местоимение он: "Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке Рос он телом, а душой тянулся к любви божьей, и ходил каждый день в церковь божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это обычно у малолетних, но избегал их игр" [Творогов, 309].

Отсутствие эксплицитно выраженного субъекта действия (а в плане структурной схемы простого предложения - неполнота простого предложения за счет отсутствия подлежащего) - это черта древнерусского синтаксиса, непосредственно связанная с характерными чертами морфологии древнерусского глагола. На эти корреляции морфологического и синтаксического уровней постоянно обращал внимание В.И.Борковский. Приведем несколько его обобщающих наблюдений над употреблением местоимения онъ:

"В древнерусских памятниках чаще опускается подлежащее - имя существительное, чем ставится вместо него местоимение онъ" "Характерно, что ... и в XIУ в. местоимение онъ указывает не на подлежащее предшествующего предложения (или подлежащее первой части сложного предложения) ... а на более отдаленное подлежащее"; В XУ - XУI вв. устанавливается употребление, которое характерно для современного русского языка, а именно: онъ указывает на подлежащее предшествующего предложения. А будетъ виноватъ волостной человекъ и онъ поѣдетъ к намѣстнику (Нижн.жалован.гр. между 1410 - 1417 п.) [Борковский, Кузнецов 1965, с. 350-351].

Отметим также, что к особенностям выражения субъекта действия в древнерусских текстах следует отнести случаи, когда субъект действия выражен не в форме именительного падежа (главный член предложения - подлежащее), а в форме дательного падежа (в обороте дательный самостоятельный , в инфинитивных оборотах). По мнению А.М.Сабенниной, оборот дательный самостоятельный в древнерусском языке выступал как стилистический вариант простого двусоставного предложения. Этот оборот мог употребляться в тексте и как самостоятельное предложение и как часть (главная или придаточная) сложноподчиненных предложений [Сабенина 1985, с.73-80]. Например: и се изиде къ нем ѣ-его же видѣвъши и поклони с-а ѣ-емоу таче сѣдѣвема има начатъ жена простирати к немоу бѣсѣдоу многоу (Усп.сб., л.32б); Бысть же родителема ближнаго преселити са въ инъ градъ коурьскъ нарицаѣ-емыи князю тако повелѣвъшю паче же рекоу богоу сице изволивъшю (Там же, л. 27в).

Инфинитивные конструкции, в которых субъект действия

обозначен дательным падежом существительного или местоимения, были представлены в древнерусских текстах достаточно широко. В структурную схему таких конструкций мог входить инфинитив со связкой, то есть с личными формами глагола быть. См. выше оборот: быс же родителема преселити са въ инъ градъ ... (во втором примере с дательным самостоятельным). Субъект действия мог быть выражен дательным падежом при предикате в форме инфинитива без связки (обычно в составе придаточного предложения с союзом яко): и се внезапу чюдо бысть страшьно: отъ земля бо възятъся цьркы и съ сущними въ ней възиде на въздусѣ, яко не мощи имь дострѣлити ея (К.Ф.Печ. З., с.354); тольми же гнѣвъмъ одрьжима, яко и въ домъ ей пришьдьши, бити и, дондеже изнеможе (Там же, с.310).

Последний пример интересен тем, что представляет собой контаминацию инфинитивного оборота с союзом яко и оборота дательный самостоятельный : у этих двух оборотов один общий субъект действия - ея, местоимение в дательном падеже.

Древняя восточнославянская синтаксическая конструкция ввода в текст чужой речи

Цепочечная организация древнерусских текстов прослеживается обычно как общий принцип линейной последовательности ряда ПЕ, в котором, однако, можно выделить не только отдельные ПЕ, но одновременно и обособившиеся формально объединения ПЕ в сложные синтаксические конструкции разных типов. Эти конструкции как бы прерывают нанизывание начинательными союзами отдельных ПЕ.

Среди таких прерывающих в древних текстах последовательное нанизывание отдельных ПЕ конструкций, можно выделить весьма своеобразную, специфичную именно для архаической структуры древнерусских текстов конструкцию ввода в текст чужой речи. Эта конструкция функционирует наряду с другими способами ввода в текст чужой речи [о них см. Лопатина] и интересует она нас не в плане изучения собственно способов ввода чужой речи, а лишь постольку, поскольку в ее синтаксической структуре реализуются общие принципы и черты синтаксиса начальных периодов становления письменного литературного языка древней Руси. Эта конструкция ввода в текст чужой речи состоит из двух разделенных союзом (а или и) глагольных форм - причастия (Р) и личной (Г) обобщенно представим ее формулой:

v_1 + союз + v_2 .

Приведем примеры двух разновидностей реализации этой формулы. Эти примеры в дальнейшем изложении будем использовать как типовые.

Тип I "а ркучи": Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ а ркучи: О, Днепре Словутицю, ты пробилъ еси ..." (Сл. о плк. Иг.) $^{PV}_1$ + а + $^{PV}_2$,

Тип II "и рече": Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ ужасеся и всплакавъ и рече: "Сего не бывало в Руськей земли" (П.вр.л. 2) $^{PV}_1$ + и + $^{PV}_2$.

Основное внимание мы обращаем на функционирование в текстах варианта I ("а ркучи"), так как именно эта разновидность формулы ввода чужой речи представляется специфичной для восточнославянской письменности древнерусского периода. Таким образом, мы ставим себе следующие задачи:

а) представить заинтересовавшую нас конструкцию ввода чужой речи (тип I "а ркучи") как достаточно широко употреблявшуюся формулу, структурная схема которой могла возникнуть в условиях древнерусской синтаксической системы, то есть как конструкцию, в которой реализуется способность причастия выступать в качестве предикативной основы ПЕ, что, согласно принятой методике анализа текста, может определяться наличием служебного слова между причастной и финитной формами глаголов, и при этом показать, что для древнерусского варианта, в отличие от церковнославянского, характерно употребление союза а;

б) рассмотреть гипотезу, согласно которой в конструкциях ввода чужой речи предикативную основу ПЕ может составлять не одна, а две глагольных формы, одна из которых - форма глагола речи.

Рассмотрим некоторые примеры.

I тип "а ркучи" (PV_1+а - PV_2)

Сначала приведем такие примеры, в которых эта формула реализуется полностью: жены руския въсплакашась, а ркучи: "Уже нам своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати (Сл. о плк. Иг.); Микулина жена Васильевича Марья рано плакаша у Москвы града на забралах, а ркучи тако: "Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы ..." (Задонщина); То ти было не щурове рано воспѣша жалобныя пѣсни восплакалися жены коломеньские, а ркучи тако: "Москва, Москва, быстрая река ..." (Там же); [русские князья] и стояша на вежах 3 дня веселяся а рекуще: "Братья наша ходили с Святославомъ, великим князем и билися с ними зря на Переяславль, а они сами к ним пришли, а в землю их не смѣли по них ити. А мы в земли их есмы и самѣхъ избили, а жены их полонены и дѣти у насъ А нонѣ поидем по них за Дон и до конця изобьем их ... а возьмем до конця свою славу и честь (Лет. Лавр.); в лѣто 6754 Поѣха князь Александръ в Тотары къ царю Батыю, а ркучи: "понеже рече ми царь Батыи: мнѣ покорися языкы вся ... (Лет. Новг. IУ. л. I6 об.); бысть мятежъ великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла оучиниша, беручи пошлины Тотаромъ; чернь же не хотѣша дати числа, а ркучи: "изомремъ за святую Соѳѣю"; и взяша Тотарове число (Лет. Новг. IУ, л.17); і сто-а всь полкъ по г̄ дни за свою правдоу и въ д̄ и дн̄ь присла кн̄зь река тако аже онаны-а лишит сѧ посадничьства ѥазъ вамъ гнѣва б̄дам(ь) (Лет. Новг.); а которой наймитъ плотникъ, а почнетъ сочить найма своего на государя, а дѣла его не ѡтдѣлаетъ, а поидетъ прочь, а ркучи такъ государю, оу тебе есми ѡтдѣлалъ дѣло свое все, и государь молвит: не ѡтдѣлалъ еси всего дела своего ... (Псковск.суд.гр. ХУ в.); и поча весь на-

род плача молвити "Уже ли Кыеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, их же послалъ бяше тои церкви на велицѣмь дворѣ на Ярославлѣ, а река: хочу создати церковь таку же аки же ворота си - да будеть память всему отечьству моему" и тако плакася по нѣмь весь градъ и ... (Лет. Ипат., Пов. об убиении Андр. Бог.).

Примеры реализации этой разновидности формулы ввода чужой речи, подобные приведенным выше (то есть без каких-либо отклонений от структурной схемы I), сравнительно редки. От этой схемы возможны отклонения а) за счет утраты союза а и б) за счет введения перед текстом прямой речи указательных местоимений так, тако, сице. Например: а) Половци же услышавша поидоша рекуще: "братья наша избита и отци наши, а друзии изъимани, а се нонѣ на нас идут (Лет. Ипат.); ... и поидоша на владыцьнь дворъ, рекуче: "того дѣла стоитъ тепло дълго, выпровадилъ Антония владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давъ мьзду князю" и аки злодѣя, пьхающе за воротъ выгнаша (Лет.Новг.,л.106); и поиде путем гость, они же казаша рекуще: "поидете по свою братью, али мы идем по свою братью к вам" (Лет. Лавр.); ... и посласта къ Володимеру глаголюща: "Крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ" (П.вр.л. 2, с.70); ... с нимъ бо бяшеть тысячского сынъ и конюший его и та нудяста и глаголюща: "поиди, княже, в землю Рускую" (Лет. Ипат.); [святой Нифонт наелся и заснул, а проснувшись] бѣ-аше с-а крѣпъцѣ гл-а рабе лоукавыи далъ ти ѣсмь ѣсти и пити а ты съпати хочеши азъ же т-а накажю (...) (Выг. сб., л. 2 об.); ... смолнанѣ же почаша совокупити дружину къ собѣ рькуче: ци жда на насъ приѣдуть дружина Володимиря (Пов. об уб. Андр. Бог.); ... Прочая же верныя ены жены приступльши к ней начаша въпрашати ю глаголюще:

"Имаши ли в пазусе младенца пеленами повита, его же глас младенческый слышахом во всей церкви верещающе?" (Д.С.Рад.,233); [Ольга] посла ко граду глаголюще: "Что хочете досѣдѣти?..." (П.вр.л. 3,72); И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: "Хочу пояти дщерь твою собѣ женѣ" (Лет.Лавр.); По семь же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: "Аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ ..." (Лет.Лавр.).

Количество подобных примеров без союза между формами глаголов можно значительно увеличить.

б) В лѣто 6778. Бысть мятежъ в Новѣгородѣ: почаша гонити князя Ярослава а ркучи тако: "поди прочь". И съзвониша вѣче на Ярославле дворѣ и оубиша Іванка (Лет.Новг.IУ, л.19); и одариша кнаꙁь роуськыхъ а рекоуче тако нашю землю дн҃ь б҃-али а ваша заоутро възата боудеть и възмоли сѧ котань зати сво-емоу мьстисла(в) же поцѧ молити сѧ кназемъ роуськымь бра(т)и сво-ей река тако " ... " (Лет.Новг., л.190-198); Того же лѣта прислалъ князь великый Всеволодъ Юрiевичь сына своего Костантина въ Новгородъ, рка тако: "в землѣ вашей рать ходитъ, а князь вашь, сын мой Святославъ, малъ; а даю вамъ сына своего старѣйшаго Константина" (Лет.Тверск., с.301); и прислаша к нимъ второ-е послы татари рекоуще тако а ѣсте послоушали половьчь а послы наша ѣсте избили а идете противоу на(с) тъ вы поидите а мы васъ не за-али да всѣмъ бъ (Лет.Новг., синод. сп., л.190).

В приведенных примерах реализации разновидности I формулы ввода чужой речи типа "а ркучи" обращают на себя внимание следующие черты: 1) в позиции v_2 употребляются причастные формы настоящего времени, в числе которых преобладают формы на =учи; 2) союз а наименее устойчивый элемент формулы; 3) употребле-

ние указательных местоименных наречий, дублирующих и уточняющих указательную функцию вводящих чужую речь причастных форм.

П тип "и рече" (PV_1 + и + PV_2)

Структурная схема этой разновидности формулы ввода в текст чужой речи полностью реализуется сравнительно редко и большей частью в евангельских и других подобных текстах, написанных церковнославянским языком. Например: [Исус] повелѣ ити на онъ полъ и пристѫпль ѥдин кънигъчи и рече ѥмоу ... (Остр.ев., л.63 об.). Отъвѣщавъ Іс и рече ѥмоу (Остр.ев., л. 7); отвѣща иісъ и рече аще бы вѣдѣла даръ бжии (Остр.ев., л. 29 об.); [Исус] приде же къ симоноу петроу и гла ѥмоу онъ ги ты ли мои оумыва-еши нозѣ отъвѣща исъ и рече ѥмоу ѥже азъ творю ты не вѣси нынѣ ... (А.М.В.); и принесоша я на дворъ к Ользѣ, и, несъше вринуша е въ яму и с лодьею . Приникъши Ольга и рече имъ: "Добра ли вы честь? ... И повелѣ засыпати я живы и посыпаша я (Лет.Лавр.2,42).

Чаще всего можно встретить модификацию формулы П с опущенным союзом и. Приведем примеры из Успенского сборника: принесе тоу млтвоу гви съ многами сльзами и мола ба глаше съвери ги люди расточены-а и въведи ѥ-а въ црькъвь сию и просвѣти очеса оумьна-а ихъ ...(л.295 б); отъвѣщавъше вьси рѣша ѥи оче нашь ѥи наставьниче животоу нашемоу (л.296 в); блженыи разоумѣвъ льсть непри-азниноу и възнесъ глас свои рече тьма тво-а с тобою в погыбѣль да боудеть ... (л.297 г); ѡтвѣщавъ же дь-аволъ рече сътоужаю имъ да побѣжю ѥ-а (л.298 в); видѣвъ же ѥ-а блаженыи рече обидоша ма ѥ-ако бъчелы ... (л.299 а); ѡнъ же видѣвъ старостьны-а сѣдины ѥ-его поразоумѣ ѥ-ако блоуда ради въпраша-еть ѥ-ѥ-а потомь ѡтвѣщавъ рече ѥ-есть и зѣло красьна ... (л.302 б).

Кроме того, нам встретилось несколько случаев употребления не разнородных, а однородных по форме глаголов (двух личных или двух причастных форм), между которыми может быть союз и:

и ѥгда приближиша са къ мнѣ глахъ имь добрѣ ходите и добръ вы боуди поуть ѡтвѣщаша и рѣкоша послоушаи тебе бъ твои добрыи старче (Усп.сб., л.291 в); Онъ же ѡтъвѣща къ нѥмоу и рече проклатъ боуди и вьса дѣла твоѥа нечисте ... (Усп. сб., л.299 а); И приде Ярополкъ, надъ немь плакася, и рече Свѣнелду: "Вижь, сего ты еси хотѣлъ!" (Лет.Лавр.); И приѣха князь печенѣжьскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: "Выпусти ты свой мужь, а я свой да ся борета". (Лет.Лавр.);

И прѣшьдъ мало паде ниць мола са и гл҃а оче мои аще възможьно ѥсть да мимо идеть отъ мене чаша си (Остр.ев.); ѿвѣщавше же боляре рекѡше аще бы лихъ законъ гречьскии то не бы баба твоѥа прияла ѡльга (Лет.Лавр., л.74); и одариша князь роуськыхъ а рекоуче тако нашю землю днь т҃ѣли а ваша заоутро възята боудеть и възмоли са котань зати своѥмоу мьстисла(в) же поца молити са княземь роуськымь бра(т)и своѥи река тако ... (Лет.Новг., л.196).

Примеры реализации разновидности П формулы ввода чужой речи (типа "и рече") иллюстрируют следующие особенности ее реализации: 1) в позиции v_2 как правило выступает финитная форма глагола, но возможны исключения; 2) в структурной схеме этой разновидности формулы ввода чужой речи (в позиции v_1) употребляются причастия прошедшего времени; 3) союз и - наименее устойчивый элемент формулы; 4) употребление дополнительно указательных местоименных наречий не отмечено.

Обратим внимание на формы глаголов, употребляемых при реализации обеих разновидностей формулы ввода чужой речи. В каждом варианте одна из форм - причастие, и в каждом примере по крайней мере одна из форм представлена глаголом, относящимся к лексико-семантической группе глаголов речи, и именно форма такого глагола занимает позицию V_2, то есть непосредственно перед текстом прямой речи. Таким образом, перед вводимой чужой речью может быть или форма причастия (тип I "а ркучи"), или финитная форма глагола речи (тип $\underline{\text{II}}$ "и рече").

В позиции V_1 употребляются глаголы, не ограниченные принадлежностью к какой-либо определенной лексико-семантической группе. Здесь могут быть и глаголы движения, далекие по своей семантике от глаголов речи, могут быть и глаголы речи но чаще всего семантика глаголов в позиции V_1 и общая смысловая ситуация текста позволяют предполагать, что действие сопровождалось речью, то есть происходило одновременно с действием, обозначенным формой глагола речи (V_2). Это характерно как для примеров типа I "а ркучи" (ср. выше: плакаша, а ркучи тако; веселяся а рекуще; потха а ркучи; посласта глаголюща; нудяста глаголюща, поидоша рекуще; почаша гонити а ркучи; посла глаголя; прислалъ рка тако и др.), так и для примеров типа $\underline{\text{II}}$ "и рече" (ср. приступль и рече; отвѣщавъ и рече; приникъши и рече; мола глаше; възнесъ глас рече и др.). Отметим, что для обеих разновидностей формулы отмечены случаи употребления одновременно двух форм глаголов речи (например: казаша рекуще; отвѣщавъ рече и др.).

Рассмотрим вопрос о синтаксических функциях глаголов в структурных схемах разновидностей I и $\underline{\text{II}}$ формулы ввода чужой речи. Этот вопрос сводится к определению синтаксического ста-

туса глагольных форм в этих структурных схемах, иными словами, - вопрос в том, одна или две ПЕ составляют структурную схему анализируемых разновидностей формулы. Выше мы пытались показать, что причастие в древнерусском языке, обладало свойством быть носителем предикативности, то есть быть предикативным центром самостоятельной ПЕ. Это очевидно в особенности в тех случаях, когда - как и в рассматриваемой формуле ввода чужой речи - между глаголом и причастием имелось служебное средство, членящее обычно текст на отдельные ПЕ. К формальным средствам, членящим текст на отдельные ПЕ, относились в древнерусском языке и служебные слова а и и. Посмотрим, как осуществлялась названная функция этих служебных слов в рамках конструкции, вводящей в текст чужую речь.

Тип I "а ркучи". Напомним пример из Псковской судной грамоты: а которой наймитъ плотникъ, а почнетъ сочить найма своего на государя, а дѣла его не отдѣлаетъ, а поидетъ прочь, а ркучи такъ государю, оу тебе есми отдѣлалъ дѣло свое ... ПЕ а ркучи такъ государю соединена по смыслу с ПЕ а поидетъ прочь. В основе связи этих ПЕ вариант I рассматриваемой формулы ввода чужой речи $V_I F + а + V_2 P$: поидетъ а ркучи (так). Служебное слово а в этой синтаксической ситуации - начинательный союз, повторяющийся в левом контексте перед рядом ПЕ, составляющих вместе первую часть, называющую тему статьи судной грамоты. Эта часть, согласно традиции составления подобных документов, представляет собой условную конструкцию. В данном случае ее составляет перечень ПЕ, нанизывающихся посредством а. ПЕ а ркучи такъ государю входит в названный перечень условных конструкций как отдельная, самостоятельная ПЕ. Таким образом, в данном случае вводящая функция сочетания а ркучи обусловлена конкретной

6736

семантикой глагола и позицией ПЕ в конце ряда условных конструкций непосредственно перед текстом прямой речи. Если бы и сам текст прямой речи был построен с помощью начинательного а, то перебоя линии нанизывания ПЕ вообще бы не создалось; однако такого примера мы не встретили, хотя прямая речь достаточно часто передается в древнерусских текстах посредством начинательного а. См. тексты княжеских посланий в статье [Франчук]. Необходимость отметить ввод чужой речи, по-видимому, ощущалась, что и привело к включению в этот тип конструкций ввода чужой речи указательных слов такъ, тако и др.

Подчеркнем, что ПЕ а ркучи такъ государю, входя в перечень условий, не обозначает действия, развивающегося во времени по отношению к действиям выраженным в предшествующих ПЕ.

Разобранный пример показывает формулу ввода чужой речи (тип I) в ткани текста, построенного по принципу цепочечного нанизывания ПЕ, где эта формула не выделена ничем, кроме позиции непосредственно перед прямой речью. Но а ркучи отмечено и как специализированное сочетание, в котором а не включено ни в какие иные линии синтаксической связи, а принадлежит только этой формуле. Такое сочетание является знаком границы начала прямой речи. Ср. выше в типовом примере из Слова о полку Игореве: Ярославна ... плачетъ а ркучи (v_1F + а + v_2P) и в построенном по аналогии с ним примере из Задонщины: ... восплакалися жены ... а ркучи тако - тако, возможно, примета более позднего текста.

Таким образом, сочетание а ркучи (и другие подобные) могли сложиться в древнерусских текстах как самостоятельные ПЕ, в соответствии с древнейшими принципами текстовой организации письменной речи. Форма ркучи - согласно своему грамматическому

статусу - функционировала как причастие (а не как деепричастие) и начинательный союз а перед ней мог выступать так же, как и перед финитными формами глаголов. Мы застаем это сочетание в древнерусских текстах старшей поры уже фразеологизированным, то есть устоявшимся в употреблении знаком, указывающим границу начала чужой речи. Присоединение специализированного указательного местоименного наречия подчеркнуло и закрепило за сочетанием а ркучи (так) описанную выше синтаксическую функцию. (В эту модель могли включаться и другие формы причастий)

В некоторых изданиях древнерусских текстов, в частности, в тексте Слова о полку Игореве и в Задонщине, мы находим передачу сочетания а ркучи одним словом: аркучи. Слово аркѣчи получило специальное толкование в словаре И.И.Срезневского: "аркѣчи = а ркѣчи = а говоря". Первая часть этого толкования (а ркѣчи) наглядно показывает синтаксическое членение с позиций древнерусского синтаксиса; вторую же часть (а говоря) нельзя принять за перевод, так как в современном языке такое сочетание недопустимо, это именно толкование, передающее смысл и грамматические особенности древнего сочетания.

Тип $\overline{П}$ "и рече". Союз и, входящий в структурную схему $\overline{П}$ разновидности формулы ввода чужой речи, так же может восприниматься как один из начинательных союзов, с помощью которых нанизываются ПЕ в тексте. Например, в Остромировом евангелии: [Исус] повелѣ ити на онъ полъ и пристѫпль ѥдин кънигъчи и рече ѥмоу. Употребление причастной формы глагола в позиции V_1 не связано непосредственно с вводом в текст прямой речи, поэтому второй тип формулы регулярно реализуется полностью в основном в ограниченном круге фразеологически устойчивых сочетаний (отвѣщавъ и рече и др.) Сочетание и рече и просто аорист

рече (как и личные формы других глаголов речи) широко употреблялись для ввода чужой речи как в древнерусском, так и в церковнославянском языке текстов памятников письменности. Поэтому, например, употребленная в Повести временных лет конструкция приникъши Ольга и рече может вовсе и не быть примером реализации варианта П формулы ввода чужой речи, а являться просто свободной синтаксической конструкцией, построенной по обычной для древнерусского языка структурной схеме с союзом и между причастной и финитной формами глаголов. В случаях, когда П вариант формулы реализуется полностью, употребление союза и, по-видимому, не связано с обозначением временной последовательности действий, обозначенных формами глаголов V_1 и V_2. В этом случае в устоявшейся формуле - в связи с уточнением и специализацией ее функции - союз и легко утрачивается. Причастная форма и идущая вслед за ней личная форма глагола составляют вместе один предикативный центр.

К рассматриваемой формуле ввода чужой речи в древнерусские тексты представляет интерес не только ее собственно синтаксическая структура, но и сам факт употребления в ней двух глагольных форм от разных глагольных лексем. Это лексико-синтаксическое явление - выражения одной предикативной основы предложения двумя формами разных глаголов - еще недостаточно изучено, хотя и обращало на себя внимание исследователей истории русского языка и его диалектов. Результаты этих исследований позволяют увидеть употребление двух глаголов в формуле ввода чужой речи на фоне подобных же явлений за рамками только этой формулы, то есть рассматривать описанные выше факты как частные случаи проявления более широкого явления грамматического строя русского языка, возможно, имевшего место и в древнерусский период.

В статье о причастных грецизмах в древнерусских литературных текстах XIУ-XУ вв. Б.В. Кунавин рассматривает синтаксические конструкции, в которых "причастие и глагол сливаются в единой предикации" [Кунавин, с.153]. Привлекшие наше внимание конструкции ввода чужой речи автор квалифицирует как "плеонастические выражения, состоящие из причастия и близкого с ним по значению глагола в финитной форме" [Кунавин, с.155]; примеры, приводимые автором, по своей структурной схеме аналогичны тем, которые выше анализировались нами. Приведем некоторые из них для сравнения: ответщавши жена и рече (Суды Соломона); Они же из града с забором ответщавше рекоша (Повесть о нашествии Тохтамыша); и възопи тогда, глаголя (Житие Сергия Радонежского); Преподобный же паки въпроси а, глаголя (Там же); и новгородцы отъмолвиша им рекуще (Повесть о посаднике Добрыне) и др.

Автор статьи в своем анализе материала опирается на работу Р. Ружички, который сличил все действительные причастия старославянских текстов с их соответствиями в греческих оригиналах и пришел к заключению, что факты употребления двух глагольных форм в конструкциях ввода чужой речи в церковнославянском языке следует признать заимствованиями из греческого, куда они в свою очередь, проникли под влиянием древнееврейского. (Последнее утверждение Б.В.Кунавин дополнительно подтверждает ссылкой на "Грамматику церковнославянского языка" А. Гамановича). Аналогичные факты в древнерусском языке XIУ-XУ вв. (в текстах памятников сугубо книжного характера) автор статьи считает заимствованиями из старославянского языка, называя их "причастными грецизмами".

Нам представляется, что решить вопрос о природе оборотов с двумя глагольными формами нельзя на том ограниченном материа-

ле, который исследовал автор, так как за пределами привлеченного им круга жанрово ограниченных источников имеется материал, позволяющий утверждать связь рассматриваемых фактов с особенностями синтаксиса древнерусского языка. Хотя, конечно, мы не отрицаем возможности заимствования, а точнее - использования, в древнерусских текстах сложившейся в церковнославянском языке формулы ввода чужой речи (то есть ее второй разновидности по нашей терминологии),

В монографии, посвященной синтаксису южновеликорусской письменности XVII в., С.И.Котков и З.Д.Попова при описании бессоюзных связей ПВ специально выделяют "парные глаголы", которые отмечены в текстах деловых документов с записями устных рассказов и диалогов. Об этих глаголах сказано, что они образуют "особый тип сказуемого ... В них первый глагол обозначает второстепенное действие, а второй глагол - основное (аналог предложениям с деепричастными оборотами). Между парными глаголами союз отсутствует закономерно. Парные глаголы обозначают одно, хотя и сложное действие. Парные глаголы отмечаются и в официальных деловых бумагах и в деловых грамотках ..., но только в текстах, отражающих записи устной речи, парные глаголы предстают во всем разнообразии" [Котков, Попова, с.33]. Примеры "парных глаголов" авторы книги распределяют по трем семантическим рубрикам, что само по себе говорит о широте распространения рассматриваемого явления. Однако глаголы речи и сочетания с ними других глаголов авторы никак не выделяют, хотя в одной из рубрик имеется пример плачучи сказал. По-видимому, к XVII в. в деловой письменности рассматриваемая формула ввода чужой речи уже отсутствовала, или она, вообще, не была присуща южнорусской деловой письменности. О конструкциях с

двойными глаголами в современной народно-разговорной и народно-поэтической речи см.: [Милов]; [Будде]; [Павлова]; [Собинникова].

* * *

Выделив в древнерусских текстах в качестве специализированной формулы ввода чужой речи синтаксические конструкции, в состав которых входили соединенные союзом (а или и) две разнородные глагольные формы (личная и причастие), мы провели наблюдения особенностей реализации этой формулы в древнерусских текстах различной жанровой принадлежности. При этом выявилось своеобразие древнерусских текстов светского содержания (фрагменты летописей, деловые документы, художественные тексты): только в них отмечено употребление первой разновидности общей формулы ввода чужой речи (тип I "а рькучи"); в текстах сугубо книжного характера (в житиях святых, поучениях и под.), а также в переводных религиозных текстах, написанных в основном церковнославянским языком, эта разновидность не отмечена (здесь используется тип II "и рече").

Тем самым разновидность формулы а рькучи является принадлежностью оригинальных древнерусских текстов светского характера (мы обратили внимание на употребление этой разновидности в Слове о полку Игореве, в Задонщине, в Псковской судной грамоте, в Новгородской и Ипатьевской летописях). Отметим также, что в реализации в древнерусских текстах типа а рькучи используются компоненты, маркированные как принадлежащие собственно общевосточнославянской письменности: начинательный союз а и форма причастия на =учи.

Рассматриваемая конструкция является именно синтаксической формулой: ее лексическое наполнение может варьироваться.

При этом позиция v_2 заполняется только формами глаголов речи, а формы глаголов, заполняющих позицию v_1, в принципе лексически не ограничены, хотя обычно их семантика так или иначе связана с ситуациями, в которых предполагается производство речи.

В позиции v_1 отмечены также формы глаголов речи, дуолирующие семантику глаголов речи в позиции v_2, последнее чаще наблюдается в реализации второй разновидности формулы (отъвѣщавъ рече). В древнерусской письменности, например в летописных текстах, по-видимому, существовала традиция строить контекст с прямой речью от 1-го лица как цепочечную конструкцию с начинательным союзом а. При этом воспроизводился образец, который мы находим в подлинных текстах от 1-го лица в новгородских берестяных грамотах, ср.: От Iостяты к Васильви. Еже ми отьць даял и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне водя новую жену, а мне не въдасть ничьто же, и зби в руки пустил же мя, а ину ю поял. Доеди, добре сотворя (Н. гр., № 9). Подобным образом строили отрывки с текстами прямой речи, например, приводя тексты княжеских посланий, максимально приближенных к бытовому и деловому содержанию (о близости прямой речи и диалогов в летописях к разговорному типу языка см. [Аванесов 1949, с.14]). Можно думать, что проникновение элемента а рькучи, маркирующего начало чужой речи, в тексты летописей также связано с указанной традицией передачи прямой речи.

Разновидность формулы ввода чужой речи типа I "а рькучи" не передает временной последовательности событий, а, выступая в качестве второй глагольной формы, обозначающей одно действие, подчеркивает ситуацию одновременности действия и

речи.

Структурную схему формулы ввода чужой речи (в ее полном варианте с союзом), с точки зрения древнерусской синтаксической системы и структуры древнерусского текста, по-видимому, следует интерпретировать как состоящую из двух самостоятельных ПЕ - элементов цепочечной организации текста, включенных в общий текстовой ряд начинательным союзом. Отметим, что союз - наименее устойчивый компонент формулы ввода чужой речи; его сравнительно раннюю утрату, вероятно, надо связывать с параллельным процессом превращения системы древнерусских причастий в категорию деепричастия, с утратой способности древнерусского причастия составлять предикативный центр предложения (в частности, о судьбе формы причастий на -учи см. [Припадчев]). В результате структурная схема формулы ввода чужой речи в текстах древнерусского языка начинает соответствовать структурной схеме современного предложения с основным и второстепенным сказуемым.

Мы отметили такие особенности древнерусской синтаксической системы, которые определяют специфику синтаксического членения связных древнерусских текстов до уровня отдельных ПЕ. При этом основное внимание было уделено особенностям структуры таких текстов, содержание которых не касается повседневных деловых и бытовых вопросов жизни людей и которые написаны высоким, сугубо книжным языком во многом приближающимся к языку церковнославянских текстов. Этот выбор мотивирован тем, что большинство названных выше синтаксических особенностей не характерно для синтаксиса древнерусской деловой речи (употребление абсолютных оборотов, использование синтаксических час-

тиц, инфинитивные конструкции с союзом яко и нек.др.). В то же время текстам делового и бытового содержания присущи свои характерологические черты, которые во многом определяются древней традицией составления деловых документов (наличие специальных формул, штампов, типовых формуляров). В плане эволюции синтаксического строя древнерусского языка и развития синтаксиса литературного русского языка наиболее показательны факты, говорящие об изменении синтаксической системы книжных текстов, эволюция которой происходила в общем направлении к сближению русской речи разных сфер употребления. Поэтому мы считаем необходимым пристально наблюдать изменения синтаксической системы именно в текстах книжной речи, привлекая при этом для сравнения и аналогий факты делового языка. Особенно это существенно для определения того исходного состояния синтаксической системы, которое отражено в древнейших памятниках письменности и развитие которого мы предполагаем исследовать.

Следуя выбранной методике: расчленять связный текст на составляющие его элементарные единицы уровня простого предложения, а затем исследовать способы соединения этих единиц в сложные синтаксические конструкции, - мы пытаемся показать, что вопрос об элементарной текстообразующей единице для современного и древнерусского языка следует решать по-разному.

Своеобразие в этом плане древнерусского текста касается особенностей ряда таких звеньев синтаксической системы языка, которые представляют своеобразие и в других древних индоевропейских языках по сравнению с современными. Так, А.В. Прошева, исследуя синтаксис ранней латинской прозы, отмечает, что "к общим явлениям следует отнести невыраженность субъекта действия" [Прошева, с.30]. И.А. Перельмутер в исследовании, посвящен-

ном синтаксическим особенностям прозы Геродота, пишет: "Связывание в одно синтаксическое целое большого числа элементарных предложений, вводимых одним и тем же союзом или содержащих одну и ту же частицу, наблюдается в сохранившихся фрагментах древнегреческих прозаиков - предшественников Геродота" [Перельмутер, с.105]. Это описание организации древнегреческого текста соответствует нашему пониманию структуры древнерусских текстов, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ. Далее, на с.106, тот же автор пишет о широком распространении в древнегреческом языке причастных оборотов, которые при переводе на современные европейские языки заменяются придаточными предложениями с союзами и союзными словами:

"При сопоставлении текста Геродота с его переводами на современные языки обнаруживается, что причастные обороты в своем подавляющем большинстве передаются в переводах посредством придаточных предложений различного вида или инфинитивных оборотов, сопровождаемых союзными словами. С помощью придаточных предложений, вводимых союзами, смысловые связи между компонентами высказывания выявляются яснее и дифференцированнее причастных оборотов. Правда, почти во всех случаях ... контекст позволяет вполне однозначно решить вопрос о характере связи между действием, выражаемым посредством причастия, и действием, которое обозначает финитный глагол". Подводя итог этим наблюдениям, автор указывает на то, что широкое употребление причастий "свойственно не только древнегреческому, но и другим индоевропейским языкам архаического строя: латинскому, древнеиндийскому, литовскому"; при этом автор цитирует труд Э. Швицера, который писал: "В целом ясно, что в плане исторического развития причастный оборот древнее придаточного предложения" [с. 43].

Таким образом, отмеченные особенности строения древнерусского текста, касающиеся формальных средств, организующих связный письменный текст, синтаксического статуса причастий и причастных оборотов, а также способов выражения субъекта действия, имеют аналоги в особенностях структуры древних текстов других индоевропейских языков."Эти особенности отражают, по-видимому, некоторые общие закономерности, связанные с известной общностью самих процессов отбора и приспособления синтаксических конструкций разговорной речи в целях организации специальных систем средств выражения содержательной информации, подлежащей развернутому изложению и письменной фиксации" [Десницкая, с.3].

Основные вопросы развития синтаксического строя древних славянских языков исследованы в трудах Я. Бауэра. В его статье, посвященной вопросу возникновения и развития типов сложного предложения в истории чешского языка, для нас представляет интерес следующее положение: "Нужно отдать себе отчет в том, что членение речевого акта в давнюю предысторическую эпоху было совершенно иное, чем теперь: он не был четко расчленен ни интонационно, ни синтаксически на замкнутые единицы - предложения, а складывался из множества мелких единиц, просто следующих одна за другой (можно было бы говорить о их аппозитивном соединении или просто о юнкстапозиции). Предложение как синтаксически организованная и внешне замкнутая единица появилось постепенно путем примыкания семантически связанных самостоятельных или полусамостоятельных единиц к одному предикативному ядру и подчинения ему грамматически и семантически" [Бауэр, с.93].

Далее Я. Бауэр пишет о своем понимании относительной хро-

нологии процессов формирования простых и сложных предложений: "В целом же развитие сложного предложения относится к тому времени, когда образование простого предложения уже значительно продвинулось вперед, так что мы имеем право говорить о возникновении сложного предложения путем соединения первоначально самостоятельных предложений. Замена причастных (или уже деепричастных) оборотов придаточными предложениями не составляет исключения: во-первых, весьма вероятно, что причастные конструкции некогда употреблялись в функции предложений, во-вторых, здесь речь идет не о превращении этих конструкций в предложение, а об их постепенной замене предложениями, возникшими независимо от них" [Там же].

Нам представляется, что древнерусские тексты могут служить иллюстрацией именно такого, какое описано у Я. Бауэра, состояния начального этапа формирования синтаксической системы письменного языка, то есть этапа образования системы конструкций уровня сложного предложения: еще продолжается уточнение состава грамматических категорий, способных функционировать в качестве предикативного ядра простого предложения, и отрабатываются способы обозначения субъекта действия, иными словами - утверждается как ведущая двусоставная структура простого предложения, и, одновременно с этим, уже складываются структурные схемы сложных синтаксических конструкций бинарного типа.

Синтаксическая организация связных текстов по принципу цепочечного нанизывания ПЕ с помощью начинательных союзов

Способ организации ПЕ в связном тексте, который мы называем цепочечным нанизыванием предикативных единиц , давно обращает на себя внимание исследователей, о нем в той или иной связи упоминается почти во всех трудах по историческому синтаксису русского языка. Этому принципу синтаксической организации текста посвящена монография В.М. Ринберг, в которой цепочечное нанизывание рассматривается в "аспекте диахронно-синхронного единства". Автор исследует структуру "цепного" нанизывания в текстах памятников письменности раннего периода истории восточнославянских языков, прослеживает эволюцию изучаемой модели; в этой работе рассматривается ряд важнейших структурных особенностей древних синтаксических конструкций и дана тщательная разработка истории изучения вопросов синтаксического строя текстов памятников письменности [Ринберг].

Т.П. Ломтев называет этот принцип организации ПЕ "грамматической связью однородного следования", а сам способ соединения ПЕ - "цепным нанизыванием предложений". В книге Т.П. Ломтева разработана теория образования сложных синтаксических конструкций на основе парного соединения простых предложений, разнородных по отношению к категориям времени, модальности и лица [Ломтев, с.486].

Нас интересует в первую очередь формально-семантическая организация текстов, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ, характерные особенности "связности" таких текстов, то есть, с одной стороны - степень взаимозависимости смежных ПЕ в ряду их линейной последовательности в пределах текста, а с

другой - степень обособленности элементарных и сложных единиц, составляющих в своей совокупности характерную структуру древнерусского письменного текста.

Следует специально подчеркнуть, что, говоря о текстах, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ как об исходной текстовой структуре, в пределах которой возникали и отрабатывались в употреблении модели различных типов сложных синтаксических конструкций, надо хорошо представить себе, что не существует, и в принципе не могло существовать, такого целостного древнерусского литературного произведения, весь текст которого представлял бы один ряд ПЕ, соединенных между собой по принципу цепочечного нанизывания. Мы наблюдаем только отдельные фрагменты таких текстов. Относительная простота синтаксических связей между ПЕ в этих фрагментах служит основанием для того, чтобы рассматривать их как исходную среду, в которой смежные ПЕ складывались в объединения, в той или иной мере обособившиеся в тексте, то есть в такие единства, которые мы называем сложными синтаксическими конструкциями. Сами же фрагменты, в которых ряд ПЕ организован по принципу цепочечного нанизывания, не являются сложными синтаксическими конструкциями. Связь ПЕ в них реализована только на простейшем текстовом уровне. Однако в таком тексте заложены возможности развития синтаксических связей, которые реализованы при отработке структурных схем (моделей) сложных синтаксических конструкций разных типов: соположение ПЕ в ряду их следования служит основой разбиения их на различные бинарные (и иные) объединения. Соотношение содержания смежных ПЕ создает в тексте ход мысли, при этом выявляются и осознаются как типовые некоторые логико-смысловые ситуации, которые со временем приобре-

тают статус типизированных семантико-синтаксических отношений и получают в сложных конструкциях средства эксплицитного выражения (служебные синтаксические средства).

Рассмотрим этот текстовый уровень синтаксической связи. Формальными средствами синтаксической связи являются служебные слова и, а, да, к ним примыкает служебное слово же. Наиболее распространенное название этих служебных слов - начинательные союзы. Этим термином мы будем пользоваться в дальнейшем. Употребление слова же в функции начинательного союза имеет ряд специфических особенностей, о которых будет сказано ниже.

Приведем полностью текст записи за один год из Повести временных лет и проследим в структуре этого текста реализацию принципа цепочечного нанизывания предикативных единиц.

В лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестию. Ѣ си же времена Мьстиславу сущю Тьмуторокани, поиде на касогы. Слышавъ же се, князь касожьскый Редедя изиде противу тому. И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: "Что ради губивѣ дружину межи собою? Но снидеве ся сама боротъ. Да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все". И рече Мьстиславъ: "Тако буди". И рече Редедя ко Мьстиславу: "Не оружьем ся бьевѣ, но борьбою". И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: "О пречистая богородице, помози ми. Аще бо одолѣю сему сѣщу церковь во имя твое". И се рекъ, удари имь о землю. И вынзе ножь, и зарѣза Редедю. И шедъ в землю его, взя все имѣнье его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы. И прищедъ Тьмутороканю, заложи цер-

ковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тьмуторокани (П. вр.л. 3,160).

В этом тексте можно выделить общую основу - цепочечную организацию всех составляющих его простых и сложных элементов. Эта основа эксплицируется тем, что во всех тех случаях, когда нет другого служебного средства, очередная ПЕ присоединяется к предшествующему тексту посредством начинательного союза и. Все другие служебные синтаксические средства выступают в результате включения в текст сложных элементов (сложных синтаксических конструкций, контекстов с прямой речью). После вступительной части, где представлена исходная ситуация, автор переходит к изложению событий, обозначив первую ПЕ цепочки начинательным и (и ставшема обѣма полкома ...). Далее начинательное и присоединяет последовательно три конструкции с чужой речью, которые представляют собой диалог. При этом начинательное и переключает слова участников диалога, входя в специализированное словосочетание и рече, т.е. слова участников диалога вводятся каждый раз по той же схеме, что и каждая любая очередная ПЕ (принцип нанизывания); мена субъектов речи при этом специально никак не обозначается. Следующая после диалога ПЕ также присоединяет начинательное и, а вслед за этим тем же и присоединены три ПЕ, которые в семантическом плане выделены тем, что между их содержанием имеются причинно-следственные отношения, что маркируется употреблением синтаксической частицы бо. Далее начинательное и присоединяет еще один контекст с прямой речью, после которого с помощью начинательного и последовательно присоединяется ряд простых элементов цепочки, состоящий из семи ПЕ. Во всех этих семи ПЕ не выражен субъект действия, он восстанавливается на основе контекс-

та и общего смысла всего текста; последняя ПЕ присоединена союзным словом яже, в сочетании с предшествующей ей ПЕ в тексте образовано сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, однако и перед этим сложноподчиненным предложением свидетельствует о том, что обособление его в тексте окончательно не завершено: аорист созда можно рассматривать и как однородное сказуемое, но этому противоречит явная временная последовательность действий (заложи и созда).

В этой летописной записи "чистый" текст, построенный по принципу цепочечного нанизывания отдельных ПЕ, представлен только последними семью, присоединенными посредством и ПЕ. Однако весь текст как бы наложен на цепочечный каркас, и только ряд из семи ПЕ в конце текста представляет этот каркас в обнаженном виде. Рассмотрим синтаксическую структуру этого фрагмента (начиная с ПЕ: и се рекъ, удари имь о землю). Отметим существенные особенности его отруктуры: 1) повторяемость служебного средства: и перед первой ПЕ и далее такое и стоит перед каждой очередной ПЕ; 2) каждая ПЕ, входящая в ряд, автосемантична, не требует обязательного наличия ни левого, ни правого контекста, то есть в составе звеньев цепочки нет показателей логико-смысловых связей между содержанием ПЕ; 3) начинательный союз и не несет смысловой нагрузки, а является только средством сцепления ПЕ в связный текст; 4) ход событий в рассказе развертывается благодаря соотношению реального содержания каждой очередной ПЕ ряда с содержанием остальных; таким образом, 5) логико-смысловые отношения между ПЕ и общий ход мысли опираются только на конкретное содержание отдельных ПЕ; 6) порядок следования ПЕ жестко связан с реальным ходом событий.

В данном тексте содержание последней ПЕ, присоединенной посредством союзного слова яже ориентировано на конкретные слова из предшествующего текста: ю (церковь). Таким образом, три последние ПЕ объединены семантически, и смысловая связь их формально выражена линией: церковь - ю-яже. Завершающая эту линию ПЕ, присоединенная союзным словом яже, замыкая эту линию, создает сложноподчиненное определительное предложение бинарной структуры и закрытого типа, с эксплицитно выраженными семантико-синтаксическими отношениями между частями (союзное слово яже). Таким образом, цепочечная организация текста прервана и весь текст приобретает свойство закрытости. В нашем примере, поскольку ПЕ, введенная посредством яже, завершает всю летописную запись, это - частный случай завершения текста, так как здесь совпали отступления от общей линии субъекта действия (в последней ПЕ это уже не Мстислав, а церковь) и от общей линии временной последовательности ПЕ в соответствии с реальной последовательностью фактов, то есть без последней ПЕ с яже весь текст имел бы незаконченный, формально, открытый характер, и длина ряда ПЕ определялась бы только количеством передаваемой информации. Следовательно, можно назвать еще одно свойство текстов, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ: 7) немаркированность конечной ПЕ.

Перечисленные свойства текстов, организованных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ, в комплексе раскрывают внутренний механизм такой простейшей синтаксической связи, которую Я. Бауэр, говоря об образовании сложных предложений, называет юкстапозицией: "Сочетаться могли только такие предложения, которые в связном речевом акте находились рядом и между содержанием которых была определенная связь. Сначала это, по всей

вероятности, была только юнкстапозиция, постепенное причленение одного предложения к другому, отражающее ход мысли говорящего" [Бауэр, с.93]. Принцип юнкстапозиции, то есть грамматической ориентации только на ближайшее (смежное) слово, можно видеть и в случаях, когда в простом предложении при наличии нескольких субъектов действия сказуемое согласовано только с ближайшим из них, а остальные "причленяются" посредством союза и. Например: И поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю и придоша к Стугнѣ Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ созвана дружину (П. вр.л., 3, 218). Здесь в первом случае три существительных - имена собственные - не ассоциируются в один член предложения - подлежащее, а воспринимаются по-отдельности (глагол в ед. числе согласован только с первым именем, остальные - "причленяются" посредством и; во втором случае глагол-сказуемое уже во множ. числе, но частица же выделяет только одно первое имя). Подобные факты В.И. Борковский считал "живым фактом языка". Он писал: "Согласование сказуемого с ближайшим подлежащим (при этом не только в случаях с препозицией сказуемого, но и в случаях с постпозицией сказуемого) было живым явлением языка. Мы находим его и в памятниках более позднего времени (XVI в.)". В.И. Борковский отметил случаи согласования сказуемого только с ближайшим подлежащим в формуле, употреблявшейся в деловых документах о землевладении: куда топор и коса и соха ходила; куды ходил топор и коса и соха и др. под., в Домострое: А всему тому была мѣра и счетъ [Борковский, Кузнецов, с.331].

Принцип юнкстапозиции характеризует соединения ПЕ не только в простой цепочке ПЕ, он прослеживается в том или ином виде и в некоторых сложных синтаксических конструкциях. Эти

явления мы будем иметь в виду при изложении материала следующих разделов.

Рассмотрим особенности текстов, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ, отдельно с каждым начинательным союзом.

Служебное слово *и* в функции начинательного союза

Употребление начинательного *и* присуще главным образом древнерусским текстам повествовательного характера (их часто называют нарративными). Это тексты летописей, житий святых, сказания, повести, то есть произведения, содержанием которых являются события, происходившие в определенной временной последовательности. По своему содержанию эти произведения обычно далеки от вопросов повседневной бытовой и деловой жизни, их характеризует высокий книжный вариант письменного языка. Начинательный союз *и* наиболее часто используется также в церковнославянском языке богослужебных канонизированных текстов. Приведем образец текста, организованного с помощью начинательного *и*: ... *и* сѣде Василко Теребовли, а Давыд приде Володимерю. И наставши веснѣ, приде Володарь и Василько на Давыда, *и* придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, *и* взяста копьем град *и* зажгоста огнем, *и* бѣгоша людье огня. *И* повелѣ Василко исѣчи вся, *И* створи мщенье на людех неповинных, *и* пролья кровь неповинну. Посем же придоста к Володимерю *и* затворися Давыдъ в Володимери, *и* си оступиша град. *И* посласта к володимерцем, глаголя: " ... " (П.вр.л. 3, с. 258).

В содержании этого текста с помощью начинательного *и* выра-

жена лишь последовательность действий. Все другие возможные отношения между описываемыми событиями остаются вне поля зрения автора, и он не стремится их выразить в тексте. Соответственно начинательный союз и отражает только последовательность событий и функционирует только как формальное средство элементарной синтаксической связи, не внося в текст никакой дополнительной семантики. Рассмотрим случаи, когда перед очередной ПЕ или отсутствует, или заменен начинательный союз и. Два раза союз и перед очередной ПЕ заменен союзом а, и в обоих этих случаях происходит мена субъекта действия в присоединяемой ПЕ. В тексте в двух этих случаях как бы образуются сложносочиненные предложения, первое из них: сѣде Василко Теребовли, а Давыд приде Володимерю - хотя и соответствует структурной схеме аналогичных сложносочиненных предложений современного русского языка, в данном синтаксическом контексте не обособлено как самостоятельная единица текста: начинательное и перед и после этой пары ПЕ говорит о включении каждой из них по отдельности в общую цепочечную структуру текста (отсутствует свойство закрытости, присущее сложной синтаксической конструкции). Однако отметим все же появление а, маркирующего отношение противопоставления. Второй случай замены и на а: придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери - в общем подобен первому: здесь также отмечена мена субъекта действия и выражено отношение противопоставления (отсутствие начинательного и после второй ПЕ компенсируется - в плане текстовой организации - наличием частицы же в следующей ПЕ: это же фиксирует очередной переход действия к другому субъекту - от Давыда к братьям - и одновременно служит формальным средством синтаксической связи ПЕ). Появление а в названных слу-

чаях может быть связано еще и с тем, что действия в этих, двух, соединенных посредством а, парах предложений, по-видимому, не мыслятся как следующие одно за другим, а скорее представляются одновременными, во всяком случае последовательность их здесь несущественна, а противопоставление действий разных субъектов выдвигается на первый план.

Отметим два случая употребления оборота дательный самостоятельный . В первом: и наставиш весне - союз и отсутствует между оборотом и следующей за ним ПЕ, во втором - начинательное и разделяет оборот и очередную следующую за ним ПЕ. По-видимому, в первом случае оборот только лишь обстоятельство времени в ПЕ, где субъектом действия являются князья, а во втором оборот "дательный самостоятельный" выступает как отдельная ПЕ. Таким образом, начинательный союз и в этом тексте отражает только связь событий в их временной последовательности, он функционирует только как формальное средство синтаксической связи, не внося в текст никакой другой дополнительной семантики.

В этом тексте можно наблюдать проявление уже упоминавшихся выше черт древнего текста, касающихся особенностей выражения субъекта действия. В ПЕ приде Володарь и Василько на Давыда сказуемое согласовано с ближайшим Володарь в единственном числе, хотя можно было бы ожидать сказуемое в двойственном числе, так как субъектом действия являются оба брата. В тексте противопоставлены, с одной стороны, действия князей Володаря и Василька, с другой - действия князя Давыда. Рассказ построен так, что ведущей линией в нем являются поступки двух братьев, а поступки Давыда представлены как бы ответом на действия братьев. По-видимому, вследствие этого ряд ПЕ, в которых субъ-

ектом действия являются братья, выражены неполными предложениями с опущенным подлежащим.

Мы рассмотрели синтаксическую структуру отрывков из летописных текстов. Приведем еще фрагмент из Жития Феодосия Печерского - произведения с более сложной структурой ПЕ, составляющих текст. Однако и в этом торжественно приподнятом тексте можно проследить подобные разобранным выше особенности синтаксической организации связного текста с преобладанием принципа цепочечного нанизывания ПЕ, с помощью начинательного союза и.

[Сразу после смерти Феодосия]

Братии же врата затворивъшемъ и никого же поустащемъ по повелѣнию блаженааго и бѣша приседѣще надъ нимь и ожидающе донъде же разидоуть са людие и тако того погребоутъ ꙗко же самъ повелѣ бѣша же и соль-аре мнози пришьли и ти прѣдъ враты сто-аще И се по съмотрению бжию помлачило са нбо и сниде дъждь тоже ти тако разбѣгоша са и аби-е паки дъждь прѣста и слнце въси-а и тако того несъше въ прѣже реченоую пещероу положиша и и запечатьлѣвъше и отидоша и без брашьна вьсь дьнь прѣбыша (Усп.сб., л.64в).

Субъект действия в первых пяти ПЕ назван только в первой ПЕ (в форме дат. падежа братии) в обороте дательный самостоятельный. Две первые ПЕ ряда - обороты дательный самостоятельный - соединены посредством союза и, синтаксическую функцию которого в этом случае можно понять двояко: как функцию присоединения очередной ПЕ и как функцию сочинительного союза, соединяющего однородные сказуемые. В пользу последней квалификации говорит то, что действия в этих двух ПЕ представлены скорее как одновременные, а не как следующие одно за другим, и к

обоим глаголам можно отнести общее обстоятельство. На современный русский язык это можно было бы перевести так: по повелению блаженного братия затворила ворота и никого не пускала. Однако такое восприятие текста безусловно грешит модернизацией старых отношений: особенности выражения категории времени в оборотах дательный самостоятельный нельзя приравнивать к значениям этой категории в личных формах глаголов.

Следующий фрагмент из трех ПЕ также воспринимается противоречиво. Вопрос в том, относится ли связка бѣша к одному или к двум причастиям (второе из смежной ПЕ). Если к двум, то перевод был бы такой: и ждали пока разойдутся люди и [они] похоронят его так, как он сам повелел (= чтобы им похоронить его так, как он сам повелел). Обратим внимание на то, что семантика цели в этом тексте эксплицитно не выражена). Предложенный перевод второго фрагмента тоже не адекватен тем реально выраженным в тексте грамматическим отношениям, которые содержались в тексте построенном путем нанизывания ПЕ начинательным и, хотя реальный общий смысл возможно и тождественен. Далее в тексте перебой формального средства связи (мена и на же). Присоединение очередной ПЕ частицей же вызвано нарушением соответствия порядка следования содержания ПЕ реальному ходу событий: автор хочет подчеркнуть, что у ворот были даже бояре, а когда они пришли - здесь несущественно. Далее опять начинательное и знаменует собой возврат к изложению в соответствии с временной последовательностью фактов. В этом ряду ПЕ интересно отметить противоречивое функционирование причастий в отрывке: и тако того несъше въ прѣже реченоую пещероу положиша и и запечатлѣвъше и ѡтидоша и ... Здесь 1) несъше ... положиша - причастие в позиции второстепенного сказуемого, наряду с личной

формой глагола в пределах одной ПЕ; 2) и запечатлѣвъше и ... - это причастие - сказуемое неполного предложения.

Подведя итог нашим наблюдениям над функционированием в древнерусских текстах начинательного союза и следует подчеркнуть, что с помощью именно этого союза строились тексты произведений высоких книжных жанров, а также и религиозные тексты, написанные церковнославянским языком. Только с этим союзом, по-видимому, можно было построить текст, в котором начинательный союз и "выстраивает" ряд ПЕ, которые представляют собой обороты дательный самостоятельный . Например: И также вышьдѣшема въ црквь. и бывъши молитвѣ сѣдоста. и блаженному Феодосию начьнъшю глати томоу отъ стыихъ кънигъ. и много оуказавъшю емоу ѡ любъви брата. и оному паки много виноу износящю на брата своего. и того ради не хотящю тому съ тѣмь мира сътворити (Ж.Феод.Печ., с.87). С помощью начинательного союза и строились тексты летописей, житийной литературы, повестей и пр. Эти тексты, для которых характерно повествование, соотнесенное с временной последовательностью описываемых событий, фактов, поступков. Временная последовательность событий, соотнесенная с порядком следования ПЕ соответствующего содержания, - единственная линия реального содержания излагаемых фактов, которая соотносит употребление начинательного союза и с содержательной и смысловой стороной текста.

Все остальные семантические, логические и смысловые связи в излагаемом содержании в структуре текстов, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ с помощью начинательного союза и, остаются формально невыраженными. Они, эти связи, возникают только на основе соотношения конкретного содержания отдельных ПЕ, составляющих связный текст.

Служебное слово а в функции начинательного союза

Функционирование начинательных союзов и и а в древнерусских текстах, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ, нельзя считать полностью тождественным. Различие касается в первую очередь сфер их использования: если основная сфера употребления начинательного и, как было отмечено, - тексты повествовательного характера, содержанием которых являются действия, поступки, события, представленные в изложении в соответствии с их временной последовательностью, то основная сфера употребления начинательного союза а - тексты, описывающие или перечисляющие статичные объекты, констатирующие наличие фактов, предметов, обстоятельств. Соответственно этому порядок следования в тексте ПЕ не связан с реальной временной последовательностью каких-либо событий, а может быть соотнесен с любым произвольно выбранным принципом организации объектов при их описании.

Часто текст с начинательным а строится в форме перечня статей законов, условий договоров, пунктов обязательств, завещаний и т.п. Соответственно этому наблюдается и жанровое распределение текстов с начинательным и и с начинательным а. Последние - это обычно документы делового характера, содержание их связано с бытовой повседневной стороной жизни, с регулированием имущественных отношений людей, с их хозяйственными распоряжениями с регламентацией торговых, дипломатических связей. Это тексты уставов, уложений, договоров, духовных грамот и других подобных документов. Следует отметить, что начинательному союзу а присуща особая организующая роль в тексте документа: этот союз часто употребляется при вводе в юридический текст очередного пункта (параграфа, статьи), содержание кото-

рого посвящено отдельной узкой теме. В памятниках законодательного характера такое, вводящее очередной пункт а, может выступать наряду с другими, обозначающими такие же пункты, формальными средствами языка (союзами аще, или, аже и др.) Например, в Уставе князя Ярослава:

[35] Аще жена иметъ красти у мужь, митрополитъ г гривны, а мух казнит, а не разлучити их;

[36] А у свекра тако же

[37] А жена чародѣица, наузница, волхва, зелейница, мух доличится, всяко казнит ея, а владыцѣ ѕ гривен;

[38] Аще муха два бьетася, а укуситъ или одрѣтъ, владыце г гривны;

[39] А женѣ двѣ бьетася, на виноватой владыце гривен;

[40] А мужь биетъ чюже жену, за сромъ ея по закону а владыце ѕ гривен;

[41] Аще без вины свекоръ сноху биетъ или деверъ ятровь, а то платитъ по закону, а митрополиту ѕ гривен.
(Кн.Уст., с.102).

В подобных случаях мы не можем говорить о линейной последовательности ПЕ, присоединяемых посредством начинательного союза а. Текст этот не открытый ряд ПЕ (как это было с начинательным и), он структурирован на отдельные пункты, и начинательный союз а (наряду с другими служебными средствами) выступает как знак смысловой руорикации текста, т.е. функционирует как средство, членящее текст на отрезки, состоящие иногда из ряда ПЕ. В такой функции а может выступать и без других служебных средств, т.е. в качестве единственного повторяющегося перед началом каждого отрезка текста знака, членящего текст на рубрики. Так, например, используется начинательное а в Псковской

судной грамоте XУ века. Приведем две статьи из текста этого памятника:

А оу которого человѣка помрѣть жена без рукописания, а оу ней останется отчина, ино мужу ея владѣти тою отчиною до своего живота толко не оженится, а оженится, ино корьли ему нѣтъ.

А кто на комъ оучнетъ искать сабренаго серебра, или иного чего, опрочь купетскаго дѣла, и гостебного, да и доску положить на то, ино то судить на того волю на комъ ищуть, хочетъ самъ поцелуетъ или своему истцу у креста положитъ или с нимъ на поле лѣзеть ...

Каждая статья посвящается одному вопросу. Этот вопрос выносится в начало статьи в форме первой части условно-определительного предложения с а в позиции союза. В первой из приведенных выше статье заголовок уточняется посредством присоединения к нему, также посредством а, еще одного предложения, далее формулируется само правило, в форме второй части сложноподчиненного предложения условия, присоединяемого посредством коррелята ино (таким образом реализуется структурная схема сложноподчиненного предложения условия с а в первой части в позиции союза и с коррелятом ино во второй части). В заключение формулируется дополнительное обстоятельство, существенное для темы именно этой статьи, причем опять в форме сложноподчиненного предложения условия с союзом а и коррелятом ино.

Следующая статья посвящена уже другой возможной конфликтной ситуации. Опять в начало статьи выносится условное предложение, начинающееся союзом а первая часть этого предложения называет тему статьи, а во второй его части, присоединенной коррелятом ино, сформулировано само предписание.

Такая структура статьи, имеющей законодательный характер,

представляет собой хорошо отработанный трафарет, который, возможно, установился еще тогда, когда указы и распоряжения оглашались в устной форме. По этому трафарету построены тексты самых разнообразных указов, статей законов, уложений и пр. Причем, возможны случаи построения как полных, так и неполных структурных схем сложноподчиненных предложений условия, что подчеркивает отработанность образца, эталона построения подобных статей. (см. выше примеры из устава Ярослава). Количество таких статей ничем не ограничено, оно диктуется только содержанием документа. Поскольку в каждой статье неоднократно варьируются структурная схема сложноподчиненного предложения условия, мы не можем говорить о том, что текст такой статьи строится по принципу цепочечного нанизывания ПЕ. В данном случае "нанизываются" не ПЕ, а целые рубрики текста. Порядок следования таких рубрик, присоединяемых к левому их ряду посредством служебного слова а, в принципе произволен. Служебное слово а одновременно выполняет две синтаксические функции: начинает очередную присоединяемую рубрику и выступает в позиции союза условной конструкции, в форме структурной схемы которой строится синтаксическая организация каждой статьи. Естественно, что линия временной последовательности фактов в таком тексте нерелевантна. Единство текста всего памятника опирается на общую для всех статей модальность предписания (долженствования) отсюда характерное употребление инфинитивных конструкций. Приведем еще пример текста делового документа частного лица - отрывок из завещания новгородца Климента (до 1270 г.) :

... а и свинеи из моихъ самоуилѣ даите боровъ лутьшии а въ скотѣ въ овцахъ и въ свины-ахъ розделить съ женою моею на полъ а жена моа пострижеть са въ чернице то вы-

даите ѥи четверть ѡть не боудеть голодна или того не въслоуша-еть а нѣчто мѣнше-е дадите ѥи ...

В этом отрывке служебное слово а выполняет целый ряд синтаксических функций. В первых трех ПЕ а выступает как формальное средство, вводящее очередные перечисляемые пункты документа и одновременно членящее текст на смысловые рубрики. При этом, в третьем употреблении а одновременно оказывается в позиции союза, вводящего сложную синтаксическую конструкцию условия, в структурную схему которой входит коррелят то (а жена постриженть сѧ ... то выдаите ѥи ...). В последнем употреблении а выступает уже в позиции коррелята условного предложения с союзом или (или того не выслуша-еть а нечто мѣнше-е дадите ѥи). Последнее употребление а в позиции коррелята в пределах сложноподчиненного предложения условия можно в текстовом плане поставить в ряд с начинательными а в первых трех употреблениях этого слова: а и свиней ... а въ скотѣ ... а жена ... а дадите ѥи ... С другой стороны вычленяется также линия параллельных форм сказуемых (повелительное накл.,) во вторых частях условных конструкций: ... то выдаите ѥи; ... а дадите ѥи.

Таким образом, служебное слово а в языке древнерусских деловых документах характеризуется синтаксической полифункциональностью и высокой частотой употребительности.

Повторяющийся в тексте начинательный союз а может объединять в связный текст не только целые смысловые рубрики текстов, состоящие часто из нескольких ПЕ, но и ряд самостоятельных ПЕ, каждая из которых присоединена к левому контексту поотдельности. Таким способом построены, например, встречающиеся иногда в летописных текстах включения фрагментов прямой речи, которые представляют собой как бы подлинные слова действу-

щих лиц (послания князей друг другу, разного рода обращения, предупреждения и пр.) Например:

Стрыи ти умерлъ а по Олга ти послали а дружина ти по городомъ далече а княгини сѣдить въ изъмѣньи с дѣтьми а товара множество у нѣа а поѣди вборзѣ (Лет.ипат.).

Содержание текста представляет собой ситуацию перечня (в данном случае перечня тяжелых обстоятельств), который логически мотивирует императивное поѣди вборзѣ последней ПЕ ряда. Грамматические связи между содержанием этих ПЕ формально никак не выражены. Каждая ПЕ текста автосемантична и не связана по смыслу с остальными, так как предмет мысли в каждой ПЕ особый. Только две смежные ПЕ имеют общий член, связывающий их по содержанию (княгини - у нѣа). Временная последовательность перечисляемых обстоятельств в данном тексте несущественна и порядок следования в нем ПЕ в принципе произволен. Структура этого текста в целом характерна для текстов, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ и представленная в нем ситуация, по-видимому, наиболее адекватно могла быть выражена при использовании начинательного союза а. Приведем другие примеры:

И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде на дворѣ. Послалъ к новгородцемъ, рече: "Уже мнѣ сихъ не крѣстити". И позва к себѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху исѣкли варягы, и обльстивъ я исѣче. В ту же ночь приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передъславы си: "Отець ти умерлъ а Святополкъ сѣдитъ ти Киевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его повелику". (П.вр.л. 3, 154);

сынъ ... прислал ко мнѣ мужь свои и грамоту река: "Ладимься и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ

на бога, а станутъ си пред богомь, а Русьскы земли не погубим". И азъ видех смѣренье сына своего сжалих си ... (Поуч. Вл.Мон., с.164); Святославъ же прия дары и поча думати с дружиною своею рька сице: "Аще не створимъ мира со царемь, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны в градѣ. А Руска земля далеча, а печенѣзи с нами ратни, а кто ны поможеть? ... (П.вр.л. 3,86).

В текстах летописей, построенных обычно с помощью начинательного и, подобные фрагменты с начинательным а выделяются на общем фоне. Мена служебного средства и на а при включении в текст таких фрагментов с прямой речью связана, по-видимому, не только с тем, что в содержании передается ситуация перечня обстоятельств, но и с тем, что для древнерусских текстов в употреблении начинательного а можно видеть традиционный способ стилизации под прямую речь, способ приближения текста чужой речи по форме к разговорному типу древнерусского языка.

Мы описали особенности структурной организации текстов, построенных с использованием начинательного союза а, отметили особенности функционирования этого служебного слова по сравнению с функционированием в качестве начинательного союза служебного слова и и очертили смысловые сферы (ситуации) преимущественного употребления каждого из союзов: начинательное и используется в текстах повествовательного (нарративного) характера, содержанием которых обычно бывает рассказ о событиях, протяженных во времени. Для текстов, в которых используется начинательный союз а характерно статичное по своей сути содержание: констатация ряда фактов, описания, перечни различных объектов и пр. На этой основе обобщенно можно выделить две основных характеристики ситуаций, которые связаны с преимущественным упо-

треблением начинательного и (ситуация действия, протяженного во времени) и начинательного а (ситуация перечня статичных объектов). Это разбиение отражено и в жанровом распределении древнерусских текстов с начинательным и и с начинательным а, что обусловлено, конечно, различием типов содержания памятников письменности повседневного делового и высокого книжного характера: для текстов памятников письменности делового и бытового содержания наиболее типичны ситуации перечня статичных объектов, а для текстов высокого книжного характера - ситуации рассказа о протяженных во времени действиях.

Нам представляется, что на ранних этапах истории письменного древнерусского языка выбор начинательного союза не был связан с определенным стилевым заданием, а диктовался тем, какая ситуация подлежала изложению в письменной форме. При этом, по-видимому, создавалась и могла осознаваться традиция в выборе средств выражения для текстов (произведений) разных жанров. Показательным для подтверждения этой мысли может быть материал об употреблении начинательных союзов при изменениях содержательных ситуаций в текстах. Так, в Остромировом евангелии, в котором обычно использование начинательного и (согласно высокому книжному характеру текста и согласно тому, что в содержании его преобладают ситуации рассказа о событиях, связанных с жизнью Христа в течение определенного отрезка времени), обнаруживаем, что некоторые эпизоды передаются такими текстами, средством синтаксической связи в которых выступает начинательный союз а. Например, в эпизоде толкования Христом символов из рассказанной им притчи о плевелах:

... отъвѣщавъ же гь рече имъ въсѣявъи добро-е сѣмѧ ѥсть сн҃ъ чл҃чь а село ѥсть вьсь миръ добро же сѣмѧ сии сѫть сы-

ИРЯ институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

нове ѡбѣстника а плѣвели сѫть сынове непр(ѵ)язнии а врагъ вьсѣ(ѵ)явъи (ѵ)а (ѵ)есть дь(ѵ)аволъ а жатва коньчанье вѣкоу (ѵ)есть а жѧ(ѵ)тел (ѵ)ане анг҃ли сѫть (ѵ)ако же оубо плѣвели събира(ѵ)ѫть сѧ ... (Остр.ев..., л.242). В словах Христа выражена ситуация перечня ... рядасимволов. Слово, обозначающее символ каждый раз выносится в начало ПЕ, перед ним ставится начинательный союз а и далее следует само толкование. Эта синтаксическая схема повторяется каждый раз при переходе к толкованию следующего очередного символа (один раз, в начале, ПЕ присоединена к левому контексту без союза и один раз, - с помощью частицы же).

Таким образом обнаруживается, что в употреблении в древних текстах начинательных союзов и и а можно увидеть тенденцию к различению определенных смысловых характеристик излагаемого в письменной форме содержания, то есть различение типовых ситуаций (названных нами ситуацией следования событий во времени и ситуаций перечня статичных объектов).

Для древнерусского периода развития языка можно говорить о грамматическом тождестве синтаксических функций начинательных союзов и и а в письменной речи. Эти союзы, хотя и употреблялись при выражении различных смысловых ситуаций, однако - использовались на уровне синтаксической организации связного письменного текста для выражения аналогичных функций. (Это не исключает частных структурных различий разновидностей связных текстов, например, использование а в текстах, которые членятся на рубрики, совмещение союзом а функции начинательного союза с функцией союза условия или коррелята в условном предложении). В плане древнерусского языка в целом можно говорить о наличии в нем синонимичных начинательных союзов и и а.

Синонимия служебных слов и и а была, по-видимому, присуща древнерусскому языку не только в их функционировании на уровне организации связного текста в качестве начинательных союзов. Параллельное употребление союзов и и а в аналогичных смысловых ситуациях отмечается (правда крайне редко) и при функционировании этих служебных слов на других уровнях языка, что, по-видимому, связано с иной, отличающейся от современной, специализацией служебных средств. Так, в Слове о полку Игореве отмечены случаи употребления союза а в конструкциях, вероятно, вовсе лишенных смысла отношения противительности соединяемых элементов: Усобица княземъ на поганыя погибе, рекоста бо брат брату: "се мое, а то мое же" (202) здесь значение "чистого" соединения однородных объектов подчеркнуто частицей же. Ваю храбрая сердца в жестоцемъ харалузе скована а в буести закалена (204); концовка Слова: Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава а дружинѣ! Аминь (212). Подобные примеры встречаются в текстах памятников крайне редко. Поэтому приведем еще некоторые: а слѣдъ гнати съ чюжими людми а с послухы (Русская Правда по Синодальному списку);

Боудетъ ли сталъ на разбои безъ всако-а свады то за разбоиника людье не платать нъ выдадать и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ а на разграблени-е (Русск.пр.1282 г.,л.6об);

В 6 день, в пятницю рекоша володимѣрцѣ игумену Федулови и Луце деместьянику святоѣ Богородицѣ: "Нарядита носилицѣ, ать поѣдомь возмемь князя а господина своего Андрея" (Пов. об убиении Андр.Бог., с.334); а при томъ уздаванѣ были бо-яре землане пан ходько бибѣльскыи со двѣма сн҃ма андрѣико и васко панъ глѣбъ дворскович со двѣма сн҃ма ванько а лехно панъ ивашко дрозд панъ васко кузмичь ... сеньковича два михаило а ива-

нко (Проданная Хоньки Васковой, 1378 г.); [Игорь] и вземъ дань, и поиде въ градъ свои. Идуну же ему въспять, размысливъ, рече боляромъ своимъ: "Идѣте з данiю домовь въ градъ, и азъ возвращуся въспять и похожю еще", и ... (Лет. Тверск., с. 57).

Последний пример – явление обратного порядка: мена а на и в сложносочиненном предложении (с нашей современной точки зрения), или здесь мена начинательного союза а (обычного в прямой речи) на и (второе – с позиций синтаксической системы древнерусского языка). Эти данные о синонимическом употреблении в древнейших текстах восточнославянской письменности служебных слов и и а, при их функционировании в качестве сочинительных союзов на уровне словосочетания, показывают, что, хотя и были служебные слова и и а синонимичны и в ряде случаев взаимозаменяемы при выполнении однородных синтаксических функций, все же, при внимательном анализе их использования в древнерусских текстах, можно наметить уже смысловые ситуации преимущественного употребления каждого из них, то есть отметить известную предпочтительность в выборе того или иного союза в зависимости от оценки пишущим типа излагаемого содержания. Интересный материал о синонимичном употреблении служебных слов и и а в древнерусском тексте предоставлен в составленном В.Л.Виноградовой словаре-справочнике "Слова о полку Игореве" [Виноградова].

* * *

Мы попытались представить способ построения древних письменных текстов, называемый цепочечным нанизыванием предикативных единиц. При данном способе построения письменных текстов используется набор формальных средств, к которым в первую

очередь должны быть отнесены служебные слова и и а. Эти слова выполняют две основные функции: с одной стороны, они средство организации ряда предикативных единиц в связный письменный текст, а с другой - они представляют собой пограничные знаки, членящие текст на отдельные смысловые и формальные звенья. Характер взаимодействия между содержанием отдельных звеньев в условиях их цепочечного нанизывания эксплицитно не выражен, хотя можно наблюдать некоторые элементы смысловой дифференциации в отношениях между звеньями при присоединении их неодинаковыми начинательными союзами.

На формальном уровне текст, организованный по принципу цепочечного нанизывания предикативных единиц, характеризуется следующими основными параметрами:

1) наличие повтора одного и того же начинательного средства перед каждой очередной предикативной единицей;

2) ряд предикативных единиц имеет открытый характер, его продолжительность зависит только от объема излагаемого содержания;

3) каждое звено цепочки автосемантично, в составе каждого звена нет показателей его смысловых связей с другими (смежными с ним) звеньями цепочки;

4) отсутствие формальных средств эксплицитного выражения семантико-синтаксических отношений;

5) построение предикативных единиц, включенных в связный текст по принципу цепочечного нанизывания, характеризуется обычно синтаксическим параллелизмом звеньев ряда, однотипностью их строения, одинаковым порядком слов в каждом из них;

6) для текстов, излагающих содержание фактов, характеризующихся временной последовательностью при цепочечном нанизы-

вании предикативных единиц обычно употребляется начинательный союз *и* и соблюдается порядок их следования, который соответствует реальному ходу событий и им определяется; употребление союза *а* отмечается преимущественно в таких смысловых ситуациях, для которых аспект временной последовательности событий несущественен.

Однако в текстах, построенных по принципу цепочечного нанизывания, редко соблюдаются все перечисленные формальные параметры. Цепочечное нанизывание в "чистом" виде - это условная схема, принятая нами за исходную. В текстах же мы встречаемся с рядом разнообразных отступлений. Эти отступления касаются в основном следующих сторон:

1) в цепочках предикативных единиц используется не один, а несколько начинательных союзов, что приводит к созданию определенных смысловых отношений между предикативными единицами с определенными формальными средствами связи, в чем можно видеть начало обобщения и грамматикализации семантико-синтаксических отношений, возникающих между единицами текста на основе смыслового взаимодействия их реального содержания;

2) в цепочку однотипных предикативных единиц (простых элементов ряда) включаются, не прерывая ее, сложные элементы ряда - объединения предикативных единиц, аналоги современным сложным предложениям. При этом используются наряду с начинательными союзами служебные средства сложных конструкций (частицы, союзы, сложные слова, корреляты). Это ведет, во-первых, к тому, что цепочечная конструкция включает в себя уже не только простые элементы ряда, но и более сложные объединения (ср. современный абзац). Во-вторых, в условиях цепочечного нанизывания появляются сложносочиненные и сложноподчиненные предложе-

нил, которые представляют собой уже вполне дискретные объединения предикативных единиц. Особое значение при этом приобретают бинарные объединения закрытой структуры;

3) в условиях цепочечного нанизывания предикативных единиц в тексте возникали не только бинарные сложные объединения (сложносочиненные и сложноподчиненные предложения), но и многокомпонентные структуры, которые широко предотавлены в памятниках XI–XVII вв.;

4) организация письменных текстов способом цепочечного нанизывания существовала долгое время (встречается в памятниках XVIII в.). Таким образом, формирование сложного предложения долгое время происходило в текстах, организованных способом цепочечного нанизывания предикативных единиц, сцепленных начинательными союзами. Исчезновение из употребления последних и дифференциация семантико-синтаксических отношений сложных предложений и – соответственно – их формальных средств происходило одновременно.

Сложные конструкции с синтаксическими частицами бо, же, ли в качестве формальных средств связи ПЕ

Для общего названия служебных слов бо, же и ли нами используется термин "синтаксические частицы". Особый термин необходим для того, чтобы выделить на фоне разнообразного использования множества частиц в пределах отдельных ПЕ особую способность служебных слов бо, же и ли выступать в функции формального средства синтаксической связи отдельных ПЕ.

Назовем структурные признаки тех ПЕ, в состав которых включены синтаксические частицы: 1) формальное средство связи (синтаксическая частица) занимает в ПЕ особую постоянную позицию - сразу после первого слова (редко - после словосочетания); 2) в позицию первого слова - из состава слов ПЕ - может быть выдвинуто любое слово (любой член предложения, служебное слово); 3) включение синтаксической частицы в состав ПЕ не вносит в нее никаких - ни формальных, ни смысловых - изменений (ср., например, иной результат включения в ПЕ частиц не, бы и др.). Таким образом, ничего не изменяющее в формальной и семантической структуре включение в состав ПЕ синтаксической частицы можно рассматривать как знак отношения данной ПЕ к другим ПЕ текста. Что же касается положения самой ПЕ с синтаксической частицей в ряду ПЕ, составляющих связный текст, то здесь обнаруживается следующее: синтаксические частицы бо и же, как правило, не включаются в ПЕ, начинающие текст (или самостоятельный отрывок текста), т.е. ПЕ с этими частицами требуют обязательного наличия левого контекста, а синтаксическая частица ли включается обычно в начальную ПЕ отрывка и, таким образом, ПЕ с ней требует обязательного наличия правого контекста. Следовательно, можно говорить об осо-

6736

бой позиции включения синтаксической частицы в ПЕ и о позиции самой ПЕ с синтаксической частицей в связном тексте.

Наша задача - определить грамматический статус синтаксических частиц в рамках древнерусских текстов. В традиции исторического синтаксиса эти слова относят или к разряду союзов (чаще бо и ли), или к разряду частиц (чаще же). Как отдельная, обладающая специфичными синтаксическими функциями, группа служебных слов синтаксические частицы в историческом синтаксисе русского языка классификационно не выделены. Их грамматический статус, по-видимому, вообще не может быть определен в рамках и понятиях традиционной синтаксической классификации, а следовательно, и вопрос не в том, частицы перед нами или союзы, а в том, являются ли синтаксические частицы формальным средством связи в сложных синтаксических конструкциях, если под последними понимать построенные по исторически отработанной структурной схеме и обособляющиеся в тексте объединения смежных ПЕ при наличии в них эксплицитно выраженных формальных показателей семантико-синтаксических отношений между частями.

Синтаксическая частица бо

Обратимся к отрывку текста из Повести временных лет: ... и повелѣ Олегъ своимъ колеса издѣлати и поставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспя парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци, и убояшася, и рѣша, выславше ко Олгови: "не погубляй града, имеемъся по дань, якоже хощеши". И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не прия его - бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци и рѣша: ... (П.вр.л. З, л. 44).

Перед нами образец текста, в целом построенного по принци-

пу цепочечного нанизывания ПЕ. Большинство ПЕ ряда присоединяются начинательным союзом и. Это определяет общий строй и даже ритм текста (почти все ПЕ начинает глагол). Этот способ присоединения очередной ПЕ прерывается дважды: а) речью греков и б) включением ПЕ с бо в позиции второго слова. Во втором случае достаточно определенно выявляется связь этой ПЕ с бо с предшествующей ей (смежной) ПЕ: и не прия его - бѣ бо устроено со отравою. Эти две ПЕ составляют сложную синтаксическую конструкцию, во второй части которой содержится мотив (причина) действия, обозначенного в первой ПЕ. И хотя в первой части нет формального показателя необходимости второй части, ее присоединение мотивировано очевидными смысловыми связями между содержанием двух ПЕ.

Итак, в данном случае, согласно нашему определению, можно говорить о сложной синтаксической конструкции, построенной по следующей схеме: две смежные ПЕ объединены посредством синтаксической частицы бо, включенной в позицию второго слова во вторую ПЕ. Это объединение в семантическом плане основано на наличии отношений объяснительного характера в содержании второй ПЕ по отношению к содержанию первой, что выражено служебным словом бо. Конструкция двучленна, закрытого типа. Однако отметим наличие начинательного союза и перед .и после рассматриваемой сложной конструкции. Высокая частотность и последовательность реализации этой схемы сложной синтаксической конструкции несомненно говорят о ее исторической отработанности. Употребление синтаксической частицы бо в подобных случаях как бы специализировано: она выступает тогда, когда при соотношении конкретного содержания отдельных ПЕ возникают отношения объяснительного характера (причина, основа-

ние, обстоятельство). Однако в отличие от специализированного союза (например, понеже) - семантика синтаксической частицы бо может и не быть связанной с причинным кругом значений, т.е. одно ее включение в ПЕ само по себе еще, по-видимому, не могло вносить причинное значение в семантику отношений между содержанием ПЕ, входящих в сложную конструкцию, а лишь подчеркивало, выявляло его в тех случаях, когда оно было заложено в смысле текста. Поэтому ПЕ с синтаксической частицей бо встречаются в смысловых ситуациях широкого круга обстоятельственных (объяснительных) отношений, а не только при обозначении отношений причинного характера. Позднее, однако, значение причины постепенно закрепляется за сложными конструкциями с синтаксической частицей бо, и эти конструкции в книжной речи выступают уже как синонимичные таким, в которых употреблялись специализированные союзы причины, ср.: ...Ростов буди тобѣ, привели бо тя к собѣ, а Володимерь мнѣ, зане мене Володимирци привели, а Суждаль нам буди обечь... (Лет.Моск., л.106 об.).

В текстах летописей прибавление ПЕ с синтаксической частицей бо в позиции второго слова не всегда связано с образованием бинарных объединений смежных ПЕ в сложные синтаксические конструкции. Например: ... и бѣ у Ярослава кормилець и воевода, именемь Буды, нача укаряти Болеслава, глаголя: "Да то ти прободемь трѣскою черево твое толъстое". Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжелъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но бяше смысленъ. (П.вр.л. 3, с.156). Здесь ПЕ с бо начинает авторское пояснение текста, и с предшествующим текстом она синтаксически не связана. Еще пример включения поясняющего обстоятельства от автора текста: ... и не послуша ихъ Игорь, и вы-

шедше изъ града Изъкоръстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь и есть могила его и до сего дне... (П.вр.л. 3, л.68). Здесь позицию ПЕ с бо можно рассматривать двояко: и как напоминание автора о сказанном уже ранее (Игорь пошел вторично за данью с малой дружиной), и как факт, непосредственно относящийся к содержанию смежной левой ПЕ (убили Игоря с дружиной, так как их было мало).

Обратим внимание на то, что ПЕ с бо, включаясь в цепочечный текст, присоединяется к ряду ПЕ, порядок следования которых соответствует реальной последовательности описываемых событий. Включение ПЕ с бо прерывает эту последовательность, так как отсылает к ранее свершившемуся и уже названному факту. Такая смысловая ситуация включения очередной ПЕ с бо характерна для летописных текстов. Использование синтаксической частицы бо, а не начинательного союза сигнализирует о перебое линии временной последовательности фактов, и тем самым как бы преодолевается жесткая структура текста, построенного по принципу нанизывания ПЕ посредством повторяющегося перед каждой очередной ПЕ начинательного союза и.

Разберем еще один пример перебоя в повествовании линии временной последовательности событий, отраженного формально изменением способа присоединения очередной ПЕ (начинательный союз и - синтаксическая частица бо.) Это эпизод из Повести временных лет, в котором игумен Феодосий назначает себе приемника: и нарече имъ Иякова презвитера. Братьи же нелюбо бысть, глаголюще яко "не здѣ есть постриганъ" бѣ бо Ияковъ пришелъ с Летьца с братом своимъ Паулом. И начаша братья просити Стефана деместника, суща тогда ученика Феодосьева (с.200). В данном

отрывке очевидно отсутствие непосредственной связи содержания ПЕ с бо с общим ходом повествования. Эта ПЕ как бы авторская ремарка, она стоит в тексте особняком, не образуя сложной синтаксической конструкции со смежной ПЕ.

Таким образом, ПЕ с синтаксической частицей бо могут быть в тексте как в такой позиции, когда они связаны и содержанием, и формально с предшествующей ПЕ, - в этом случае можно вычленить сложную синтаксическую конструкцию (правда, часто эта конструкция еще ограничена с двух сторон начинательными союзами), так и в такой позиции, когда эти ПЕ с бо представляют собой одиночные включения в ряд ПЕ, в целом организованный по принципу цепочечного нанизывания - во втором случае ПЕ с бо содержат побочную, объясняющую информацию, не образуя сложных синтаксических конструкций. Следовательно, употребление синтаксической частицы бо (в отличие от специализированных союзов причины) не обязательно свидетельствует о наличии в тексте сложной синтаксической конструкции и не обязательно несет собой выражение типизированных семантико-синтаксических отношений причины. Однако именно эта частица выступает тогда, когда в текст включается объясняющая по своей семантической функции ПЕ и когда подчеркивается наличие между содержанием смежных ПЕ отношений причинного характера.

Синтаксическая частица же

В позиции второго слова синтаксическая частица же чаще всего встречается, когда в повествовании меняется субъект действия (или предмет речи): ... [князь Олег:] и не въсхотѣ ити к братома своима ... Святополкъ же и Володимеръ придоста на Олга Чернигову; Олег же выбеже из Чернигова месяца мая въ 3 день, в суботу. Святополкъ же и Володимеръ гнаста

по нем, Олег же вбеже в Стародубъ и затворися ту. Святополкъ же и Володимеръ оступиста и в градѣ... (П.вр.л., с.238). Повторяющаяся смена субъектов действия в ПЕ ряда (князья Святополк и Владимир - князь Олег) маркируется каждый раз включением синтаксической частицы же в позицию второго слова (характерна постановка же после имени первого князя, хотя действия обоих князей мыслятся как единые). Присоединение ПЕ с помощью синтаксической частицы же обычно исключает употребление начинательного союза, но несмотря на смежность ПЕ, в которых противопоставлены действия различных субъектов, мы здесь не можем выделить бинарные сложные конструкции: противопоставление субъектов действия характеризует весь отрывок текста, а каждая очередная ПЕ автосемантична и не требует правого контекста.

Приведем текст с более сложной смысловой структурой, в рамках которого разграничены действия нескольких объектов: ... и реша ему мужи смыслении: "не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой". Он же рече: ⟨...⟩ начаша же друзии несмыслении глаголати: "Поиди, княже". Смыслении же глаголаху: ⟨" ... "⟩. Святополкъ же послушавъ ихъ, посла Володимеру да бы помогль ему. Володимер же ... (П.вр.л. 3, с.228). Синтаксическая частица же здесь подчеркивает смену субъектов действия в ПЕ, начинающихся словами: он, Святополкъ, Володимер, начаша. В последнем случае в позиции первого слова не имя, а глагол; однако включение после него же, по-видимому, также связано с меной субъекта действия. Подобные случаи довольно часто встречаются в древнерусских текстах, и в них можно видеть способ присоединения очередной ПЕ, эквивалентный способу присоединения ПЕ с помощью начинательного союза (могло бы быть: и начаша), но при

начинательном союзе смена субъекта действия не маркируется. Сочетанием смыслении же подчеркивается и переход к другому субъекту действия в очередной ПЕ, и противопоставление в тексте двух ключевых лексем.

Наиболее часто перед синтаксической частицей же в позицию первого слова выдвигаются имена собственные, существительные и местоимения, обозначающие предмет речи автора (обычно это субъект действия); но в позиции первого слова ПЕ с синтаксической частицей же может быть подчеркнуто любое слово (часть речи), если оно включено в текстовую линию смыслового противопоставления объектов или явлений, обладающих общими признаками: время, место, действие и пр. Например, в прямой речи монаха, адресованной бесам: "Аще мя бѣсте прелстили в печере первое, понеже не вѣдяхъ козний ваших и лукавьства; ноне же имамъ господа Иисуса Христа и бога моего ... надеюся на Христа, имам победити вас" (П.вр.л. 3, с.208).

Синтаксическая частица же, включаясь в ПЕ, может подчеркивать не только противопоставление, но и тождество: В си же времена приключися прити Изяславу; сего же лѣта. Таких примеров множество.

Итак, рассмотрев основные случаи употребления синтаксической частицы же, следует отметить, что она используется как специализированное средство для обозначения в тексте линии семантической связи, определяющей наличие - отсутствие единства (тождества) предмета речи, обстоятельств (время, место), признака, действия и др. Перебой единства любых существенных исходных смысловых линий маркируется включением в очередную ПЕ синтаксической частицы же. В позицию первого слова при этом выдвигается другой член актуализируемого противопостав-

ления, т.е. слово, на котором делается логическое ударение (при актуализации тождества перед же повторяется слово или его замена - местоимение). Линия тождества - противопоставления может реализовываться в пределах всего текста (текстообразующая смысловая линия), а может быть заключена в пределах двух смежных ПЕ. Такое объединение аналогично по структуре ССК бинарного типа. Часто - это пословицы, основанные на антонимических связях. Повторяемость же в тексте сближает это слово по функции с начинательными союзами.

П р и м е ч а н и е. Подчеркнем, что частица же может занимать в составе ПЕ позицию любого по счету слова, кроме первого. Сформулированные выше закономерности характеризуют употребление же только в позиции второго слова.

Синтаксическая частица ли

Служебное слово ли в древнерусских текстах встречается довольно часто в сочетании с условным союзом аще (аще ли). Это союзное сочетание используется при образовании сложных синтаксических конструкций с отношениями условия-следствия между частями. Обычно при этом наблюдается положение препозиции для придаточного предложения. Отдельно без аще в конструкциях с таким же отношением между частями ли употребляется весьма редко, например:

Тѣмь же вам како похвалити не съвѣмъ или чьто реци недоумѣю и не възмогу. Ангела ли ва нареку, имь же въскорѣ обрѣтаетася близъ скърбящихъ, нъ плътьскы на земли пожила еста въ чловѣчьствѣ. Чловѣка ли ва именую, то паче всего чловѣчьска ума преходита мнозьствъмъ чюдесъ и посѣщениемь немощьныихъ. Цесаря ли, князя ли ва проглаголю, нъ паче чловѣка убо проста и съмѣрена съмѣрение бо сътяжала еста, имь же и высокая мѣста

и жилища въселистася (П.вр.л. 3, с.298).

В этом отрывке несколько ПЕ присоединяются к предшествующему тексту посредством синтаксической частицы ли с выдвижением в начальную позицию того слова, на которое падает логическое ударение. Текст эмоционально приподнятый и, несмотря на обычный для условных предложений коррелят то (во втором примере), все три случая употребления ли не создают в тексте четко построенных сложных конструкций бинарного типа с условно-следственным отношением между частями: первая часть очень близка к риторическому вопросу, во второй же части содержится не следствие, а скорей опровержение - возможности того, что названо в первой (условной) части. Однако синтаксическая частица ли использовалась и в обычном повествовательном тексте при образовании условных конструкций.

Например, в тексте грамоты начала XIУ в.: а кто купилъ, а ты знаетъ своего истьца или дѣти его; истьца ли не будеть ни дѣти его, целовати ему хрьстъ (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949); в Русской Правде: Которая ли вьрвь начнеть платити дикоую виру колико лѣ(т) заплатят тоу виру зане же безъ головника им платити будеть ли головникъ ихъ въ вьрви то зане к нимъ прикладываютъ того же дела им помогати головнику (Руск.Пр, л.6І6); в Домострое: дщерь ли имаши положи на них грозу свою.

Рассматривая положение ПЕ с синтаксической частицей ли в тексте, мы подчеркнем два обстоятельства: 1) эти ПЕ являются частью сложных синтаксических конструкций бинарного типа; 2) схема включения в состав ПЕ синтаксической частицы ли аналогична схеме включения в ПЕ синтаксических частиц же и бо - все они занимают в ПЕ позицию второго слова, и при этом в позицию

первого слова может выдвигаться любое слово, на которое часто падает логическое ударение.

П р и м е ч а н и е. Заметим, что аналогичную схему включения в состав ПЕ ли мы находим при образовании вопросительных предложений; однако различие условных и вопросительных предложений в тексте обусловлено различным положением ПЕ с ли в ряду ПЕ текста.

Обратимся к вопросу об особой синтаксической позиции рассматриваемых частиц в ПЕ. Как было сказано, синтаксическая частица - всегда второе слово в ПЕ. В позиции первого слова, т. е. перед частицей, может быть любое слово из состава ПЕ (любая часть речи, любой член предложения, в том числе и служебное слово). Следовательно, слово, выдвинутое вперед, оказывается дважды подчеркнутым: и тем, что оно в начальной позиции, и тем, что оно в этой позиции акцентировано частицей. Можно предположить, что выдвижение в начальную позицию знаменательного слова связано с логическим ударением именно на этом слове, т.е. с тем, что маркируется особо важное слово для понимания хода мысли. Однако в древнерусских текстах, пожалуй, не реже, а даже чаще синтаксическая частица ставится после незнаменательных служебных слов: союзов, местоимений, связок...

Можно предположить, что в описываемом способе выделения и маркировки частицей первого слова отражена известная для древних индоевропейских языков тенденция ставить на второе место в предложении безударные слова (местоимения, энклитики и частицы). При этом в начале предложения должны оказываться слова ударные. Такая закономерность известна в лингвистике как "закон Вакернагеля" [Wackernagel] ; ср.

также место энклитик в структуре индоевропейского предложения, в связи с взаимозависимостью "позиция в предложении - функция класса слов" [Иванов Вяч.Вс.] Наши данные о функционировании синтаксических частиц в древнерусском тексте, по-видимому, можно связать с действием указанного закона, однако мы подчеркиваем именно синтаксический аспект употребления этих частиц, т.е. то обстоятельство, что сочетание "первое слово - синтаксическая частица" является основой такой структурной схемы связи ПЕ, которая многократно воспроизводится в древних текстах и служит способом, средством соединения между собой ПЕ.

Намечающаяся в древних текстах специализация в употреблении синтаксических частиц в зависимости от семантики логико-смысловых отношений между содержанием смежных ПЕ позднее закрепляется более отчетливо: употребление бо связывается с кругом значений мотивационного характера (обоснование, причина), что даже дало основание называть бо самым распространенным в древних текстах союзом причины [Черкасова]; ли сохранило и упрочило свою связь с условным характером отношений, но при этом вошло в состав ряда сложных союзов (ежели, естьли и др.); же упрочилось как формант, указывающий на наличие (отсутствие) тождества - различия (противопоставления) в сфере сочинения.

*

Мы рассмотрели вопрос о функционировании в древнерусских текстах разновидности служебных слов - синтаксических частиц бо, же, ли и показали их использование в качестве формального средства сцепления ПЕ в связном тексте, выделив при этом принципиальное значение синтаксической позиции синтаксической частицы (второе слово) в составе слов ПЕ, а также - значение

положения ПЕ с синтаксической частицей в ряду последовательности ПЕ в тексте. Особенности организации древних текстов (цепочечное нанизывание) определяют форму существования в них сложных синтаксических конструкций. Мы видим, что синтаксические частицы, включенные в ПЕ, нарушают автосемантизм ПЕ, указывают на существование определенных линий смысловых связей (отношений) содержания данной ПЕ с другими, но связи эти еще обычно текстового плана, т.е. факт включения синтаксической частицы в ПЕ - не обязательное свидетельство наличия сложной синтаксической конструкции. Этот вывод, по-видимому, можно бесспорно отнести к статусу синтаксических частиц бо и же; что касается частицы ли, то, подчеркивая аналогичность структурной схемы ее использования в рамках ПЕ, следует отметить: ПЕ с ней обычно входят в состав сложных синтаксических конструкций бинарного типа, это связано как с семантикой самих синтаксических отношений условия, для выражения которых она специализирована, так и с положением ПЕ с ли в ряду ПЕ текста.

Сложные конструкции с асемантическими союзами

Исследователи древнерусской синтаксической системы, характеризуя особенности служебных средств сложного предложения, обычно указывают на явление, которое принято называть терминами "многозначность" или "полифункциональность" союзов . Оба эти термина, по нашему мнению, не отражают сути явления. В сфере сложного предложения многозначность служебного слова может предполагать наличие у него нескольких значений, то есть прикрепленность его более чем к одному определенному типу семантико-синтаксических отношений, в то время как речь идет о служебных средствах вообще не специализированных для выражения каких-либо смысловых отношений, а функционирующих в качестве знаков, которые лишь сигнализируют о наличии синтаксической связи между конкретными ПЕ текста.

Термин "полифункциональность" возник в связи с тем, что рассматриваемые служебные слова обладают способностью выступать в качестве союза в различных семантико-синтаксических типах древнерусских сложноподчиненных предложений. Однако в этом термине затеняется аспект собственно синтаксической функции этих служебных слов, которая проявляется тождественным образом во всех случаях, независимо от типа сложноподчиненного предложения, в котором она реализуется.

Мы предпочли термин "асемантические союзы", в котором содержится указание на обычное отсутствие у служебных слов этого разряда собственной семантики, а отнесение их к союзам определяет в общем тип их синтаксической функции как формального средства связи ПЕ в сложном предложении, ср. [Белошапкова, с.181-182].

Исследователи древнерусского языка как характерную приме-

ту развития синтаксической системы отмечают обычно "стремление освободиться от многозначных союзов, от союзов-синонимов, стремление уточнить и дифференцировать функции союзов" [Историческая грамматика - 79, с.449]. Попытаемся представить ассемантизм древнерусских союзов как целостное явление синтаксической системы определенного этапа развития. По нашему впечатлению, речь идет о явлении, которое касается всей системы сложного предложения, то есть и сочинения и подчинения. Оно с различной степенью интенсивности проявляется во всех исторических периодах развития синтаксиса русского языка, характеризует оно и современный русский язык.

В книге "Структура предложения в истории восточнославянских языков" приведены сводные таблицы, на которых показан основной состав союзов, употреблявшихся в древнерусской письменности XI-XVII вв., в их распределении по семантико-синтаксическим типам сложного предложения (сочинительные союзы на таблице - с.182, подчинительные - на таблице с.192). Данные этих таблиц в самом общем виде позволяют судить о реализации явления ассемантизма союзов в системе сложного предложения, как оно отражено в текстах памятников письменности.

Таблица "Асемантические союзы сложноподчиненных предложений" составлена на основе результатов исследования синтаксической системы древнерусского и старорусского языков, отраженных в книге "Историческая грамматика - 79". В этом труде определение типов сложных синтаксических конструкций традиционно осуществлялось на основе понятий современной структурно-семантической классификации, а решающим фактором при определении типа являлся характер семантико-синтаксических отношений между частями конструкций. Смысл семантико-

синтаксических отношений определялся в соответствии с современными представлениями о смысловой стороне отношений в синтаксисе. В результате такого вынужденного неисторического подхода к материалу мы все же получаем представление о типичных смысловых ситуациях употребления конкретных служебных средств сложноподчиненного предложения и можем сделать два самых общих вывода:

1) с чисто количественной стороны, то есть относительно четырнадцати рассматриваемых в этой книге типов предложения, выявляются следующие показатели: яко - 7; что - 6; еже (иже) - 6; како (как) - 4, где (иде) - 2, когда - 2, аще-1, понеже (занеже) - 1 и т.д. Эти данные показывают, что в наибольшем числе типов сложноподчиненных предложений употреблялись союзы яко, что, еже (иже) и что им противостоят такие, которые постоянно связаны только с одним типом семантико-синтаксических отношений (понеже, ибо, потому что; аще, буде, если и др.). Эти союзы специализированы для обозначения определенных смысловых связей между $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$;

2) из рассматриваемой таблицы следует также, что употребление асемантических союзов все же не полностью безразлично к смыслу семантико-синтаксических отношений между частями сложных конструкций. Хотя их безразличное употребление и можно отнести к достаточно широко очерченной и нечетко выделяемой группе типов сложноподчиненных предложений, но зато для каждого из изучаемых союзов достаточно четко выделяются типы предложений, в которых они неупотребительны и для разных асемантических союзов эти "отрицательные" зоны не совпадают.

В настоящей работе мы проследим функционирование в тексте

тах памятников письменности трех наиболее частотных представителей асемантичных союзов: яко, еже (иже) и что.

Асемантический союз яко

Яко - самый употребительный союз в древнерусской письменности книжного характера (летописи, жития святых, хожения, слова, собственно религиозные служебные тексты и под.). Яко почти не встречается в деловых и бытовых документах старшей поры, но тем не менее характерен для так называемого канцелярского языка XУI-XУП вв. [Булаховский, с.3I1]. Эта обычная характеристика употребления союза яко отражает то впечатление, которое создает очень высокая частотность употребления слова яко в текстах памятников книжной письменности. При этом в пределах сравнительно небольшого отрезка текста яко может выступать в сложных конструкциях с различными смысловыми отношениями между ПЕ, их составляющими. Например:

Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, а деревляне затворишася въ градѣ, и боряхуся крѣпко из града, вѣдяху бо яко сами убили князя и на что ся предати (П.вр.л.2, с.44); ... бысть на небеси в солнце знамение яко восходящу солнцу на 1-мъ часу дни ... и бысть на солнци яко до трети изгибе ... на пятомъ часу дни яко первое бысть ... людие же поразсудивъ, и глаголаху в себе, яко быти во царствѣ премѣнению некоему (Пов.бол.см.Вас.Ш, с. 20).

В первом примере яко используется при выражении в тексте причинных и изъяснительных отношений; во втором - при выражении отношении времени, приблизительной меры, сравнения и изъяснения. Однако если исследовать распределенность употребительности яко по разным семантико-синтаксическим типам слож-

6736

ных синтаксических конструкций, руководствуясь, например, классификацией, принятой в Исторической грамматике - 79, то обнаружится, что в части типов сложноподчиненных предложений союз яко вовсе не отмечен. Тем самым выявляется смысловая распределенность в функционировании этого союза. Покажем это распределение. Бесспорно в качестве союза служебное слово яко отмечено в следующих типах предложений: сравнительных, меры и степени, причины, следствия, времени, дополнительных (изъяснительных), в конструкциях с чужой речью; не отмечен союз яко в следующих типах предложений: условных[1], уступительных, определительных, места, пояснительных, подлежащных сказуемостных; в эту же группу мы относим и сложноподчиненные предложения с придаточными цели, хотя в Исторической грамматике - 79 в соответствующем разделе слово яко указано в числе других целевых союзов (наши соображения по этому поводу будут изложены ниже).

Наблюдения за характером функционирования в древнерусских текстах служебного слова яко показывает, что его включение не вносило в текст новой информации смыслового и содержательного плана. По-видимому, высокая частотность союза яко может быть понята как результат распространения общей тенденции к построению в письменной речи бинарных конструкций, и яко в этом аспекте следует рассматривать как наиболее ранний формальный показатель наличия в тексте сложной синтаксической конструкции подчинительного типа. Т.П. Ломтев выделяет особый этап развития древнерусского синтаксического строя,

---

[1] Единичные примеры с яко в постпозитивном придаточном могут иметь условную семантику.

когда преодолеваются те ограничения для выражения мысли, которые создавала конструкция текстов, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ. Он называет этот тип синтаксической связи: "грамматическая связь однородного следования неоднородных предложений" - и пишет о ней, что она "не выражала сложных и расчлененных связей между определенными предложениями, следующими друг за другом"; и далее говоря о "потребности иметь сложные предложения", показывает преимущества парных объединений ПЕ при выражении различных оттенков мысли [Ломтев, с. 489] .

Можно думать, что основная функциональная "заслуга" яко состоит в способности эксплицитно выражать определенное конкретное членение текста на бинарные объединения ПЕ. Это достигается тем, что яко, находясь в сложной конструкции в составе $ПЕ_2$, всегда маркирует эту ПЕ как конечную (то есть вторую), а находясь в составе $ПЕ_1$, придает ей свойство синсемантизма, и, таким образом, следующая ПЕ предполагается как конечная. В обоих случаях образуются бинарные конструкции закрытого типа. Однако такое положение, естественно, складывалось постепенно, и в древнейших текстах можно встретить случаи, когда сложную синтаксическую конструкцию с яко нельзя безоговорочно определять как закрытую: перед ней и после нее в тексте еще ставится начинательный союз, то есть бинарная сложная конструкция выступает еще как звено текста, построенного по принципу цепочечного нанизывания ПЕ. Покажем это на двух примерах:

Посемь же Володимеръ живяше въ законѣ хѣ-анстѣ помысли создати цр҃квь прест҃а бц҃а и пославъ приведе ѿ-а мастеры ѿ Грекъ и наченшю же здати и ѥ-ако сконча зиждя . оукраси ю иконами .и поручи ю Настасу Корсанину и попы Корсуньскы-а . и пристави

служити в нем вдавъ ту все еже бѣ взалъ в Корсуни иконы и съсуды и кр҃ты. (Лет. Лавр., л.42);

Святополкъ же сѣде Кыевѣ по ѡц҃и своемь . и съзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье . ѡни же приимаху . и не бѣ ср҃це ихъ с нимь якоже братьа ихъ бѣша с Борисомь . и Борису же възвратившюся съ вои . не ѡбрѣтшю Печенѣгъ ... (Лет. Лавр., л.45 об).

В этих двух отрывках текста ПЕ с яко занимают различные синтаксические позиции. В первом примере яко включается в ПЕ после начинательного и, превращая таким способом очередную ПЕ ряда в синосемантичное придаточное предложение времени, за ним с необходимостью следует вторая, главная, часть сложноподчиненного предложения, которая присоединяется уже без начинательного и. Однако после образовавшейся сложной синтаксической конструкции очередная и следующие за ней ПЕ продолжают присоединяться к тексту начинательными союзами.

Второй пример представляет случаи, в которых включение в текст союза яко ориентирует ПЕ с этим союзом на смысловую связь не с правой, как в первом примере, а с левой смежной ПЕ: эта ПЕ, включенная в текст начинательным и, содержит отрицание, которое мотивируется содержанием следующей ПЕ, присоединенной уже только союзом яко. Складывается сложноподчиненное предложение причины, которое в тексте тоже ограничено с двух сторон начинательным и.

Обратим внимание на то, что в обоих случаях тип семантико-синтаксических отношений определяется не союзом, а соотношением конкретного содержания $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$ и их положением относительно друг друга. Включение в текст яко маркирует зависимую в смысловом отношении ПЕ, а контекст определяет на-

правление связи этой ПЕ с левой или правой смежной ПЕ. Таким образом, основную синтаксическую функцию служебного слова яко можно определить как "показатель подчинения".

Выше отмечалось, что сфера функционирования союза яко - наиболее архаичные тексты религиозно-книжного характера. В синтаксическом строе этих текстов наибольшее распространение получили такие синтаксические обороты и конструкции, которые затем в истории языка в основном были утрачены. Функционирование союза яко в качестве союза сложноподчиненных предложений, в состав которых входят эти обороты, представляет специальный интерес для понимания процессов становления и эволюции древнерусского сложноподчиненного предложения. Рассмотрим особенности функционирования союза яко в контекстах с чужой речью, в сложных синтаксических конструкциях, в состав которых входят обороты дательный самостоятельный, а также сложные конструкции, в которых союз яко вводит ПЕ с предикативной основой, выраженной описательным императивом с частицей да, независимым и зависимым инфинитивами.

Союз яко в контекстах с чужой речью

Контекстом с чужой речью мы будем называть отрезок текста, состоящий из двух частей: 1) конструкция, вводящая чужую речь (авторский текст), и 2) прямая или косвенная речь, т.е. текст, не принадлежащий автору данного произведения.

В древнерусском языке используется несколько способов ввода в текст прямой речи [Допатина, с.422]. Вводимый чужой (не-авторский) текст включается без союзов и сохраняет при этом свою исходную грамматическую форму. Одновременно отрабатываются конструкции с косвенной речью, которая присоединяется при помощи союзов [Харпалева, с.115]. При пе-

редаче чужой речи происходит перевод прямой речи в косвенную, то есть изменяются ее грамматические признаки. Такой вариант контекста с чужой речью строится по структурной схеме сложноподчиненного предложения - с помощью изъяснительных союзов. Иными словами, употребление изъяснительного союза должно повлечь за собой трансформацию грамматических признаков прямой речи. Однако союз яко включает в текст чужую речь по другой схеме: яко выступает в контекстах с чужой речью наряду с конструкциями, употреблявшимися для бессоюзного ввода прямой речи, то есть является как бы избыточным формальным средством, так как при этом не происходит трансформации грамматических признаков прямой речи и включение яко в контекст с чужой речью грамматически как бы не мотивировано.

Приведем примеры: Они же рѣша яко ходихом въ болгары, смотрихом како ся поклоняют (П. вр.л. 2, с. 66); и се вънидеⷪ иконом гл-а блаженому . ѥако въ оутрии днь не имамъ коупити еже на ѥадь братии и на иноу потребоу (Усп.сб. л.44г); и рече святополкъ, яко "Поведа ми, Давыдъ Игоревичь, яко Василко брата ти убилъ ... (П. вр.л., л.2); повѣдаше авва куриакъ . оученикъ авва иоули-ана стълпьника . яко азъ и оць мои и братъ мои придохъ ѿ сво-ѥа земла ... (Син.пат., л.16 об.); и бы в томъ меди има пра велика . злоба . идаху слово рекуче . олговичи . ѥако вы начали ѥсте . перво насъ гоубити . ... (Лет.Ипат.).

В этих примерах яко выступает как дублирующее средство, маркирующее начало чужой речи, которая уже введена в текст специализированными средствами ввода прямой речи: идаху рекуче, рѣша, рече, повѣдаше. Включение яко не изменяет грамматических признаков прямой речи, она функционирует как не-

кий отдельный текст, который не трансформируется в косвенную речь, а присоединяется целиком без изменения.

Союз яко в сложных синтаксических конструкциях с формами описательного императива в функции предиката $ПЕ_2$

Эти ПЕ характеризовались повелительным или желательным оттенком значения, что было обусловлено наклонением глагольной формы предиката. Они могли функционировать в семантическом соответствии современным придаточным предложениям в сложноподчиненных предложениях с семантико-синтаксическими отношениями модального изъяснения и цели, присоединяясь к препозитивному главному предложению без союзов, например: и начат мыслити себе да оженится ею; начат ему глаголати да вдаст за него дщерь свою (Пов.тв. о.м., с.675); Помахнув же рукою множеству людемъ, да умолкнуть, отверзъ уста своя (Пов.В. и И., л.169); се есть паче всѣхъ царское дѣло, да человѣки научить бога боятися и истину хранити (Там же, л. 216); ...бояся, да не злу съходатай себѣ же и своей дружине будеть. Обаче искаше время доброугодное, да привлечеть его на благое (Там же, л.99 об.); Княже! Хощеши ли, да покажу ти Агриков мечь? (Пов.П.Ф., с.454).

Возможность квалификации ПЕ с предикатом в форме описательного императива с частицей да в качестве $ПЕ_2$ сложной синтаксической конструкции (придаточное предложение) зависит только от смысловой и текстовой позиции такой ПЕ, так как формальными признаками наличия объединения двух ПЕ в сложное синтаксическое целое мы в данном случае не располагаем. Можно привести примеры, в которых форма описательного императива входит в состав прямой речи, и это будет определяться наличием в предшествующей ПЕ вводящей прямую речь

формы глагола речи: Он же, хотя желание свое исполнити, рече: "Да вижу, где есть!" (Пов.П.Ф., с.454).

Также только "по общему смыслу" можно определить употребление ПЕ с предикатом в форме описательного императива в соответствии с придаточным цели: и повеле юноша ко граду погнати, да мати его не печалует по нем (Девг.д., с.176); Многъ бо путь шьствовавъши придохъ въ сий градъ, тъкмо же да вижю си сына своего (Ж.Ф.Печ., с.318);
князь же о сем велми удивися и прослави бога и повеле своим предстоящим, да дадут ему всю его первую одежду и да будет в первом своем чину. Он же со смирением рече: "Господине мой великий княже, я не того ради придох к тебе, но да ты от печали свободишися и прошения моего да не презриши: молю тя и прошу да повелиши то место розчистити" ... Князь же великий повеле вскоре собрати крестьян и иных людей да росчистят место то иде же отрок покажет (Пов.тв.о.м., с.682).

Последний пример наглядно иллюстрирует зависимость интерпретации смысла включения в текст ПЕ с описательными императивами от текстовых позиций этих ПЕ: повеле да дадут - изъяснительность; не того ради, но да ты свободишися и да не презриши - целевое значение подчеркнуто коррелятивным сочетанием того ради; прошу, да повелиши розчистити - изъяснение; повеле, да росчистят - изъяснение. Надо, однако, заметить, что целевая семантика конструкции возникает обычно при ПЕ с предикатом - глаголом движения (ср. выше пример из Девгеньева деяния), а изъяснительная - с глаголами речи, мысли и под. Таким образом, наш материал показывает, что в древнерусском языке существовала традиция использования в письменном языке ПЕ с описательным императивом в ка-

честве предиката при выражении отношений модального изъяснения и цели, а также и при оформлении прямой речи.

Эти случаи бессоюзного бинарного соединения объединенных определенными смысловыми отношениями ПЕ с предикатом в форме описательного императива с другими ПЕ имеют в древнерусских текстах параллели, в которых в качестве служебного слова, соединяющего две ПЕ в сложные конструкции подчинительного типа, не изменяя при этом грамматических признаков $ПЕ_2$, выступает союз яко:

И се убо прошу у тебе: да ми даси слово, яко да благословит мя душа твоа яко же в животѣ тако и по смерти твоей и моей". (Ж.Феод.Печ., с.304); Последи же повѣдаша еи, яко въ пещерѣ есть у преподобнаго Антония. Она же и тамо иде, да и тамо обрящеть. И се начатъ старьца льстию вызывати глаголюще яко да речете преподобьнууму да изидеть. "Се бо многъ путь гънавши придохъ хотящи бесѣдовати к тебе и поклонитися святыни твоей, и да благословлена буду и азъ от тебе" (Ж.Феод.Печ., с.318); [Княгиня Ольга] "аще истинно хощете поняти мя за вашего князя, и еще пришлите нарочитых мужей, яко да прииду к вам в велицей чести..." (Сказ.кн.Ольге, с.262); Ты же наипаче всего еже крестити ми ся совѣщеваеши, его же и сама желаю от всея души и от всего помышления; на се бо и придох сѣмо, яко да и ты свидѣтел неложен будеши еже ко Христу обещания моего ... но вскоре сам с патриархомъ потщися исполнити еже о мне божию благодать ... (Сказ.кн.Ольге, с.262); и насъ ради, неразумных рабъ, владыка смерть приятъ, смерть же распятиемъ, да разорится грѣховное мучительство, яко первое осужение, да отиметься, яко да отверзнутся паки нам небесныя дверѣ (Пов.В.иИ., л.150); Волгою же рѣкою отпусти с

кормлею и со всяким запасом воинства своего и з большим стѣнобитным нарядом огненым, яко да не будет нужды от пищи в воехъ на долго время (Каз.ист., с.451); ... ста пред самодержцем и падает на колену свою, моляся яко да отпущен будет, пронырник, в царство свое Казань видѣти сродники своя и взяти ему к Москвѣ их оттуду ... (Каз.ист., с.428); и отложитися от самодержца московскаго, ни служити ему, ни повиноватися, яко да не большую бѣду и напасть постражут впредь ... (Каз.ист., с.430).

Некоторые исследователи считают, что, когда $ПЕ_2$ с описательным императивом с да в качестве предиката присоединена к предшествующей $ПЕ_1$ без других служебных средств, образуется сложная синтаксическая конструкция со служебным словом да в качестве подчинительного союза. Так, В.Ф. Харпалева утверждает, что исследованные ею материалы показывают, что служебное слово да функционировало в качестве союза, который "мог употребляться и в функции изъяснительного (то есть да = что)" [Харпалева, с.121]. Приведем некоторые примеры, которыми В.Ф. Харпалева иллюстрирует это положение: ... и на том цѣлованьа крѣ, да аще кто сѣлѣ на кого буде , то на того будем вси (Лет.Лавр., л.87); се же ми помьните присно . да о грѣсѣхъ тъчьѣ болимъ . а о иномъ ни о чемъ же (Изб.1076 г., л. 87 об.); королевичу обѣщали, да возведутъ его на царство (Пов.Кат.-Рост., с.602).

Обусловленная тождеством позиции механическая замена частицы да на союз что с необходимостью должна повлечь за собой изменение грамматических параметров ПЕ (замена повелительного наклонения - изъявительным), при этом возможно сохранение второй части прежней глагольной формы, например в послед-

нем примере: возведутъ. Но это сохранение будет основано лишь на случайном тождестве формы глаголов. При такой замене разрушается также и старый принцип смысловой связи ПЕ в тексте, при котором в подобных случаях не образовывались сложные синтаксические конструкции, но существовала традиция (узус) выражения изъяснительных и целевых отношений при помощи соотношения в тексте содержания ПЕ с предикатом в форме глагола повелительного наклонения с да с содержанием предшествующей ей ПЕ. Разобранный пример показывает, что союз яко (в отличие от современного что) не обладал, как правило, способностью "перестраивать" структурную схему тех ПЕ, которые с помощью этого союза объединялись в сложные синтаксические конструкции. В частности, ПЕ с предикативной основой, выраженной формой описательного императива с да, входя при помощи яко в сложную синтаксическую конструкцию, сохраняли повелительное наклонение. Сходные мысли по поводу сочетаемости в текстах архаической структуры ПЕ, неоднородных по отношению к грамматическим категориям времени, лица и модальности, высказывал Т.П. Ломтев [Ломтев, с.489 и след.].

Союз яко в сложных синтаксических конструкциях с независимым инфинитивом в функции предиката $ПЕ_2$

В древнерусских текстах формы инфинитива могли выступать самостоятельно в качестве предикативной основы простого предложения. Такие предложения могли включаться в текстовую последовательность ПЕ как отдельные равноправные единицы.

Игорь же рече братья . и дроужино . таины бѣ а никто же не вѣсть а знамению творѣць бъ и всемоу мироу своемоу . а намъ что створить бъ . или на добро или на наше зло . а то же намъ видити и то рекъ . перѣсреде донѣць (Лет.Ипат.) ;

А докончають межи себе князь Кестутеи велики и велики князь Олгирд што братии всеи послушну быти князя великого Олгирда, или который волости, то собѣ роздѣлити, а то собѣ докончають - что придобудуть, град ли или волости, да то делити наполы. А быти имь до живота в любъви во великои милости, а правду межи себе на томь дали - не мыслити лихомь никому же никако же (Лет.Супр. л.89); Тои же осени на святого Дмитра день царь Махметь и Мамутакь, сынь его, отпустили князя великого Василья московского на окупе, дати ему окупа много множество (Лет.Супр., л.87); є гда же подъпы-ахутьса начьнахуть роптати на кназь глѣще . зло єсть нашѝ головам . да намъ ѣасти деревяными лъжицами . а не сребранными . се слышавъ Володимеръ . повелѣ исковати лжицѣ сребрены ѣасти дружинѣ (Лет. Лавр., л.43 об.); Многим же от вой его умрети от лютаго смрада того змиина близ места того стоящимъ, и кони и велблуды его многи падоша (Каз.ист., с.316); ...свѣдаю въскорѣ ему отвращися прелестника оного учения и твоей волѣ приложитися ему" (Пов.о В. и Ѝ., л.138 об.); ѣегда оуслышиши съмьрть дшѝ . не помысли дшѝ оумирати безъсмрьтьна бо ѣесть ... (Изб.1076, л.90); [ангелы] съньмъше же ларѣ съ шии своихъ . и поставльше ѣ жьдааxоу нѣкоѣего вельможѣ прити къ нимъ (Изб.1076, л.272); се же послѣже придоша грьци хуламе вси законы . свои же хвалаше ... и другии свѣтъ повѣдаютъ быти да аще кто дѣєт(ь) в наше вѣру ступит . то паки оумръ станеть и не оумрѣ ему в вѣки . аще ли в нѣ законъ ступить . то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣ(т) (Лет.Лавр.);

царь зряше ... и узна их быти пияных и всех от мала и до велика ... (Каз.ист., с.336).

Этот материал показывает, что функционирование ПЕ с инфи-

нитивом в качестве предиката на текстовом уровне в принципе аналогично функционированию ПЕ других типов: ПЕ с инфинитивом могут включаться в текст начинательными союзами, коррелятами, подчинительными союзами и без союзов. Синтаксические связи этих ПЕ с другими ПЕ также не представляют своеобразия: ПЕ с инфинитивом может быть в позиции главного и придаточного предложения, может занимать в тексте независимое положение.

Однако семантическая сторона этих ПЕ имеет существенную особенность, отличающую их от ПЕ других типов. Своеобразие это выступает тогда, когда основой структурной схемы ПЕ с инфинитивом в качестве предиката является особый оборот с субъектом действия в дательном падеже. Этот оборот имел модальную окраску долженствования. Такой смысловой оттенок обычно присущ самостоятельным синтаксическим конструкциям, построенным по схеме: "субъект в дат.п. - предикат = инфинитив". Если ПЕ, построенная по такой схеме, присоединяется к предшествующей ПЕ посредством союза яко, то есть становится придаточной частью сложноподчиненного предложения, то присущая ей модальность долженствования (предопределенности, неизбежности события) сохраняется неизменной лишь в сложноподчиненных предложениях с семантико-синтаксическими отношениями изъяснительного типа. В этом случае яко просто присоединяет инфинитивный оборот, который в силу своей структурной замкнутости и немаркированности в нем категории времени - не противоречит общей текстовой согласованности грамматического времени в повествовании (см. ниже примеры в рубрике "А"). Если же яко присоединяет такую, построенную на основе инфинитивного оборота, ПЕ в сложноподчиненных предложениях с се-

мантико-синтаксическими отношениями следствия (причины), а также меры и степени, то употребление инфинитива в функции сказуемого, с нашей современной точки зрения, выглядит неуместным, и для того, чтобы понять текст, мы переводим этот инфинитив прошедшим временем (см. ниже примеры в рубриках "Б", "В").

В рубрике "В" мы выделяем особо случаи соотнесения союза яко с коррелятами в $ПЕ_I$. Союз яко соотносится с коррелятами толико, тако, таков, тольми и др. при выражении отношений меры и степени. Эти отношения могли выражаться в сложноподчиненном предложении, структурная схема придаточной части которого могла быть тождественна структурной схеме придаточных с семантикой следствия (ср. примеры в рубрике "Б"). Для подчеркивания отношений меры и степени в главное предложение ($ПЕ_I$) вводится специализированный коррелят, и, таким образом, особо маркируется и дифференцируется семантика синтаксических отношений. В предложениях меры и степени с союзом яко и с коррелятами, кроме того, утрачивается характерная для отношений следствия временная последовательность событий. Рассматривая примеры употребления в древнерусских текстах инфинитивных оборотов, подобные тем, которые мы приводим в рубрике "В", А.А. Потебня высказал предположение, что они использовались как средство выражения одновременности действия [Потебня 1958, с. 420, 421].

Приведем примеры по названным выше рубрикам.

А. сице поведая людем, яко на пятое лѣто Дънѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста. (Пов.вр..лет.); людие же поразсудив и глаголаху в себе, яко быти во царствѣ премѣнению некоему (Пов. о бол. и см. Вас.Ш); ... тѣхъ бо

пророки прорѣцаху яко богу родитися а другыи распяту быти и погребену (П.в.вр.л.); мнѣша яко оуже коньчану быти пѣнию (Ж.Ф.Печ.).

Б. а свити ѥго благооуханиѣа испоущахоу . ѥако дивити сѧ всѣмъ (Выг.сб., л.8 об.); ... и лици бѣаста свѣтьлѣ аки англа . ѥако дивити сѧ и архиепскоу зѣло и всѣмъ людьмъ (Ж.Б. и Г., л.19 в); Зима же сиа студена бысть яко мнозем человеком от мороза измирати (Лет.Моск., л.221); се же вьсему граду и странѣ тои ѥавѣ бысть ѥако мъногъмъ оудѣти на градѣ по вса ноши видѣниѣа огньна дѣла (Син.пат., л.45 об.); потомь онъ 3 дни не може ни глаголати къ кому ни же очию провести яко многимъ мнѣти яко уже умрѣтъ ... (Ж.Ф.Печ.); и охапистася оба, и плакастася много, яко всемъ ту предстоящимъ бояромъ и велможамъ плакатися с ними (Каз.ист., с.344).

В. Такову премудрость и чистоты хранение обрѣте от бога, яко удивитися Игорю мужеумному смыслу ея и благоразумным словам всем ея (Ск.кн.Ольге, с.250); толикоу оубо блгодать дасть ѥмоу Гъ . ѥако же зьрѣти ѥмоу чювьствьнъима ѡчима всѣхъ сихъ (Выг.сб., л.24); и спроста рещи, толико ему быстъ постничьскый подвиг, яко и самому Варлааму дивитися (П. о В. и И., л.107); ... и тако всѣмъ кличющемъ, яко же трястися пещерѣ отъ множьства плища зълыихъ духовъ (Ж.Ф.Печ.); тольми же гнѣвъмъ одрьжима ѥако и въ домъ ѥи пришьдъши бити и дондеже и занеможе (Ж.Ф.Печ., л.28 г).

В последнем примере дат.п. местоимения ѥи является субъектом действия одновременно и в обороте дательный самостоятельный, и в инфинитивном обороте.

Приведенный материал показывает, что в текстах древнерусских памятников письменности ПЕ с независимым инфинитивом в

качестве предиката и субъектом действия в форме дат.п., включаясь с помощью союза яко в состав сложной синтаксической конструкции подчинительного типа, сохраняют присущую им модальность долженствования только при выражении изъяснительных отношений между $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$. Этот же тип семантико-синтаксической связи свободно допускает форму инфинитива в качестве предиката в придаточном предложении, что можно объяснить нерелевантностью категории грамматического времени в зависимой части сложноподчиненных предложений этого типа. В сложноподчиненных предложениях с яко с придаточными следствия и меры и степени модальное значение придаточного утрачивается полностью при выражении отношений меры и степени (при включении коррелята в $ПЕ_1$) и становится нечетким в придаточных следствия. Немаркированность грамматической категории времени у инфинитива - предиката $ПЕ_2$ в сложноподчиненных предложениях следствия и меры и степени позволяет приписывать таким придаточным ту форму времени, которую в конкретных случаях диктует контекст.

Употребление инфинитива в качестве предиката в $ПЕ_2$ (с контекстным значением прошедшего времени) возможно было не только при субъекте действия в дательном падеже: и изби я, яко мало ихъ от таковыя бѣды избегнути (П. вр.л., л. 19).

В придаточных, выражающих отношения меры и степени, союз яко выступает в соотнесении с коррелятами, находящимися в главной части конструкции ($ПЕ_1$). Подобная корреляция союза яко с уточняющими семантику синтаксических отношений формальными служебными средствами вообще не характерна для этого союза, однако для предложений сравнения и сопоставительных (к последним относим и предложения меры и степени) соотноше-

ние коррелятов с союзом яко - черта, которая характерна уже для древнерусских текстов [Сорокина, с.364]. Отметим также, что при использовании специализированных коррелятов происходит не только дифференциация отношений следствия и меры и степени, но и теряется такой обязательный элемент для семантики сложноподчиненных предложений следствия, как последовательность событий во времени(см.[Сорокина, с.347 и след.]).

Союз яко в сложных синтаксических конструкциях с зависимым инфинитивом в функции предиката $ПЕ_2$

В качестве предикативной основы простого предложения в древнерусском языке - как и в современном - могли выступать сочетания личных форм глаголов с зависимыми инфинитивами. Эти предложения, как и рано утраченные конструкции с супином при личной форме глаголов движения, могли иметь целевую семантику. Приведем примеры.

Сарра же не ражаше . понеж бѣ неплоды . и не бѣ неплоды . но заключена бѣ бжіимъ промысломъ на старость родити (Сл. о зак. и бл., с.161); ... явися юноша свѣтелъ и рече: "Учителю благий, в древняя лѣта римский царь Констянтин по явлению святых апостолъ и от бога вразумляем, на похвалу святей и апостольстей церкви и на почесть блаженному папе Селивестру сотвори клобукъ бѣл на главѣ носити (Пов. о новг.бел.кл., с. 218); И после обедни государь пошел ко архиепископу Пимину в столовую полату за стол, хлеба ясти, со всеми своими князи и боляры (Пов. о походе Ив.IУ на Новг., с.480); И абие по гласѣ томъ подъяся свѣтъ онъ к небеси и раступися небо и прияти. (Пов. о новг. бел. клобуке, с.212).

Интересно отметить взаимодействие структурных схем предложений с зависимым инфинитивом - со структурными схемами

предложений других типов. В позиции личной формы глагола может выступать оборот дательный самостоятельный: В потребный же день идущу царю с волхвы онѣми в Капеталию в младенчестей крови измытися (Пов. о новг. бел. кл., с.204). Субъект действия личной формы глагола и инфинитива могут не совпасть в случаях, когда при инфинитиве имеется форма дательного падежа: ... Сотвори одѣяние бѣло носити тебѣ на главѣ (Пов. о новг. бел. клобуке, с.212).

Такое употребление инфинитива А.А. Потебня (в противоположность Миклошичу) считал исконной чертой синтаксиса славянских языков [Потебня, 1958, с.416]. В этом же разделе своей книги А.А. Потебня рассматривает интересующее нас явление включения союзов между личной формой глаголов и инфинитивами, при котором образуются такие сложные конструкции цели, структурные схемы которых аналогичны современным (при условии замены союза) целевым сложноподчиненным предложениям - с тождеством субъекта действия в $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$. А.А. Потебня приводит примеры с союзами еже, аже, а и что, однако союз яко в таком употреблении им не был отмечен. По поводу рассматриваемых конструкций цели А.А. Потебня замечает, что "слав. неопр. с союзами, своеобразно достигающими той же общей цели, что в других языках предлоги, возникло из более древнего бессоюзного" (с.414).

В Исторической грамматике - 79 союз яко назван в числе союзов цели и приводится пример такого сложноподчиненного предложения цели, в котором сказуемое придаточного представлено формой зависимого инфинитива, а в позиции союза цели используется яко: желахъ ходити к великымь именитымъ старьцемъ яко блвити са ѿ них и пользоу примати (Син.пат., л.96).

Мы можем привести еще только один подобный пример: [князь Константин хотел выдать дочь за князя Михаила] сего ради многыми образцы любве къ нему составляше ... яко желаемое получити (Лет.Тверск., с.467). Эти два примера целевых конструкций с яко (как и те, с другими союзами, которые рассматривал А.А. Потебня), по-видимому, свидетельствуют о том, что и в конструкции с зависимым инфинитивом, выражавшие отношения цели, проникала та же тенденция к построению бинарных сложных конструкций с союзами. Включение союза ничего не меняло в семантическом плане предложений с зависимым инфинитивом, оно, не меняя смысла, касалось только формального строения конструкции.

Служебное слово яко, по нашему мнению, нельзя причислить к союзам цели (как, впрочем, и к союзам других типов сложноподчиненных предложений), так как этот союз не обнаруживает регулярной связи с выражением целевой семантики.

Конструкции цели с асемантическим союзом, яко подобные разобранным выше, утратились в процессе истории формирования целевых сложноподчиненных предложений. Для эксплицитного выражения этого типа семантико-синтаксических отношений сформировались, как известно, специализированные союзы с частицей бы (абы, чтобы, их бы и др.). Однако формы инфинитива в придаточной части сложноподчиненных предложений цели по-прежнему выступают при тождестве субъекта действия в $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$.

Отметим также, что "неорганичность" употребления яко в сложноподчиненных предложениях цели с инфинитивом в придаточной части, возможно, подтверждается тем фактом, что в числе союзов цели, образованных путем сложения асемантичных союзов

с частицей бы (еже бы, чтобы и др.), мы не обнаруживаем сочетания якобы [Хренова, с.223]. Однако это сочетание имелось в древних текстах, но употреблялось оно так же, как и в современном языке, при обозначении отношений изъяснения или дополнения с семантическим оттенком недостоверности. Например: На утрии же великий князь повѣле готовити себе коня и всему своему сигклиту, яко же угодно великому князю, соколы и пъсы, да едучи ловы деет; в ту бо нощь великий княз сон видел, яко бы быти в поле на ловех и пускати своя соколы на птицы (Пов. тв. о. м., с.677); И усмотрела Аннушкина мамка, что приехал Фрол Скобеев под видом других того дому служителей, якобы прислала тетка по нея из манастыря (Ист.Ф.Ск., с.690).

В случаях образования сложноподчиненных предложений цели путем разбиения на две части одной ПЕ с зависимым инфинитивом в качестве предиката и включением союза перед $ПЕ_2$ правомерно видеть аналогию со случаями образования сложноподчиненных предложений на основе подобного же разбиения на две ПЕ оборотов со вторыми косвенными падежами. Такое явление неоднократно отмечалось исследователями, которые изучали процессы утраты этих архаичных оборотов [Потебня 1958, с. 317], [Ломтев, с. 540], [Чагишева, с. 123, 144]. Так, В.Ф.Харпалева пишет: "Очевидно, как один из переходных этапов (от оборота к придаточному) следует рассматривать постановку подчинительного союза перед конструкцией с двойным винительным падежом: И рече единъ: видѣхъ, яко князя идуща съ сѣнеи доловь (Лет. Моск., л.102 об.)" [Харпалева, с.113].

Союз яко с оборотом дательный самостоятельный

Синтаксический оборот дательный самостоятельный имел широкое распространение в древнерусском книжном языке XI-XVIIвв.;

его изучению посвящена большая научная литература. Мы будем опираться на исследование и выводы А.М. Сабениной, которые опубликованы в 1982 г. в разделе "Дательный самостоятельный" книги "Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение".

Как показано в этом разделе, синтаксический оборот дательный самостоятельный древнерусского языка по своему грамматическому оформлению и семантике существенно отличался от соответствующего старославянского оборота. В семантическом плане его употребление было значительно шире. Так, А.М. Сабенина отмечает: "В семантико-синтаксическом отношении дательный самостоятельный представлял собою многоплановое явление. Чаще он обнаруживает сходство с придаточным предложением. Подобно последнему, дательный самостоятельный мог выражать время, причину, следствие и т.д." [Сабенина, с. 422].

Таким образом, можно говорить об отсутствии у оборота Дательный самостоятельный постоянной связи с каким-либо определенным семантико-синтаксическим значением или смысловым модальным оттенком; это структурная схема ПЕ особой грамматической организации, конкретное значение ее зависит от лексического наполнения и позиции в тексте. В связном тексте характер функционирования ПЕ, построенных по структурной схеме оборота дательный самостоятельный, был аналогичен функционированию ПЕ с обычной структурной схемой с личной формой глагола в качестве предиката и с субъектом действия в именительном падеже. Оборот дательный самостоятельный мог занимать как позицию независимой ПЕ, так и позиции $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$ в сложном предложении.

Здесь нас интересует синтаксический аспект включения со-

юза яко в ПЕ с оборотом дательный самостоятельный, то есть случаи, когда такие ПЕ включаются в состав сложной синтаксической конструкции посредством союза яко. Результат такого включения определяется, по-видимому, тем, что с помощью яко достигается более четкое смысловое расчленение текста, то есть сигнализируется наличие бинарной связи между ПЕ, маркированной яко как зависимая, и смежной (левой или правой) ПЕ, которая в таком случае уже должна восприниматься в качестве главной части сложноподчиненного предложения. Однако направление линии связи определяется контекстом, так как придаточные с яко могут быть в пре- и постпозиции по отношению к главному. Контекст также определяет и семантику синтаксической связи двух ПЕ. При этом формальным текстовым средством определения синтаксической семантики могут выступать общие тенденции в расположении частей сложных конструкций относительно друг друга: союз в составе $ПЕ_1$ обычно при передаче отношений времени, определения, сравнения, условия и др.; союз в составе $ПЕ_2$ при передаче отношений причины, следствия, объектных (изъяснительных) и др.

Рассмотрим материал, которым А.М. Сабенина иллюстрирует функционирование оборота Дательный самостоятельный в позиции придаточного предложения. Здесь выделены следующие рубрики по значению придаточного, выраженного оборотом Дательный самостоятельный: временное, причинное, объектное, условное, уступительное и, с некоторым сомнением, целевое. При этом в примерах представлены как случаи бессоюзного включения в состав сложных конструкций ПЕ с оборотом Дательный самостоятельный, так и случаи, когда при таком включении употреблен союз (как яко, так и некоторые другие). Как же

представлено в этом достаточно обширном материале функционирование союза яко? Оказывается, в употреблении союза яко с оборотом дательный самостоятельный отражено такое же, зависящее от семантики синтаксической связи $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$, распределение по типам сложноподчиненных предложений, которое мы привели в начале раздела о союзе яко. Постоянно только с союзом яко отмечены придаточные сравнения и следствия; параллельно (с яко и без него) - придаточные времени, причины и объектные; не отмечен союз яко в придаточных определительных, условных и уступительных. Даже с учетом возможной неадекватности в интерпретации древнерусского материала, такое совпадение, по-видимому, нельзя считать случайным. Оно доказывает, с одной стороны, отсутствие специализации оборотов Дательный самостоятельный для выражения только каких-либо определенных синтаксических отношений, а с другой - что важно для нашей темы - подтверждается наличие для союза яко определенной семантически ограниченной сферы функционирования. Это ограничение проявляется независимо от того, какими синтаксическими конструкциями выражено содержание текста.

Однако вернемся к служебным функциям союза яко в древнерусских текстах. Выпишем из примеров, приведенных А.М. Сабенниной, такие сложноподчиненные предложения с придаточными времени, причины и объектными, в которых оборот Дательный самостоятельный представляет основу структурной схемы придаточного предложения. При этом для каждого типа сложноподчиненного предложения подберем примеры с бессоюзным присоединением придаточной части и с союзом яко.

1) и въсклепавъшю емоу въ двьри . Тврьзе старьць (Син. пат. л.84 об.); 1а) яко солнцю заходящу, съступишася обои

и бысть сѣча зла (Лет.ТР., с.226); 2) и стояли есмя въ Платанѣ 15 дни, вѣтру велику и злу бывшу (Хож.Аф.Ник., л.592); 2а) Феодосии ... аще и коли къде отъходѣа пороучаше тому братию ... ѣако же старѣишю томоу соущю всѣхъ (Ж.Феод.Печ., с, 63); 3) не трьплю бо слышати отъ вьсѣхъ оукараѣемоу ти соущю (Ж.Феод.Печ., с.45-46); 3а) ѣегда видите вьса благаѣа оумножающаяся въ манастыри семь . вѣдите ѣако близь владыки нбсьнааго ми соуштю (Ж.Феод.Печ., с.92).

Попробуем представить себе "преимущества" сложных синтаксических конструкций с яко перед соотносительными с ними по семантике бессоюзными.

Пример 1: начинательный союз и перед $ПЕ_1$ говорит о том, что текст в целом построен по принципу цепочечного нанизывания; в этих условиях отсутствие очередного начинательного союза перед $ПЕ_2$ может указывать на более тесную смысловую связь между $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$, чем текстовая связь с начинательным и в простой линейной последовательности ПЕ. А.М. Сабенина квалифицирует $ПЕ_1$ как занимающую позицию придаточного времени. Однако значение времени здесь эксплицитно не выражено, с таким же основанием можно утверждать наличие отношений причины или следствия.

В примере 1а союз яко, исключая (или заменяя) собой начинательный союз, в позиции перед $ПЕ_1$, придает этой ПЕ свойство синсемантизма. $ПЕ_2$ присоединяется с необходимостью и уже без начинательного союза. Возникает бинарная сложная конструкция закрытого типа, включающаяся в текст как самостоятельная выделенная единица, после которой с помощью начинательного и присоединяется очередная ПЕ. Такое выделение способствует концентрации внимания на смысловых отношениях именно между этими

двумя выделенными из общего ряда ПЕ. Однако семантика их синтаксической связи остается невыраженной, как и в примере 1, но лексическое наполнение и содержание текста позволяет легко определить отношения времени. В этом случае синсемантичная $ПЕ_1$ ориентирована на смысловую связь с правым контекстом. Приведем пример, в котором яко включает постпозитивное придаточное времени, выраженное также оборотом дательный самостоятельный: ... бысть на небеси в солнце знамение яко восходящу солнцу на 1-мъ часу дни, и бысть вверху солнца аки срезано по-малу и нача в солнце гибели прибывати от перваго часа и до третьяго часа дни и ... (Пов. о бол.см. Вас.Ш, с.20). В этом случае ПЕ, присоединенная союзом яко, в смысловом отношении ориентирована на левый контекст. Такое именно членение текста подчеркивается еще наличием начинательного и после ПЕ с яко. На значение временной связи указывает лексическое наполнение конструкции.

В примерах 2 и 2а А.М. Сабенина видит причинную зависимость между содержанием $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$. Однако эти отношения эксплицитно ничем не выражены, и мы должны поверить, что в распоряжении исследователя был контекст, дающий основание для такого утверждения. В примере 2а включение яко ведет к смысловой ориентации на содержание смежной левой ПЕ, точнее, левого контекста, так как в данном случае складывается многокомпонентная конструкция из трех ПЕ.

В примере 3, по существу, реализуется общий принцип структурных схем синтаксических конструкций со вторыми косвенными падежами, что обусловлено тем, что предикат $ПЕ_1$ - глагол восприятия (слышати). В примере 3а включение в подобную же конструкцию союза яко определяет ее бинарное строе-

ние, то есть союз разбивает оборот с двойными косвенными падежами на $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$, составляющие сложноподчиненное предложение, с оборотом дательный самостоятельный в основе придаточной части.

Из проведенного анализа примеров следует, что предикативные единицы, построенные на основе оборота Дательный самостоятельный, при включении их в состав сложноподчиненных предложений с помощью союза яко не изменяют своей структурной схемы. Смысловая сторона синтаксической связи между $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$ строится на соотношении конкретного содержания главного и придаточного предложений и поддерживается порядком их следования относительно друг друга. Наличие семантико-синтаксических отношений маркируется союзом яко, но они не получают специализированного формального средства обозначения.

* * *

Таким образом, анализ употребления служебного слова яко в древнерусских текстах показывает, что все рассмотренные случаи ведут к образованию бинарных сложных синтаксических конструкций подчинительного типа. Часть конструкции, маркированная союзом яко как зависимая, приобретая свойство синсемантичности, объединяется с левой или правой смежной ПЕ. При этом наблюдаются как соединения двух самостоятельных ПЕ в одно сложноподчиненное предложение, так и разбиение одной ПЕ на две, объединяемых в одну бинарную конструкцию.

Наш анализ показал также, что использование союза яко не вносит в конструкцию каких-либо новых смысловых отношений между $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$ и в большинстве случаев сохраняет грамматические параметры зависимой ПЕ и семантику синтаксических

архаических оборотов. Заметим, что в случаях, когда зависимая ПЕ построена на основе инфинитивного оборота с дательным падежом субъекта действия, в рамках сложного предложения с яко возможна утрата модального значения долженствования; обращает на себя внимание то, что форма инфинитива может получать здесь значение контекстного времени.

В большинстве типов сложноподчиненных предложений для придаточных с союзом яко характерна позиция $ПЕ_2$ при отсутствии в главном предложении коррелирующих с союзом уточняющих семантику синтаксической связи формальных средств. Таким образом, в сложных конструкциях с яко можно видеть как бы продолжение использования принципа юкстапозиции - причленения очередной ПЕ к предшествующему тексту (с заменой начинательного союза на яко). Однако ПЕ, присоединяемая посредством яко, маркируется как конечная и семантически неполноценная без предшествующей левой смежной ПЕ. Тем самым наличие в тексте союза яко - показатель наличия в тексте сложноподчиненной синтаксической конструкции.

Объединение двух ПЕ в тексте актуализирует имеющиеся между их содержанием смысловые связи, что способствует более ясной передаче мысли и свойственно более четкому синтаксическому членению текста. Таким образом, использование союза яко содействует развитию гибкости синтаксиса письменной речи. Однако в конструкциях с яко семантико-синтаксические отношения между $ПЕ_I$ и $ПЕ_2$ еще не отрабатывались как типовые, и поэтому при яко нет обычно средств, уточняющих значение синтаксической связи, исключение составляют конструкции меры и степени. Типизированные семантико-синтаксические отношения получат эксплицитное выражение другими, специализированными, средствами связи.

Отметим, что при выражении в тексте временных соотношений событий, а также при выражении круга сравнительно-сопоставительных отношений между ПЕ, составляющими сложноподчиненное предложение, придаточная часть с яко может употребляться в позиции $ПЕ_I$.

С союзом яко регулярно сочетается лишь одна синтаксическая частица же (главным образом, при выражении круга сравнительно-сопоставительных отношений). Этот факт можно интерпретировать как указание на исконное наличие у служебного слова яко собственной семантики (близкой современным как - каким образом и сравнительному союзу как). Иными словами, можно предположить, что при выражении отношений сравнения и сопоставления яко не выступал как асемантический союз. Дело в том, что, как мы писали выше, синтаксические частицы, присоединяясь к служебным словам, не вносят новой семантики и не уточняют значение, а только подчеркивают, акцентируют ту семантику синтаксических отношений, которая заложена в тексте и выражена специализированным служебным средством. Синтаксическая частица же специализирована подчеркивать и выявлять в тексте линии тождества - противопоставления, то есть как раз те отношения, которые лежат в основе сравнения и сопоставления.

Отметим также, что образованный сложением союза яко и частицы бы союз якобы, в отличие от аналогичных сложений с другими асемантическими союзами, не функционирует в качестве союза цели и модального изъяснения.

Асемантические служебные слова, восходящие к указательному местоимению и (иже, яже, еже)

Служебные слова, представляющие собой древние сложения словоизменительных форм указательного местоимения и и синтаксической частицы же, широко использовались как в церковнославянском языке, так и в древнейших восточнославянских текстах произведений высоких книжных жанров, преимущественно с религиозным содержанием, а также в летописях, исторических повестях, в письмах Ивана Грозного и А. Курбского и др. Судьба этого разряда служебных слов хорошо изучена и описана в научной литературе: в течение XI-XVII вв. эти слова постепенно выходили из употребления, уступая место служебным словам, образованным большей частью от корней вопросительных местоимений (кто, что, который и др.)

В древнерусских текстах функционировали формы словоизменительной парадигмы собственно указательного местоимения: и м.р., ѣ-а ж.р., ѣ-е ср.р. Они выступали в качестве членов простого предложения и не являлись средствами синтаксической связи, например: аще бо кто и не видѣвъ ѣ-е-а ти слышааше в беседоующю то начьнаше мьнѣти мужа в суща (Усп. сб., л.28б); и въскорѣ извыче вс-а граматики ѣ-а (Усп.сб., л.28а); онъ же бывъ въ оужасѣ паде ниць. и имъша же и ста-а за роукоу аки посадиста и . и начаста глти о ицѣлении ѣ-его и по томь перекрьстита оуста ѣ-его (Усп.сб., л.21а). Эти же формы указательного местоимения и в сложении с синтаксической частицей же функционировали уже как формальные средства синтаксической связи ПЕ: и оузьрѣста попинъ ѣ-его и отрокъ иже слоужааше ѣ-емоу . и видѣвъша господина сво-его др-ахла (Сказ. Б.и Г., л.11в); Вѣм бо яко меду и скоры нынѣ не имате, и вместо сих

скудну дань возму у вас, еже имате (Сказ.кн. Ольге, с.266). Таким образом присоединение к форме местоимения синтаксической частицы же выводит функционирование полученного сложения за рамки простого предложения, то есть превращает форму местоимения в служебное слово - формальное средство связи ПЕ в сложных синтаксических конструкциях(ср.: [Александров]).

Служебные синтаксические средства, образованные на основе форм указательного местоимения и, сохраняя словоизменительную парадигму и продолжая занимать позицию члена предложения в той ПЕ, в которую они включались, функционировали в качестве союзных слов в сложных синтаксических конструкциях с так называемым относительным подчинением. Для этого вида синтаксической связи характерно отнесение информации придаточного предложения к одному из членов главного, или замещение приглагольной позиции одного из членов главного предложения придаточным (присловные конструкции нерасчлененного типа).

Придаточные части относясь к одному из именных членов главного предложения, расширяют информацию только об этом члене, не касаясь общего содержания главного предложения. Происходит операция идентификации определяемого члена и той информации, которая приписывается ему в качестве его признака, свойства или действия. Ср. характеристику этих отношений А.А. Зализняка и Е.В. Падучевой: "Содержание анафорической связи - либо тождество объектов, обозначаемых именными группами, либо лексическое тождество самих лексических групп". [Зализняк, Падучева, с.62]. Поэтому средства анафорической связи - указательные местоимения, согласованные в роде и числе с определяемым словом, в сложении именно с синтаксической частицей же (способной быть общим показателем текстовой ли-

нии тождества//нетождества и подчеркивающей акцентируемое слово в начале ПЕ) становятся выразителями относительной связи - союзными словами. При этом они являются членами предложения и сохраняют словоизменительные формы.

Отдельные застывшие формы местоимения и (в сложении с частицей же) используются и в качестве подчинительных союзов разряда асемантических. Наибольшая частотность характеризует употребление образовавшегося таким образом союза еже, который проникал даже и в тексты делового и бытового характера [Зализняк 1981, с. 91]. В функции асемантических союзов могли выступать также сложения иже, аже и оже (вариант еже). Таким образом, в древнерусских текстах одни и те же служебные слова, восходящие к указательному местоимению и, могли функционировать и в качестве союзных слов, и как семантические союзы.

История функционирования этих разрядов служебных слов в сложноподчиненных предложениях различных типов, в том числе и в конструкциях с относительным подчинением, исследована достаточно полно в Исторической грамматике-79. Однако, мы обнаружили служебные слова, восходящие к формам местоимения и, в таких конструкциях, которые не входят в круг традиционно изучаемых в историческом синтаксисе. Может быть, в них отражены некоторые этапы приобретения формами местоимения и (в сложении частицей же) статуса служебных средств сложного предложения. Рассмотрим эти случаи.

Обороты с указательно-акцентирующей функцией

Рассмотрим случаи использования служебных слов, построенных по модели "форма местоимения и+же", в составе весьма редко встречающихся в текстах памятников синтаксических оборотов. Приведем отрывок текста с такими оборотами: Ты же наипаче всего еже крестити ми ся совѣщеваеши, его же и

сама желаю от всея души и от всего помышления; на се бо и придох сѣмо, яко да и ты свидѣтел неложен будеши иже ко Христу обещания моего ... но вскоре сам с патриархомъ потщися исполнити яже о мне божию олагодать (Ск.кн. Ольге, с.262).

В этом отрывке интересующий нас оборот употреблен два раза: иже ко Христу и яже о мне. Встает вопрос о том, к какому разряду следует отнести эти служебные слова (союз или союзное слово?), или, возможно, эти слова, несмотря на то, что они построены по модели "местоимение + частица же", не являются здесь средствами синтаксической связи уровня сложного предложения, а используются как бы для украшения стиля, то есть, возможно, здесь имеет место избыточность грамматических средств, с современной точки зрения. Для решения этих вопросов существенно рассмотреть функционирование служебных слов в оборотах, находящихся в следующих синтаксических позициях: 1) оборот перед определяемым именем; 2) оборот после определяемого имени; 3) оборот после обобщающих слов; 4) оборот после глагола. Рассмотрим материал соответственно этим рубрикам.

1. Рассматриваемые обороты могут стоять перед определяемым именем: ... генваря во 2 день, в понедельник на память иже во святых отца нашего Селивестра, папы Римскаго государь цар и великии князь Иван Васильевич ... (Пов. о походе Ив.IУ на Новг., с.478); и оуже на коньць житиꙗ прѣшьдъ прѣже оувѣдѣвъ ѥже къ бу своѥ отшьствиѥ и дьнь покоꙗ своѥго правьдьнимъ бо съмьрѣть покои ѥсть (Ж.Ф.Печ., л.62а); ... нынѣ отсюдоу оуже начьноу съповѣдати ѥже отъ оуны вьрсты житиѥ блѣженаго ѳеодосиꙗ (Ж.Ф.Печ., л.26в); откуду ли начну, яже по достоинству деяниа того и подвиги послушателем слышаны вся сътворити? (Ж.С.Рад., с.232); еще же о святемъ

и тридьневнемъ въскресении и еже на небеса вознесение ... (П. В. и И, л.46); ... и мжду приимеши моего спасения ради и иже к богу обращение (П.В. и И., л.193об.); сему же царевичу Димитрею естеством возрастающу, и братне царство и величество слышащу и от ближних си смущаему за еже не вкупе пребывания з братом, и часто в детьских глумлениях глаголет и действует нелепо о ближнейших брата си, паче же о сем Борисе (Ск.Авр. П., с.503); [Богородица:] ... но и по своем еже к господу отхождении неотступна буду от обители твоеа (Ж.С.Рад., с.253).

В таком употреблении рассматриваемого оборота функция служебного слова в нем, по-видимому, не может быть определена ни как функция союза, ни как функция союзного слова, так как присоединяет такое служебное слово предложно-падежное сочетание уточняющего характера, которое не обладает предикативностью и в рамках простого предложения является косвенным объектом.

2. Рассматриваемые обороты могут стоять после определяемого слова: молю же вы о възлюблении не зазърите паки гроубости моеи сдрьжимъ бо сны любовию ѣже къ прпбьноуоумоу сего ради окоусихъ с-а съписати вьс-а си ѣже о стѣмь (Ж.Ф.Печ., л.26г); многашьды же сего блаженаго кнази и епспи хотѣша искоусити осил-ающе словесы нъ не възмогоша и аки о камык приразивъше сѧ ѡскакахоу ограженъ бо бѣ вѣрою и надежею ѣже к гу нашемоу іс ху и въ себе жилище стааго дха сътвори (Ж.Ф. Печ., л.61а); О третьемъ послании московских воеводъ еже к Казани и о взятии острога казанскаго великого (Каз.ист., с. 350 - заголовок главы 19-й); Слышавъ сие князь великий Василей Иванович, и в раскаяние приде, еже о миру с казанцы, и печаленъ бысть на многи дни и ...(Каз.ист., с.344); ... ибо

слово мое, еже к тебѣ, не о безлѣпичнѣй есть вещи (П.В. и И., л.28); мъногашьды же паки великоумоу никоноу сѣдѧщю и дѣлающю книгы и олженоумоу въ скраи того сѣдѧщю и прядущю нити еже на потребоу таковоумоу дѣлоу (К.Ф.Печ., л.42г); Стефан же не по мнозе оставль мир и бысть мних в монастыри святыя Богородица, иже на Хотькове (Ж.С.Рад., с.240); Ведый буди преподобне, на что призвах тя и что хочу яже о тебе сътворити (Ж.С.Рад., с.252 - в последнем примере уточняющий оборот отнесен к субстантивированному местоимению что).

Этот вариант употребления уточняющего оборота, возможно, воспроизводится еще в современных архаических названиях с союзом что (ср.: Покровский собор "что на рву", церковь зачатия Анны,"что в углу" и пример, приведенный выше: ... у Покрова иже на Хотькове). Иначе говоря, оборот занимает здесь позицию придаточного определительного предложения.

Примеры в рубриках 1 и 2 демонстрируют как бы избыточность употребления служебных слов еже, иже и др. Ведь уточняющие косвенные объекты (во святых, к богу и др.) вполне могли бы включаться в рамки простого предложения с помощью одних предлогов, без использования иных служебных средств. По-видимому, независимо от позиции этих оборотов относительно определяемого слова - имени, употребление их не было связано с выражением атрибутивных семантико-синтаксических отношений. Они могли употребляться в уточняющей или акцентирующей функции в структуре простого предложения. Однако именно такое, избыточное, употребление служебных средств создает модель особого уточняющего оборота.

3. Рассматриваемые обороты могут встретиться при обобщающих словах. Служебные слова на основе местоимения и в этом

случае приобретают субстантивное значение: [сын божий] ...и явився намъ кромѣ грѣха, ни отча престола оставивъ и въ дивическую утробу вселивыйся нас ради, да мы вселимся на небеса, от древняго прегрѣшения възвратимся ... и все еже от плоти нас ради свершивъ смотрение, распятие же и смерть приятъ ... (П.В. и И., л.2); и тоу положать ѥ и вс҃а соуща҃а аже бѣ искоупилъ въ кост҃антини градѣ иконы и ино ѥже на потребоу (Ж.Ф.Печ., л.41б); да не зазрите паки гроубости мо҃еи съдрьжимъ бо сыи любовию ѥже къ прпбьноуоумоу сего ради окусихъ с҃а съписати вьс҃а си ѥже о сѣмь (Ж.Ф.Печ., л.26г).

При наличии обобщающего слова возникающая корреляция этого последнего со служебным словом из оборота разрушает структурную цельность модели этого оборота. В таких употреблениях с обобщающим словом служебные слова на основе местоимения и выполняют, по сути, функцию союзов или, может быть, союзных слов, так как мы не можем утверждать, что они утратили способность к словоизменению (ср. в наших примерах формы еже и яже).

4. Рассматриваемые обороты могут быть употреблены после глаголов, то есть занимать позицию дополнения: 1) прозвутер же видѣвъ дѣца (так в рукописи) и срдьчьныма очима прозьр҃а еже о немь ѥако хощеть из млада богоу дати с҃а ѳеѡдоси҃емь того нарицають (Ж.Ф.Печ., л.27б); 2) Таче блаженыи оувѣдѣвъ ѥже о н҃еи съхали си гла тои жено нынѣ иди въ домъ свои и се ѥгда придеть игоуменъ нашь то же азъ възвѣщю ѥмоу ѥже о тебе и тъ избавить та ѡт печали то҃а то же слышавъши жена ѡтиде въ домъ свои и блаженыи иде к судии и еже о н҃еи гл҃авъ томоу избави тоу ѡт насили҃а того (Усп.сб. л.61г); 3) Патриарх же от сна воспрянув и страх великъ нападе на нь,

поминая глаголы явльшихся ему о бѣлом клобуке и еже о обладании Констянтина града от поганых агарян и ... (Пов.о новг. бел.кл., с.224); 4) Повѣдаше авва куриакъ . оученикъ авва иоулиѧана стъл'пьника ѩако азъ и оц҃ь мои и братъ мои придохъ т҃ своѧ земла къ авв҃ѣ иоулиѧаноу слышаще ѩаже о немь имѣхъ бо недѹгъ неицѣльнъ ѩего же никто же т҃ члвкъ ицѣлити не възможе (Син.пат., л.160об.); 5) и паки по времени нѣкоторѣмь иде въ костѧантинь градъ и тоу тако же походи всѧа манастыр҃а и искоупивъ еже на пользоу манастырю своемоу (Усп. сб., л.41б); 6) и се вънидe икономъ гл҃а блаженомоу ѩако въ оутрии днь не имамъ коупити еже на ѩадь братии и на иноу потребоу (Усп.сб., л.44г).

Рассмотрим синтаксическую структуру первого примера. На современный лад его основу можно было бы представить схемой: "прозрел о нем то (еже) || что (яко) хочет". При синтаксическом членении древнерусского текста следует учесть наличие оборота еже о немь, то есть схема должна быть такой: "прозьр҃а еже о немь || ѩако хощеть". В этом случае линия управления глагола прозьря замыкается в пределах $ПЕ_1$, и далее следует придаточное изъяснительное, присоединенное союзом яко. Иными словами, включение в текст еже не приводит к образованию коррелирующей пары еже - яко, аналогичной современному то - что (однако ср.выше, в рубрике 3, функцию еже при обобщающем слове).

Во втором примере во всех трех употреблениях рассматриваемого оборота он выступает целиком в качестве дополнения при глаголах речи, валентность которых в пределах простого предположения могла бы реализоваться одними делиберативными объектами о ѩеи, о тебе. Однако в позиции объекта мы находим

указательные обороты, в состав которых входят сложения форм указательного местоимения и и частицы же. С современной точки зрения, здесь также наблюдается избыточное употребление служебного средства уровня сложноподчиненного предложения.

В примерах 3 и 4 указательный оборот употреблен также в неразложимом виде при глаголах речи, а в примерах 5 и 6 - при глаголе купить в качестве объекта возможно восприятие только одной формы еже, то есть это слово функционально выступает в качестве субстантивированного объекта (в значении что в возможном переводе на современный русский язык примера 5: купил что необходимо (на пользу) своему монастырю).

Указательный оборот в последних двух примерах не воспринимается как неразложимое синтаксическое единство в позиции объекта.

Итак, мы квалифицировали рассмотренные случаи употребления служебных слов на основании указательного местоимения и в соединении с предложно-падежными формами в позиции косвенных объектов как особый архаический синтаксический оборот с указательным или акцентирующим значением.

Входящие в состав этих оборотов служебные слова (сложения форм указательных местоимений с основой и) с синтаксической частицей же, по нашим общим представлениям, должны бы функционировать в древнерусских текстах в качестве формальных служебных средств уровня сложноподчиненного предложения - союзные слова, союзы, - о чем говорит наличие частицы же.

Однако в употреблениях этих сложений в составе указательных оборотов мы обнаруживаем, что грамматический статус этих служебных слов изменяется в зависимости от пози-

ции указательных оборотов в тексте и в предложении. Позиция оборота в тексте определяет как степень независимости (обособленности) самого оборота от линии текстовых синтаксических связей, так и статус служебных слов, входящих в состав оборота. Таким образом, вопрос о статусе служебных слов должен решаться особо в каждом типе употребления оборотов. По-видимому, в функционировании этих указательных оборотов отражен этап становления служебных средств на основе указательного местоимения и в качестве формальных средств уровня сложноподчиненного предложения, и поэтому включение их в текст еще не обязательно влекло за собой построение предикативной единицы, то есть образование бинарной синтаксической конструкции.

Возможно, что употребление этих оборотов было определенным стилистическим приемом, придававшим тексту некую значительность и торжественность. Неслучайно они употреблялись в узком кругу жанрово ограниченных текстов (в основном в житийной литературе); даже в летописях они не представлены.

Союз еже (оже) в сложных синтаксических конструкциях с зависимым инфинитивом в функции предиката $ПЕ_2$

Речь пойдет об использовании союза еже (аналогично союзу яко, см. выше) при выражении семантико-синтаксических отношений цели и модального изъяснения. Так же, как союз яко, еже используется в этом случае без частицы бы, и можно думать, что модальная окраска конструкции создавалась за счет употребления инфинитива. Разграничение семантико-синтаксических отношений цели и модального изъяснения формально никак не выражено и опирается на семантику управляющего глагола в $ПЕ_1$ и на общий контекст. Приведем примеры, распределив их по двум

рубрикам: а) еже в конструкциях цели; б) еже в конструкциях с модальным изъяснением.

а) Отверзенѣ бо ему бѣста отъ бога очи сердечнѣи еже пещися церковными вещьми и клирики (Лавр.л. 171) - пример приведен А.А. Потебней [Потебня 1958, с. 416] ; Древо же то наречено. еже разумѣти добро и зло (Пов. В. и И., л.35); Царь же из стрѣлницы града зряше с казанцы бесчинство рускихъ воинствъ и безумного шатания их и узна их быти пьяных и всех от мала и до велика яко и до самых воеводъ и помышляше, и времени подобна искаше, когда напасти на них еже погубити я. (Каз. ист., с.336); ... повелѣ имъ да в бане измывшеся придут к ней. Бани же уготовленѣ бывши, и внидоша в ню деревлянѣ еже измытися; и ту запроша их и сожгоша (Ск. кн. Ольге, с.254); Прилежне же пришедшему земледелцу оному еже видети его, ищущу и глаголящю: "кто есть Сергий и где есть чюдный и славный он муж (Ж.С.Рад., с.246); И слышав то Стратиг радостен бысть и вборзе скопив весь род свой и многоценное имение, еже дарити зятя милово (Девг.д., с.188); и по молитве исхожаше ис келиа своея, еже обходити ему вся келиа мниховы (Ж.С.Рад., с.243).

б) Василей Московьский не пріятъ Юріа, бѣ бо рядъ имѣа со отцемъ своимъ Витовтомъ еже не вступатися въ Смоленескъ и с Юріемъ не имѣти любве ... Витовтъ же ... сице рѣша: помни еже Тверди обѣщалъ ми ся, еже не вступатися в Смоленескъ (Лет.Тверск., с.471); Многажды братиа молившие ею, еже смиритися има межи собою, они же ни слышати хотяху (К-Печ.п., с. 296).

В приведенных примерах можно достаточно отчетливо проследить линию зависимости инфинитивов в $ПЕ_2$ от личных форм гла-

голов в $ПЕ_1$. Включение союза еже превращает простое предложение с зависимым инфинитивом в качестве сказуемого в бинарные конструкции подчинительного типа с инфинитивом в качестве предиката в $ПЕ_2$.

Инфинитивные придаточные с еже могли присоединяться к предшествующему контексту, в котором с инфинитивом могут быть соотнесены разного рода конструкции описательного характера: Что твориши, о человѣче, бесчинно и скаредо живый, час молитвенный пропивая, нрав поганых любя, тѣх бо есть веселие, еже упиватися, а хрестияном егда обѣдати, тогда и пити (Сл.И.Зл., с.62); и рече патриярху: "Филофие, престани от помышления твоего еже носити теоѣ на главѣ своей оѣлый клоуукъ (Пов. о новг.бел.кл., с.222); Несть како мощно нам сказати, сколькым трудом духовным и многым попечениемь начинаше начало, еже жити наедине, елика доволна времена и лета в лесе оном пустынем (Ж.С.Рад., с.242); Имеаше же обычай блаженный сице испрѣва: аки сущу глубоко нощию ... сътворив молитву в келии своея еже обходити ему вся келиа мниховы (Ж.С.Рад., с.243).

В таком употреблении формы инфинитивов в присоединяемых посредством еже ПЕ также воспринимаются как зависимые, несмотря на отсутствие в предшествующем тексте отчетливо соотнесенных с ними личных форм глаголов. При этом сохраняется общая модельная окраска конструкции, которая, по-видимому, обусловлена употреблением инфинитива. Отметим и в этом случае характерное для союза еже отсутствие при нем частицы бы.

Служебные слова на основе форм указательного местоимения и в приглагольном употреблении

В этом разделе рассматривается становление способов выражения таких отношений между содержанием $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$, которые возникают на линии реализации валентности глагола=сказуемого $ПЕ_1$. Другими словами, в отличие от конструкций с придаточными приименными (определительными) здесь внимание обращено на случаи, когда придаточное предложение замещает позицию объекта при глаголе=сказуемом главного предложения. Для этих конструкций характерно расположение придаточной части в постпозиции к главной и, соответственно, позиция служебных средств перед придаточной частью (союз) или в начале придаточного предложения (союзное слово). В таких сложных конструкциях первая часть всегда синсемантична за счет нереализованной в ее пределах валентности глагола=сказуемого.

В древнерусских текстах в приглагольных синтаксических ситуациях отмечено несколько видов употребления служебных слов, восходящих к указательному местоимению и. Как характерную черту рассматриваемых здесь приглагольных придаточных мы назвали их постпозитивное - по отношению к главному предложению - положение. Это справедливо для конструкций с отработанной структурной схемой сложноподчиненного предложения, но - наряду с такими - в изученных нами текстах можно встретить и случаи препозитивного по отношению к сказуемым употребления форм местоимения и в сложении с же: (1) при глаголах речи, в пределах одной ПЕ; (2) бинарные объединения ПЕ, в которых рассматриваемые служебные средства употреблены в начале $ПЕ_1$. Формы местоимения и с частицей же в этих случаях не функционируют в качестве служебных синтаксических средств уровня

сложноподчиненного предложения. Остановимся сначала на этих разновидностях препозитивного по отношению к управляющему глаголу употребления служебных слов на основе указательного местоимения и.

1. Яко же и бысть еже послѣди съкажем, ныне же нѣсть время (Чт.Б.Г., л.I3а); аще ли ни, будет так, еже выше рекох (Авв.Письма, с.I98); а иже обрящется в супротивных, еже выше рѣхомъ, то по своеи винѣ и казнь пріемлютъ (Письма Ив. IУ, л.I44); блжныи не мт вѣры. гл҃ть како се можетъ быти. истина є҆ же вы гл҃те нын҃ . или вы не вѣсте ѥко азъ мнии ѥсмь. не противенъ естмь братоу своє҆ му старѣишому сущю (Чт.Б.Г., л.97 в); ѡ҆ како ѡ҆ч҃е запрещенїе твоє҆ є҆же гл҃ть чърноризьць сии (Ж.Ф.Печ., л. 40 г.).

В этих примерах слово еже выступает в качестве прямого объекта при глаголах речи (в субстантивном значении: "то, что было (будет) сказано"). В современном языке в подобных случаях употребляется делиберативный объект, т.е. форма с предлогом (например: о чем скажем после). Здесь проявляется характерное для древнерусского языка явление неразличения прямого и косвенного объекта, которое относится как к формам знаменательных слов, так и к формам местоимений [Преображенская 1968, с.206]. Во всех примерах посредством слова еже реализуется валентность глаголов-сказуемых - и это происходит в рамках одной ПЕ. Частица же в составе слова еже должна бы указывать на наличие какой-либо линии текстовой смысловой связи за пределами данной ПЕ. В некоторых случаях это же объяснимо отнесенностью ПЕ с еже к конкретным словам из ПЕ предшествующего текста (истина, запрещенїе), однако такое объяснение правомерно не для всех случаев. Таким образом, слово еже может

быть одновременно и объектом при глаголе в пределах одной ПЕ, и относительным словом. Такое нечетко детерминированное в плане синтаксических функций употребление форм местоимения и в сложении с частицей же характерно для древнерусского синтаксиса. Возможно, в подобных случаях частица же функционирует как акцентный маркер начального слова очередной ПЕ текста и слово еже (т.е. местоимение ѥ) просто объект при глаголе-сказуемом в пределах одной ПЕ.

2. Рассмотрим бинарные объединения ПЕ с формой еже в начале $ПЕ_I$: От Гостяты к Васильеви. Еже ми отьць даял и роди съдаяли, а то за нимь (Н.гр., № 9); Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловехъ, ночь и день... (Поуч.Вл.Мон. с.162); и сдумаша ставити городъ каменъ Москвоу да еже оумыслиша, то и створиша (Лет. / Рогожск., с.83).

Перед нами сложные бинарные конструкции, в основе структурных схем которых соотносительные местоименные пары, каждый из членов этой пары расположен в инициальной позиции двух смежных ПЕ (еже...то...). Оба члена этой соотносительной пары - указательные местоимения, употребленные в субстантивном значении, они являются объектами при глаголах-сказуемых в каждой ПЕ. Объединение двух ПЕ в синтаксическое единство и выделение этого единства в тексте в качестве отдельного целостного элемента цепочки конструкций происходит на основе ритмического и грамматического параллелизма частей (частица же, возможно, акцентирует первый интонационный такт $ПЕ_I$). В подобном употреблении словам еже и то нельзя приписать статус служебных средств сложноподчиненного предложения; бинарная конструкция построена на соотносительности местоимений, которым изначаль-

6736

но присуще свойство анафоричности, и на грамматическом параллелизме структуры ПЕ.

Мы рассмотрели две разновидности употребления слова еже в качестве дополнения при глаголах в рамках простого предложения. Подчеркнем, что в этих случаях объект еже предшествует глаголу=сказуемому. Возможно, в структурных схемах разобранных конструкций отражены древнейшие закономерности организации предложения в индоевропейских языках, где подобные препозитивные конструкции трансформировались в "релятивные предложения, следующие за антецедентом и увязываемые с ним релятивным местоимением" [Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванов, с. 352].

Рассмотрим еще пример, характеризующийся нечеткой формальной отнесенностью препозитивной определительной конструкции: Въ то же времѧ. иже бѣ пръвыи оу кнѧзѧ въ болѧрѣхъ имѣньмь ѡ҃ан· и того сн҃ъ часто прихожаше къ пр҃пдбнымь наслажаѧ сѧ медоточьныихъ тѣхъ словесъ. иже исхожаахоу из оуст҃ъ оц҃ь тѣхъ и... (Ж.Ф.Печ., л. 33в). В этом тексте можно выделить сложную конструкцию, построенную на основе соотношения местоимений иже - того. Иже функционирует в субстантивном значении, замещая позицию подлежащего=лица при глаголе=сказуемом бѣ пръвыи (ср. современное: кто был первый, того наградили). По=видимому, структурная схема разбираемой конструкции могла сложиться в условиях синтаксической системы более древнего структурного типа и для рассматриваемого периода подобные конструкции являются уже рудиментарными (см.: [Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванов., с.355]).

Отметим, что в истории структурных схем сложноподчиненных предложений в русском синтаксисе особо важную роль сыграли соотносительные бинарные объединения ПЕ на основе коррелирую-

щих пар указательных местоимений. После утраты указательного местоимения и в синтаксической системе русского языка продолжали функционировать подобные описанным выше бинарные соотносительные конструкции, в структурных схемах которых инициальную позицию в $ПЕ_1$ заняли местоимения других корней (что, кто, который и др.), а в начале $ПЕ_2$ продолжали употребляться формы местоимения тот. Уже с другими служебными средствами получила дальнейшее развитие и сама структурная схема древней конструкции (см. ниже раздел о союзе что, а также - раздел "Модель препозитивного подчинения" в книге С.И.Коткова и З.Д.Поповой, с. 41-52).

Рассмотрим теперь более характерные случаи употребления форм указательного местоимения и в сложении с частицей же, в которых эти слова выступают в позиции не перед, а после управляющих глаголов и выполняют функции союзов сложноподчиненных предложений.

А. В конструкциях с косвенной речью: То же слышавъ Оулѣбъ прибѣже ко кнѧзю своемоу Изѧславоу и сказа емоу ꙗже его ѡступили кнѧзи черниговьскии и цѣловали на нь хр(с)тъ (Лет. Ипат., л. 126 об.); и повѣдаста ему ꙗже Гюрги идеть на нь (Лет.Ипат., л. 137 об.).

Обращает на себя внимание, что служебные слова на основе местоимения и, в отличие от союза яко, по=видимому, совсем не употреблялись в качестве формального средства, маркирующего начало прямой речи, а в качестве средства, употребляемого для присоединения косвенной речи, встречаются весьма редко [Лопатина]. В примерах, приведенных выше, $ПЕ_1$ - авторская речь, в которой опорным словом является глагол

речи и не замещена позиция объекта при данном глаголе. Эту позицию занимает $ПЕ_2$, присоединяемая посредством слов ѡже и ижe, которые выполняют здесь синтаксическую функцию союза (слова ѡже и ижe - не члены предложений).

Б. В конструкциях с придаточными дополнительными (изъяснительными): и позна соломонъ иже то есть глава адамова (Сл. одреве, с. 307); Изѧ славъ же... оузрѣ иже Половци вси побѣгли (Лет.Ипат., л.139); онъ же видѣвъ ѥже тако вьси покланѭхоуть сѧ ѥмоу (Ж.Ф.Печ., л.43 в); прѣдбьнии же Ѳеодосии разоумѣвъ ѥже неправьдьно соуще изгънание (Ж.Ф.Печ., л. 58а); и приде Стославоу вѣсть юже Изѧ славъ Мьстислалиичь. пришелъ и городъ его взѧлъ и всѧ ѭже в немъ (Лет.Ипат., л.123); Гл҃бъ же оузри юже идеть на нь Мьстиславъ (Лет.Ипат., л. 133); Мьстиславъ же то слышавъ ѡже даеть под ни(м) Перемслављь (Лет.Ипат., л. 170 об.).

Во всех этих примерах, кроме последнего, первые части конструкции ($ПЕ_1$) синсематичны за счет лексической семантики глаголов-сказуемых, валентность которых реализуется присоединением с помощью союзов вторых частей конструкций ($ПЕ_2$). В последнем примере, включение в состав $ПЕ_1$ указательного местоимения то хотя и замещает формально валентность глагола-сказуемого в пределах этой ПЕ, но не делает её автосемантичной, а, напротив, подчеркивает и эксплицирует на формальном уровне синсемантизм первой части конструкции. Вся конструкция строится на основе коррелятивного соотношения формальных служебных средств (то - ѡже). Заметим, что в конструкциях с такой структурой как бы одновременно реализуется приименной и приглагольный принципы организации и что то входит в состав

предложения ($ПЕ_1$) в качестве объекта, а еже и другие служебные слова не являются членами предложения ($ПЕ_2$).

Обратим также внимание на постпозицию придаточных предложений во всех рассмотренных здесь случаях. Этот факт, по-видимому, свидетельствует о том, что у служебных слов на основе форм указательного местоимения и союзная функция - более поздняя по сравнению с функцией члена соотносительных местоименных пар типа еже - то (при препозитивном еже), когда оба указательных местоимения являлись объектами в $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$. (Ср. соотношение то - еже, при котором объект в ПЕ только то, а еже уже функционирует как союз.)

Асемантический союз что

В истории развития состава служебных средств сложноподчиненного предложения русского языка слово что сыграло исключительно важную роль, так как именно это служебное слово утвердилось в синтаксисе русского письменного языка вместе с подчинительными конструкциями современной структуры, которые последовательно заменяли устаревающие архаичные способы синтаксической связи. Большинство исследователей согласны в том, что слово что искони принадлежало преимущественно устной форме древнерусской речи, откуда оно проникло в деловую письменность, а затем и в общерусский литературный язык. Принимая эту версию в целом, подчеркнем, что слово что употреблялось уже в древнейших текстах восточнославянской письменности книжного характера, в летописях, в религиозной литературе, в различных видах художественной речи, а также и в текстах делового содержания - документах, грамотах, уставах, уложениях, в частных письмах хозяйственного содержания. То есть можно утверждать, что функционирование слова что в текстах памятников письменности древнерусского языка не имело жанрово-стилистических ограничений. Но вместе с тем именно в деловой и бытовой сфере употребления вырабатывались такие синтаксические конструкции с использованием слова что в качестве служебного средства, которые к XVII веку приняли в литературный язык на смену принятым в древнем книжном языке архаическим формам сложноподчиненных предложений. Таким образом, мы не можем сказать, что книжная и деловая сферы употребления древнерусского языка различало отсутствие слова что в первой и наличие его во второй разновидностях древнерусского письменного языка.

Сфера и характер функционирования слова что в древнерусской письменности

Попытаемся представить картину функционирования слова что в древнерусской письменности. Рассмотрим некоторые вопросы дистрибуции и, соответственно, синтаксического статуса слова что в текотах различных жанров. В древнерусских текстах слово что-преимущественно местоимение и вопросительное слово. Для него нерелевантны грамматические категории рода, и числа, но оно изменяется по падежам. Кроме того, что выступает в корелляции с кто в противопоставлении отнесенности к лицу II не лицу: кто употребляется только по отношению к лицу, а что может выступать в обоих случаях, но преобладает употребление что в связи с неодушевленными объектами, то есть со словами, не имеющими значения лица. Приведем несколько примеров употребления что по отношению к одушевленному объекту (лицу). В произведениях книжного характера: цр҃ь рече что ты ѥси и кымь ѩзыкъмь глеши (Усп.сб., л.122а); повѣдаи ми оуная чьто ти ѥсть прилоучаи рабы ли или свободь (Усп.сб., л.136г) В Изборнике 1076 г. в наставлении служителям церкви: Тѣмь же брате боуди съмыслнъ разумѣи чьто ѥси и о чемь служиши и разоумѣвъ работаи со страхъмъ (л. 256об.) Здесь чьто употреблено по отношению к лицу, а форма местного падежа о чемь предполагает неодушевленный объект. То же в текстах делового характера: тые люди, што живутъ о Немець (Грам.Влад. 1387 г.); А што поiмани люди моi пустити вы безъ ѡкупа (Дог.гр.в.кн.Тв.Мих.Яр. 1318 г.).

Что в качестве вопросительного слова

Что могло выступать независимо от текотовых грамматических связей как знак вопросительной

модальности следующего за ним текста. Часто таким вопросом начинается прямая речь: Таче паки въ другыи дн҃ь блаженыи оц҃ь нашь Ѳеодосии призвавъ братию гла имъ: чьто чада помыслисте ли в себѣ еже достоиноу быти в вас игоумену (К.Ф.Печ., л.63а); она же рече что ти лице драхлю ѥсть (Усп.сб., л. 72в); тоже она къ немоу то чьто с҃е еже не вижю ѥго (К.Ф. Печ., л.32б). Вопросительное что здесь не включено в состав предложения.

Вопросительные слова, в том числе и что, употреблялись в косвенных вопросах: ... придоша ѥзыци незна-еми их же добрѣ никто же не вѣсть кто суть и к҃оле изидоша и что ѥзыкъ ихъ и котораго племене соуть и что вѣра ихъ а зовут ѥа татары (Лет.Новг. I҃У, л.190); И рече бо-аромъ своимъ и дружинѣ своеи видите ли что есть знамение се ... (Лет. Ипат., л.223).

Вопросительность предложения может быть создана употреблением косвенных падежей или предложных сочетаний слова что: По что губим Руськую землю сами на ся которы дѣюще? (П.вр.л. 2, л.82);
Что ради погубиста толико человек? (П.вр.л. 2, л.80); О вѣтрѣ ветрило, чему, господине, насилно вѣеши чему мычеши хиновския стрѣлки (Сл.о плку Иг.); Чему продаешь дѣти? (Сл. Дан.Заат.); Чему есте снали с мене (сорочку) (П. вр.л.); Отвѣчаите по чему вы ... старцовъ снѣтогорскихъ въ Перервѣ рѣки лишаете шестои доли (Прав.гр.Снѣт.мон. 1483 г. - пример из Словаря Срезневского); С҃ Савлиа ко Максиму. Како стоа пришли конь. цему ма ѥеси погубиль въ другы радъ?.. (Берест. гр. № 272, XIУ-XУ в.).

В подобных примерах уже содержится указание на то отно-

сительно чего задается вопрос. Однако специализация разных форм вопросительного слова что для уточнения направленности вопроса (о цели, о причине и пр.) не была еще отработана. Например, о причине чего-либо спрашивается весьма разнообразным набором форм вопроса: почто, чего для (ради), чему, по чему, через что и т.д. Вопросительное что могло также акцентироваться синтаксическими частицами. Например, А женоу ти были не изоучили чего же. Къ Лоукѣ идѣ (Берест.гр.XII в., № 156; в переводе: не убили почему?).

Слово что в качестве местоимения

Рассмотрим несколько типичных случаев употребления местоимения что в древнерусском книжном и деловом языке. В книжных текстах: гла томоу паки блаженыи иди и смотри истъ-е еда остало са или мало чьто ѡт н-его боудеть (Усп.сб., л.54а); Поляне ... брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней что вдадуче. А деревляне ... (П.вр.л.3, л.30); се же ти заповѣдаю не расказа са николи же о милостыни ни поноси никтъ-ако далъ-емоу-есть чьто еда въ мьзду мѣсто соугоубоу тщету въспримеши (Изб.1076, л.274); Зри, брат, отца наш: что взяста или чим има порты? Но токмо оже еста створила души своей (Поуч.Вл. Мон., с.164). Последний пример, трудный для понимания, в переводе на современный язык: Посмотри, брат, на отцов наших: что они взяли [в загробную жизнь] и на что им [там] одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. В первом употреблении что - и вопросительное слово, и субстантивное местоимение (объект), во втором же - чим - вопросительное слово. Оно не входит в состав членов предложения, падежная форма тв. пад. чим конкретизирует целевую направленность вопроса. В

6736

следующем примере слово чьто - местоимение в позиции объекта одновременно содержит вопрос в отношении количества: Открыте ларѣ и покажѣте ѥа чловкоу оному чьто ѥемоу хранать свѣтъ за ѥдинѣ свитоу зане помилова нагааго оньсицю (Изб.1076, л. 272).

Несколько примеров из древних текстов делового характера: Паки ли боудеть что татебно коупилъ в търгоу... а истьцю свое лице взати а что с нимь погыбло а того ѥемоу желѣти, а оному желѣти своихъ коунъ зане не зна-еть оу кого купивъ позна-ет ли надолзѣ оу кого купивъ то свое коуны възметь и семоу платити что у него погыбло (Русск.Правда по Новг.Кормчей 1282 г., л.618) аще ли кто от людей царства нашего, ли от города нашего принесеть что да въопѣтять. и опять, а еже что принеслъ будет все цѣло и да возьметь от него золотника два имечнаго (П.вр.лет 3, л.62 Договор Игоря с греками); аще ли ключится украсти русину от грекъ что или грьчину от руси ... (Там же, с.64).

Примеры из новгородских берестяных грамот: Приказъ ѡ Сидора къ Грѣгории. Что оу подоклити Оленини, выдаи сторѣкю в церкъвь. А что дви коръби Сидорови... (№ 275, XV в.); А ты продае коне, колико ти водада . А чето потераеши, а то помени . А Кизеке соци, абы не истърале кыно. Лихе есте (№ 163, середина XII в.). В большинстве этих примеров слово что употреблено в качестве субстантивированного местоимения. Это слово с конкретно-указательной или неопределенной семантикой выступает как член простого предложения в позиции прямого объекта при глаголе. В этих случаях что не функционирует как средство синтаксической связи между предикативными единицами. То же, но менее отчетливо наблюдается и при гла-

голах речи, мысли и чувства. Приведем несколько примеров употребления субстантивированного что после глаголов этой лексико-семантической группы. Обаче повѣдита ми прѣже сего елико ли слышано чьто лоукаво о нихъ она же рѣста ѥи... (Усп.сб., л.79г); и паки ѥгда с-а покоушаше сътворити млтвоу оусты оубо глаше а умъ ѥго тьмою омрачаше не вѣдыи чьто ѥсть разоум пѣнию и млтвѣ и бысть въ печали и скърби велицѣ и ... (Выг.сб., л.6об.); Он же о семь умълче, не могыи чьто отвѣщати къ симъ (И.Ф.Печ.); Братиа же ишьдъше вънъ глаахоу къ собѣ чьто оубо сии сицево глеть еда къде отшьдъ съкрыти са хощеть въ таинѣ мѣстѣ ти жити ѥдинъ намъ не вѣдоущемъ ѥго (Усп.сб., л.62в). В последнем примере что можно перевести как делиберативный объект: о чем это он говорит не собирается ли он уйти и скрыться от нас в тайном месте..? - это прямая речь в вопросительной форме. Функции вопросительного слова и субстантивированного местоимения - объекта здесь слиты. Очевидно, что в употребления после глаголов речи, мысли, чувства и под. для что функция объекта в простом предложении затенена общим значением изъяснительности. Бесспорным объектом что можно признать, пожалуй, лишь в первом примере, где при что есть определение лоукаво. Таким образом, можно думать, что именно в позиции после глаголов речи, мысли и др. были наиболее благоприятные условия для перехода местоимения что в разряд служебных средств сложноподчиненных предложений (союзов). В книжном языке в этом направлении могли оказывать влияние структурные схемы изъяснительных конструкций с союзом яко, достаточно широко распространенные в древнерусских текстах этих жанров. Отметим, однако, что характерное для яко избыточное маркирование начала прямой речи для что не отмечено.

Что в составе оборота на основе коррелирующей пары что...то

Вернемся к рубрике, в которой мы привели примеры местоимения что, функционирующего как объект в простом предложении. Среди этих примеров имеются три случая употребления что, в которых это слово выполняет функции средства синтаксической связи. Выпишем эти конструкции из более широких контекстов, приведенных выше. Два случая однотипны: 1) из Русской Правды: а что с ними погибло а того ~емоу желѣти 2) из берестяной грамоты середины XII в.: а чето потерѣли, а то помени. Выделенные из текстов, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ, эти попарные объединения ПЕ построены по четкой структурной схеме: а что + глагол + а то (того) + глагол. Эти конструкции еще не вполне оформлены как отдельные самостоятельные единицы текста. Они еще "пронизаны" начинательным а (что и то выступают в них в качестве объекта при глаголе как субстантивированные местоимения). При этом что коррелирует с то. Соотносительная пара местоимений а что - а то служит основой бинарности складывающейся сложной конструкции. Корреляция что - то скрепляет две ПЕ с одинаковой ритмической и грамматической организацией, на основе этого параллелизма в последовательном нанизывании ПЕ текста объединяются и обособляются как целое две смежные ПЕ. Вынесение что в начало $ПЕ_1$ делает эту ПЕ синсемантичной, а необходимое присоединение $ПЕ_2$ оформляет закрытость конструкции. Выступающие в позиции начала ПЕ слова что и то, по-видимому, несут на себе логическое и фразовое ударение, и это ритмически оформляет в простейшую сложную конструкцию два параллельных начальных такта. [См. Зализняк 1986, с.156]. Нам представляется, что квалифицировать подобные сложные конструкции как сложноподчи-

ненные предложения было бы неверно, так как они строятся не по способу союзной связи, а на основе ритмического и грамматического параллелизма частей.

Соотношение что - то достаточно широко используется как основа структурной схемы сложных конструкций (возможно и без начинательного а): Што вамъ было надобѣ то было ваше а нынѣ што дѣтемъ моимъ надобѣ то имъ не бороните. (Грам.Iак.Пол. ок. 1300 г. - пример Срезневского). В словаре Срезневского зафиксирован как бы переходный случай: Чимъ володилъ ѡнцифоръ ѡчном своем ... тимъ володѣтѣ Федору Макарону (Купч.Фед. Мак. XУ в.) - ѡчном своем - пояснение к субстантивированному чимъ.

Что в составе оборота касательства

В приведенных выше примерах имеется еще один, не упомянутый нами, случай употребления слова что. Это второе что в берестяной грамоте № 275 (XУ в.): А что два коръби Сидорови ... (дальше текст утрачен). Даже в этом отрывке можно узнать начало весьма распространенной в деловой письменности так называемой конструкции ввода темы. Приведем полный пример из другого источника: А что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дчери своей Фетинью (Дух.Мв.Кал. 1327 г.); А что моихъ поясовъ серебрьныхъ, а то розадять по попьямъ ... (Там же). Эти конструкции были аналогичны по функции тем, которые строились с союзами а, еще, относительным словом который, и др. и употреблялись как вводящие очередной пункт договора, завещания, устава, судебника, хозяйственного распоряжения и под. С помощью подобных конструкций организуется рубрикация текста, маркируется начало очередного пункта документа, письма и т.п. По своей структурной схеме конструкции такого назначения очень близки той, которую мы отметили выше в берестяной

грамоте XII в. (№ 163). Однако что здесь уже не объект, а знак отношения, позицию объекта занимают полнозначные слова (золото, поясов в примерах из духовной Ивана Калиты).

Подобные конструкции получили название конструкций касательства. Сама же конструкция употреблялась в аналогичных смысловых ситуациях и за рамками деловой речи. Например: і поставиша новгородцы полкъ за ржствомъ хвомъ в конци а что пѣша а ти сташа ѡ ѳльи противу городища (Лет.Новг. IУ, л.265); А что были бояре его около его, тѣхъ всѣхъ поимали и розно разведоша, и биша вси въ нятьи и дръжаша ихъ въ истомѣ (Лет.Рогожск. XУ в., с.87); а что тутo которые не побиты і тѣх ѡнѣ в полон взяли и взято в ту пору. в полон до трех тысеч чловъкъ цисаревых людеи (Вести-Куранты 1642, с.12). От конструкций типа а что... а то... их отличает отсутствие параллелизма соотносительных элементов, ср.: а что бояре... а тѣхъ... Однако, возможно, эти примеры указывают на проникновение в общелитературный язык оборотов, характерных для деловой речи.

Рассмотренные примеры употребления слова что в конструкциях касательства характеризуются препозицией $ПЕ_1$, содержащей это слово, и оно выступает в начальном такте или первым словом, или после начинательного союза. Эта позиция что определяется специализацией конструкций касательства для обозначения темы высказывания ($ПЕ_1$ синсемантична: тема требует выражения ремы). Что в подобных конструкциях не коррелирует с каким-либо соотносительным с ним словом из состава $ПЕ_2$. Однако в конструкции имеются коррели-

рующие элементы. Например, в Рогожской летописи: боляре - тѣхъ воехъ. Таким образом, что в подобных конструкциях выступает в начале $ПЕ_1$ и не имеет коррелирующих с ним служебных элементов в составе $ПЕ_2$.

Что в качестве относительного слова и одноместного союза

Слово что без коррелирующих с ним формальных элементов могло также занимать в сложных конструкциях позицию начала $ПЕ_2$: то мене богъ казнилъ за мое высокоумие, что наступил есми на Русь на крестномъ целование (Лет.Моск., л.239об.); А на Мякку поити ино стати в вѣру бесерменьскую, зань же христіане не ходятъ на Мякку вѣры дѣля, что ставят в вѣру (Хож. Аф.Ник., л.386об.); ... а ему за вину, что он крест поцелуетъ не на правде, учинить жестокое наказаніе (Улож. 1649, с. 84). В этих случаях что присоединяет пояснения с причинным оттенком значения. Подобные конструкции могут быть и с другой семантикой; приведем несколько иллюстраций из книги А.А. Потебни: Взяти куплю его что онъ купилъ у *N* село ; ... да с своего мнѣ промыслу, чѣмъ яз стану промышляти, и мнѣ давати въ монастырь томъга; И будетъ *N* учнеть просити на подъемъ чѣмъ ему подняться, и Юрью на подъемъ ему дати что будетъ пригожъ [Потебня 1968, с. 310]. В этих примерах к слову, обозначающему причину или цель в $ПЕ_1$ с помощью что факультативно присоединяются дублирующие информацию $ПЕ_1$ пояснения в форме придаточных предложений. Подобные же конструкции отмечены также и при выражении других семантико-синтаксических отношений, например, в сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными: еще даите ми запрос царевъ, чего царь запрошалъ у мене (Лет.Моск., л.227об.). $ПЕ_1$ представлена здесь простым предложением с замещенной позицией объекта (запрос). $ПЕ_2$ посредством что отнесена к этому объекту, при этом она полностью

или перифрастически дублирует информацию, уже выраженную объектом в $ПЕ_I$. Образуется бинарная сложная синтаксическая конструкция, первая часть которой автосемантична, вторая же присоединяется факультативно, и в составе ее нет коррелирующих с что (или его формами) показателей. В научной литературе эти сложные конструкции с что (а также - с другими служебными словами) рассматриваются как архаизмы, характерные для древнейших стадий развития синтаксического строя (см.: [Потебня 1968. с. 307-308] [Коротаева, с. 205] [Керкмене, с. 69] [Харпалева, с. I59]). Область использования этой разновидности синтаксической связи в истории синтаксиса русского языка постепенно сужалась, в частности, утратились сложноподчиненные предложения причины и пояснения, построенные по принципу относительного подчинения со служебным словом что [Преображенская I979, с. 342] .

Отметим, что в присловных конструкциях с придаточными дополнительными присоединение $ПЕ_2$ с что носит факультативный характер: $ПЕ_I$ не обладает свойством синсемантизма (валентность глагола = сказуемого замещена объектом в пределах $ПЕ_I$). С переносом всей новой информации в придаточную часть в составе $ПЕ_I$ оказывается глагол-сказуемое с незамещенной валентностью, и вследствие этого вся первая часть конструкции приобретает смысловую незавершенность и "требует" присоединения второй части. Вторая придаточная часть, присоединяемая что, включает это что в состав членов предложения - в позиции объекта ; так что это служебное слово продолжает функционировать в качестве союзного слова, сохраняя способность изменяться по падежам, то есть зависеть от управления глагола-сказуемого в $ПЕ_2$.

В качестве одноместного асемантического союза служебное

слово что (без коррелирующих с ним элементов в главном предложении) в древнерусских текстах встречается очень редко. Приведем несколько таких случаев.

А князь Святославъ иде изъ Новагорода на Луки, а рькучи: "Не хощу у васъ быти;" и прогнаша его с Лукъ. И убиша посадника Захарiю и Нѣжду биричя, что перевѣтъ держалѣ (Лет.Новг. IУ, л.9,1154 г.); слова: что перевѣтъ держалѣ-приписаны на полях текста. А докончають межи себе князь Кестутеи велики и велики князь Олгирд што братии всеи послушну быти князя великого Олгирда ... а то себѣ докончають - что придобудут град ли или волости, да то делити наполы ... (Лет.Супр., л. 89); и виде брат его, что у лошади его хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь у него отпрося, испортил ... (Суд Шемяки). В этих примерах что в качестве союза присоединяет позитивные придаточные причины, дополнительное и изъяснительное. Формально выражение этих различных семантико-синтаксических отношений никак не разграничено. Смысл отношений между содержанием главного и придаточного можно выяснить, лишь опираясь на контексты. Заметим, однако, что в примере из Супрольской летописи $ПЕ_1$ обладает свойством синсемантизма за счет семантики глагола докончають (=договариваются), но возможно посредством что остается невыраженным модальный оттенок изъяснительности (т.е. теперь надо чтобы).

В Исторической грамматике-79 приводятся единичные случаи употребления слова что (без коррелятов и без частицы бы) в качестве союза при выражении в сложноподчиненных предложениях модально-изъяснительных и целевых семантико-синтаксических отношений. В этих случаях в придаточной части обычно сказуемое в форме инфинитива (ИГ.-79, с. 126, 224): Но ми се-

6736

го собою не дръзнем сътворити, что отпустити нам с тобою детеи великого князя безъ крѣпости (Лет.Моск., л.372); И приде на Устюг грамота от великого князя Александра Ярославича, что татар бити (Лет.Устюжск., л.II9об.); и наши посадники такоже целоваше крестъ на вечи пред юрьевским послом, что та остатняя 9 лѣтъ издержати со обою сторон крѣпко (Лет.Пск. I, л.638об.); Не думалѣ есме на брата своего на Луку, что его убити (Лет.Новг. I по Арх.оп. - пример из словаря Срезневского).

Следует подчеркнуть сугубую единичность примеров такого функционирования что в древнерусских текстах. По-видимому, такое употребление слова что можно объяснить проникновением его в архаичные конструкции с инфинитивом в придаточных, структурная схема которых сложилась с союзами яко и еже (см. выше). Отметим, что частица бы, которая весьма редко встречается в сложениях с яко и еже при выражении изъяснительных и целевых семантико-синтаксических отношений, в сложении с что образует регулярно функционирующий союз чтобы.

x
x x

В разделе, посвященном служебному слову что, были рассмотрены следующие основные типы его употребления в древнерусских текстах:

1) что в качестве вопросительного слова;
2) что в качестве субстантивированного местоимения. В этом случае это слово выступает в одной из своих падежных форм, преимущественно в позиции объекта в простом предложении;
3) что в составе синтаксического оборота на основе кор-

релирующей пары что - то. Здесь что в качестве объекта при глаголе в $ПЕ_1$ соотносится с выступающим в аналогичной позиции то в $ПЕ_2$. В основе конструкции грамматический и акцентно-ритмический параллелизм ее частей;

4) что в составе оборота касательства. Здесь конструкция с что выполняет текстовую функцию обозначения темы высказывания;

5) что в качестве относительного слова в присловном придаточном предложении;

6) что в качестве одноместного союза сложноподчиненного предложения, т.е. в качестве собственно асемантического союза, употреблявшегося без уточняющих и коррелирующих с ним элементов при выражении ряда семантико-синтаксических отношений между содержанием частей сложных предложений.

Сопоставление этих типов употребления служебного слова что позволяет выделить противопоставление двух их групп по признаку позиции ПЕ, включающей что: а) для типов 3 (в составе параллельного оборота) и 4 (в составе оборота касательства) характерна инициальная позиция ПЕ с что (возможно, это связано с интонационным и смысловым членением текста); б) для типов 5 (в присловном придаточном) и 6 (собственно асемантический союз) характерна постпозиция ПЕ со служебным словом что. Отметим, что в последних двух типах (пункт б) что выступает в качестве формального средства связи сложноподчиненных предложений в конструкциях с автосемантичной $ПЕ_1$ и с факультативным присоединением $ПЕ_2$, то есть в функции союзного слова (тип 5) и асемантического союза (тип 6).

Употребление что в древнерусских текстах в большинстве

случаев связано с признаком зависимости - либо семантической, либо грамматической, то есть для что обычно выявляются соотносительные с ним компоненты в структуре конструкции. При этом что либо обозначает зависимый элемент (объект при глаголе в простом предложении), либо маркирует его (придаточное в сложноподчиненном предложении). Это свойство - быть элементом соотносительной пары - прослеживается для что как в исконном его употреблении в качестве вопросительного слова (вопрос - ответ), так и в употреблении его в качестве знака, маркирующего зависимую часть сложноподчиненных предложений с двухместными союзами (коррелят - союз), которые получили широкое распространение в XУ - XУП вв., сначала в деловом, а затем и в общерусском литературном языке.

Сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединенными союзом что, как правило, имеют синсемантичную первую часть конструкции, то есть в составе главного предложения имеются элементы, находящиеся в смысловом и формальном соотношении с что. В этом отношении типы 5 и 6 употребления что представляют исключение, так как $ПЕ_2$, присоединяемая посредством что, в этих случаях выступает после автосемантичной $ПЕ_1$. В истории синтаксической системы, как известно, употребление что в качестве одноместного асемантического союза было заменено двухместными союзными сочетаниями что с коррелятами (предложно-местоименными и наречными), а круг сложноподчиненных конструкций с присловными придаточными, присоединяемыми союзным словом что, ограничился лишь конструкциями с относительным подчинением.

Сравнивая характер употребления что и других слов, выступавших в функции асемантических союзов (яко, еже...) можно от-

метить следующее. Союзы еже и что объединяет первоначальное использование их в качестве союзных слов в конструкциях с относительным подчинением. Однако грамматическая форма что (т.е. падеж) определяется структурной схемой зависимой ПЕ, включающей это слово в свой состав. Другие словоизменительные категории (числа и рода), которые в принципе должны согласовываться на текстовом уровне для служебных слов типа еже, для слова что искони не релевантны. Наблюдения за процессами утраты различий по категориям рода и числа у служебных слов, восходящих к формам указательного местоимения и, позволяет сделать вывод о продуктивности и предпочтительности образования таких служебных средств уровня сложноподчиненного предложения, которые лишены словоизменительных форм, релевантных на текстовом уровне. Имея искони это преимущество, что было лучше, чем еже, подготовлено к тому, чтобы стать основным формальным компонентом продуктивного типа служебных слов - двухместных союзов.

Слово яко употреблялось в древнерусских книжных текстах в качестве универсального показателя зависимости ПЕ. Его употребительность была несравненно выше, чем у что. Однако яко не использовалось в конструкциях с относительным подчинением и было вообще лишено форм словоизменения. Несмотря на это в истории русского языка союз яко полностью устранен

русским языком. Конечно, решающую роль должна была сыграть яркая церковно-книжная окраска слова яко, но, по-видимому, речь должна идти не столько о самом слове яко, сколько о прикрепленности его к структуре тех сложноподчиненных предложений, с которыми изначально установилось употребление этого союза. Не внося в текст какой-либо собствен-

ной семантику, яко присоединяет уже сложившиеся на ранних стадиях развития синтаксиса обороты, имеющие, помимо свободного лексического, несвободные значения, присущие отдельным морфологическим категориям и архаическим оборотам. В конструкциях с яко как правило нет коррелирующих с ним элементов в главном предложении, то есть присоединение придаточной части строится по принципу инкстапозиции к автосемантичной предшествующей ПЕ текста (исключение представляют лишь конструкции сравнения, исконно строящиеся на основе соотносительной пары яко - тако и тако - яко). В сложноподчиненных предложениях с яко тип семантико-синтаксических отношений определяется на основе реального содержания частей или по контекстной смысловой ситуации и часто связан с морфологическим уровнем (архаические обороты, значение отдельных категорий и др.). Таким образом, структура сложных синтаксических конструкций с союзом яко тяготела к наиболее архаичным способам внутренней организации, а конструкции с что, напротив, будучи свободными от традиции употребления в архаических конструкциях, легко вступали в различные новые коррелятивные связи с соотносительными элементами главного предложения. И, оставаясь асемантическим показателем связи, союз что начинает все шире использоваться как универсальное конструктивное звено сложноподчиненных предложений с различными типами семантико-синтаксических связей, конкретный тип которых дифференцировался разнообразными - коррелирующими с что - элементами главного предложения.

Таким образом, рассмотрение различных типов употребления слова что в древнерусских текстах выявляет те потенции этого служебного слова в древнерусской письменности, на базе которых могла сформироваться линия развития, сделавшая что уни-

версальным маркером формальной синтаксической зависимости ПЕ в сложноподчиненном предложении.

Наблюдения позволяют предполагать распространенность и стилистическую нейтральность слова что во всех жанровых разновидностях древнерусского письменного языка старшей поры, однако в качестве служебного слова уровня сложноподчиненного предложения употребительность что, безусловно, значительно уступала употребительности других асемантических союзов, и в первую очередь - союзу яко. В книжных текстах, преобладающих количественно над деловыми и бытовыми, господствовали сложившиеся в долгом употреблении традиционные для письменной формы языка способы синтаксического оформления мысли. В большинство структурных схем этих конструкций что в качестве служебного слова не включалось. На этом этапе можно отметить типы 4, 5 и 6 употребления союза что (в обороте касательства, в присловных придаточных и в качестве асемантического союза). Во всех этих типах что в придаточной части не имеет соотносительных элементов в главной части конструкции.

Корреляты

Вопрос о функционировании в русском письменном языке XI–XVII вв. соотносительных коррелятивных элементов связан, с одной стороны, с изменением ведущих принципов организации текстов (переход от юнкстапозиции к бинарному объединению ПЕ), и с другой стороны – с развитием способов эксплицитного выражения семантико-синтаксических отношений специализированными формальными средствами языка.

Следует отметить, что оценка функции коррелята в структуре сложноподчиненного предложения различна у различных исследователей. Одни считают наличие коррелята показателем слабости синтаксической связи внутри сложноподчиненного предложения; другие же видят в корреляте показатель завершенности формальной структуры сложной синтаксической конструкции. Мы придерживаемся второй точки зрения. Подробнее об этом см. [Шелихова, с. 396].

Соотносительная коррелятивная связь формальных элементов главного и придаточного предложений всегда является основой четкой бинарной структуры сложного, точнее-сложноподчиненного предложения. Большинство разновидностей коррелятов одновременно функционируют и как средство уточнения и акцентирования семантики синтаксических отношений между содержанием ПЕ, составляющих ССК. Включение коррелята в состав главного предложения изменяет синтаксические параметры всей сложной конструкции (В отличие от этого присоединение к союзу синтаксической частицы, акцентирующей семантику только союза, не оказывает влияния на структурную схему всей сложной конструкции). В текстах

старшей поры употребление коррелятов факультативно, т.е. они не входят в структурные схемы ССК как обязательный элемент структуры. В течение изучаемого периода в русском сложноподчиненном предложении отрабатываются модели конструкций с обязательным коррелятивным элементом в составе главного предложения (в позиции $ПЕ_1$). Это сложноподчиненные предложения с союзными сочетаниями типа потому что, в которых семантическая сторона выражена только коррелятом, а также подлежащные и сказуемные сложноподчиненные предложения [Шелихова, с. 398, с. 419].

Всегда без коррелятов строятся предложения с семантико-синтаксическими отношениями следствия и пояснительными.

Состав коррелятов, функционирующих в текстах XI–XVII вв.

Набор коррелятов, употребляющихся в древнерусских текстах, в своем основном составе сохранился в современном русском языке. Соотносительную "службу" несли указательные местоимения то (ть); се (сь) и нек. др.; наречия тогда, туда, тут, там, так и под., относительно-указательные местоимения такой, таков, таковой и, кроме того, в качестве коррелятов могли выступать некоторые служебные слова: ино, но, а, и, да и др.[1]

В сложноподчиненных предложениях корреляты находятся в главном предложении, независимо от его положения по отношению к придаточному (пре- или постпозиция).

Таблица : Основной состав коррелятов, отмеченный в памятниках письменности XI-XVII вв.

Корреляты	Придаточные предложения										
	определительные	дополнительные	условные	уступительные	времени	места	причины	цели	сравнения	подлежащные	сказуемостные
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Имеющие формы словоизменения:											
1. Парадигма указательных местоимений то, се	x	x									x
2. Формы словоизменения слов такой, таковой									x	x	x
II. Не имеющие форм словоизменения:											
I. Отдельные формы местоимений: то, се											
то			x	x	x						
тем							x		x		
о том (о сем)		x			x						
того (сего) деля							x	x			
того (сего) ради							x				
сего, того, тому							x				
по тому							x		x		

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2
2. Наречия:											
тогда			x		x						
так, тако			x						x		
ту, тут, туто					x	x					
до туда						x	x				
туда, тамо						x					
толи, дотоле						x					
(до седе)											
до тех мест					x	x					
3. Омонимы союзов:											
а			x								
и			x								
да			x								
но				x							
ино			x		x						

Основной набор коррелятов, употреблявшихся в текстах памятников письменности XI-XУП вв., представлен в их распределении по конкретным типам сложноподчиненных предложений на таблице.

В таблице получили отражение самые общие различия в характере функционирования коррелятов в сложноподчиненных предложениях. Эти различия касаются: 1) наличия - отсутствия у коррелятов форм словоизменения, 2) распределения коррелятов по разным типам сложноподчиненных предложений.

1) Первое различие связано с грамматическим статусом коррелятов в составе главного предложения. Коррелять, обладающие словоизменительной способностью, являются одновременно синтаксическими членами главных предложений. Их конкретная форма определяется в каждом употреблении лексикой и грамматическим

контекстом предложений, в состав которых они входят и где занимают позицию одного из членов предложения. Как следует из таблицы, в определительных, дополнительных, подлежащных и сказуемных сложноподчиненных предложениях употребляются только те коррелаты, которые имеют формы словоизменения. Изменяются эти коррелаты по категориям рода, числа и падежа. Во всей совокупности этих предложений полностью реализуется словоизменительная парадигма местоимений, функционирующих как коррелаты. Причем парадигма склонения реализуется в следующем распределении: все падежи возможны для коррелатов в определительных предложениях, только косвенные падежи-в дополнительных и только именительный падеж - в подлежащных и сказуемных сложноподчиненных предложениях. Такое распределение связано со структурно-семантическими особенностями названных типов предложений. В структуре этих предложений представлен особый тип синтаксической связи - относительное подчинение, при котором придаточное отнесено к одному из членов главного предложения (связь расчлененного типа, или присловная). Коррелаты могут корреспондировать как с неизменяемым союзом, так и с союзными словами (последние также способны к словоизменению).

Коррелаты, не имеющие форм словоизменения,, представляют три разновидности: I) отдельные застывшие формы указательных местоимений (с предлогами и без них), 2) наречия, 3) коррелаты - служебные слова, функционирующие также как сочинительные союзы или частицы.

В пределах главных предложений все эти коррелаты являются неизменяемыми элементами; наречия при этом могут занимать позицию обстоятельства. Конкретная форма коррелата здесь не связана с составом слов предложения, а определяется в зависи-

мости от того, частью какого корреспондирующего сочетания "коррелят - союз" является употребляемый соотносительный элемент. Некоторые стабильные пары отстоялись в употреблении в глубокой древности, в древнерусских текстах они функционируют как уже вполне сложившиеся: когда - тогда, чем - тем, аще - то и др. Однако многие корреспондирующие пары характеризует та или иная степень нестабильности. Например, в текстах XУ-XУII вв. коррелятами в причинных сложных предложениях могли быть сочетания местоимений то и се почти со всеми предлогами, которые употреблялись в рамках простого предложения при обозначении обстоятельства причины (за, про, ради, для, в, о, по и др.). Такие разнообразные предложно-местоименные сочетания в принципе могли корреспондировать с любыми союзами, возможными в причинных конструкциях (кроме союза ибо). К XУII в. наиболее употребительным становится коррелят по тому, и отрабатываются как устойчивые сочетания потому - что, потому - как (см. об этом ниже).

2) В распределении коррелятов по разным типам сложноподчиненных предложений (см. таблицу) отражены некоторые основные моменты организации и тенденции исторического развития системы сложноподчиненных предложений в русском письменном языке XI-XУII вв.

Известно, что отношения временной связи осознавались и обозначались на базе сложившихся ранее представлений и обозначений локального характера. Распределение коррелятов для предложений места и времени отражает эту историческую связь. Сравнительно поздняя дифференциация причинных и целевых семантико-синтаксических отношений появилась в длительном употреблении общих коррелятов (того для, сего ради).

Коррелят тогда, употребляющийся в предложениях условия и времени, подчеркивает в условных конструкциях существенную для них последовательность событий во времени. Наконец, невозможность употребления коррелятов в сложноподчиненных предложениях следствия и пояснительных согласуется с особенностями их структуры: для этих предложений характерна только постпозиция придаточной части и факультативность ее присоединения к главной, т.е. невозможность построить соответствующие им синсемантичные первые части конструкции, что всегда сопровождает включение коррелятов.

Функции коррелятов и соположение частей сложноподчиненных предложений

Синтаксические функции коррелятов существенно зависят от соположения частей сложноподчиненного предложения. Вследствие этого целесообразно рассмотреть отдельно функции коррелятов в предложениях с препозитивной (А) и с постпозитивной (Б) главными частями.

А. Корреляты в главной части, находящейся в препозиции (связь от коррелята к союзу)

В древнерусских текстах XI-XVII вв. препозиция главной части сложноподчиненных предложений, а при наличии коррелятов - линия связи от коррелята к союзу как отличительный структурный признак характеризует причинные, дополнительные, целевые, сказуемные и некоторые виды определительных сложноподчиненных предложений. Такое соположение частей возможно также и для предложений места, времени и сравнительных.

Приведем примеры употребления коррелятов в предложениях указанных типов: *1*) Бахоу же о немъ нарецаемии бесмрѣтни IO тысящь. сего дѣла нарицахуся бесмрѣтни, яко число их баше

всегда пл҃но въ оубиенных мѣсто (Александрия, с.123); 2) Давыд же тѣмъ не да ему полку, зане же ждаше брата Романа въ Смолняны (Лет. Моск., л.89 об.); 3) Тому есмь рад оже вины моея нету (Лет. Новг. I, л.91а); 4) А тогды же есмь угодал грядущее мнение твое на мя, когда еще сестру мою насилием от мене взял еси за того то брата твоего (Посл. Курбского, л.145); 5) и ста тоу идеже нарѣцаѣть Инжиръ бродъ (Лет. Новг. л. 220); 6) а наглухо тѣхъ ездовъ через такіе рѣки городити не велѣть для того, чтобы судового ходу не переняти (Улож. 1649 г., с.24); 7) и пришедъ тотъ человѣкъ, которой въ томъ селѣ живетъ ... (Пут. моск. купцов, с.146); 8) И чинъ у нихъ таков же, что и у Кормового двора людей (Котош., л.116 об.); 9) Мы так и веруем, как церковные книги учат (Аввакум, Письма, с.282).

По отношению к союзу корреляты могли занимать как дистантное, так и контактное положение. Во всех приведенных примерах, независимо от того, к какому структурно-семантическому типу относится предложение, включение коррелята в препозитивное главное предложение подчеркивает и эксплицитно выражает семантическую неполноту (синсемантизм) первой части конструкции. Одновременно разные корреляты предопределяют разный характер необходимого продолжения, т.е. конкретизируют характер придаточной части, и, таким образом, включение коррелятов служит уточнению типа семантико-синтаксических отношений между частями сложных конструкций.

Казалось бы, корреляты как средства, уточняющие синтаксическое значение связи частей сложного предложения, должны были бы чаще встречаться в древнейших текстах в соотношении с широко распространенными в них многозначными союзами. Однако,

как уже указывалось, для текстов старшей поры употребление соотносительных слов нехарактерно вообще и примеры уточнения семантико-синтаксических отношений с помощью коррелятов встречаются в них крайне редко (I), (3). Это связано с тем, что в древнейших текстах смысл связи предикативных единиц часто еще не отвлечен от их конкретного содержания.

Среди приведенных есть такие примеры, в которых использованы устоявшиеся, обладающие четким значением коррелирующие пары, например: тогда - когда (4), ту - идеже (5), так - как (9), и есть такие, в которых коррелят не является специализированным средством, уточняющим один определенный тип семантико-синтаксических отношений. Так, коррелять сего дѣла (I), для того (7) могут встретиться при обозначении отношений как причины, так и цели. Дифференциация этих семантико-синтаксических отношений в предложениях с подобными коррелятами зависит от конкретного содержания текста и от того, какой употреблен союз. Приведем пример, в котором совмещено значение причины и цели для коррелята для того: и бить его на правѣже безо всякіе пощады не для того, что на немъ тѣ достальные деньги взяты; для того, чтоб на то смотря, иным не повадно было так воровать (Улож. 1649 г., с.45).

Общие коррелять в предложениях причины и цели употреблялись в русском языке вплоть до XVII в. С появлением специализированного союза причины потому что коррелять подобные рассмотренным - того (сего)для, того (сего) ради, а также для того (сего), ради того (сего), - закрепились за целевыми сложноподчиненными предложениями.

Коррелять, обладающие формами словоизменения (3), (7), (8), могли употребляться, как и в современном русском языке,

в предложениях с препозитивной главной частью, при этом коррелят и союз могли быть расположены как дистантно, так и контактно, однако в определительных конструкциях позиция коррелята закреплена в положении перед определяемым словом (7). Неизменяемая форма тв. п. местоимения тот - тѣмъ используется в функции коррелята в примере (2), причем подобные случаи сочетания союза зане (же) с коррелятами встречаются весьма редко.

Анализ функций коррелятов, находящихся в препозитивной главной части сложноподчиненного предложения, показывает, что в этом положении корреляты как факультативные средства связи не вносят в предложение нового содержания, они лишь актуализируют, заостряют и подчеркивают уже заложенные в тексте значения связи частей. При этом особая синтаксически важная роль коррелятов в том, что, находясь в начале сложной конструкции, они, подчеркивая синсемантизм первой части, предопределяют бинарность и закрытый характер всего сложноподчиненного предложения.

Б. Корреляты в главной части, находящейся в постпозиции (связь от союза к коррелату)

В текстах памятников русской письменности XI-XVII вв. постпозиция главной части сложноподчиненных предложений, а следовательно, при наличии коррелята и линия связи от союза к коррелату как структурный типовой признак характерны для условных, уступительных и подлежащных предложений. В постпозиции главное предложение может быть также у временных, местных, сравнительных, в редких случаях у причинных, а также - у некоторых определительных предложений с архаическими элементами структуры. Союз в начале всей конструкции сразу определяет основ-

6736

ные параметры предложения: и синсемантичность первой части, и характер семантико-синтаксических отношений между частями сложного целого, и бинарность конструкции, и ее закрытый характер. Корреляты же в постпозитивной главной части лишь как бы подхватывают все грамматические и семантические линии, начатые союзом, указывая одновременно на место стыковки первой и второй части. Таким образом, коррелят становится знаком членения текста и - одновременно - он является средством присоединения второй части сложноподчиненного предложения к первой (союзной).

Наиболее отчетливо чисто структурная синтаксическая функция коррелятов при постпозиции главного предложения присуща коррелятам то и но, употребляющимся в сложноподчиненных предложениях с придаточными условия, времени и уступительными. Эти корреляты освобождены от конкретного лексического значения.

Приведем примеры условных сложноподчиненных предложений с коррелятом то: ... Свѣщавше же боларе рекше аще бы лихъ законъ гречьскии то не бы баба твоꙗ прииала ѡльга ꙗже бѣ мдрѣиши всѣх чл҃вкъ (Лет. Лавр., л.74); Аще бысте мя не затворили, то аз пришед снял бых его с дерева и не бы сеи умерл (Киево-Печерский патерик, с.314); аже не боудѣтъ поруки то оу жельза оусадить (Дог. грамота смоленского князя Мстислава Даниловича, 1229 г.); блговѣрныи кн҃ь Ѳедоръ Юрьвич резанской и посмѣꙗся и рече цр҃ю не полезно бо есть нам хрстіꙗномъ тобѣ нечстивомоу цр҃ю водити жены своя на блоуд. аще нас приѡдолѣеши то и женами н҃шими владѣти начнеши (Пов. о раз. Ряз.); а оуде правила не станет править, о нем же он сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет (Аввакум, Житие, с.91).

Как показывают примеры, коррелят то не входит в состав главного предложения в качестве его синтаксического члена и не вносит дополнительных оттенков значения в условные конструкции. Такое же положение коррелята то в предложениях с условно-временной связью между частями, где возможны сочетания то с некоторыми союзами: егда повелиши то вспоютъ (Лет. Лавр., л.79 об.); да егда что ти будет надобѣ то се ти буди и кабала моя с печатью (Лет. Моск., л.270 об.); а нынѣ егда хощеши сътворити се богоугодьное дѣло то оставлъеши ны (Син. пат., л.20); егда же ли паки кого слышааше бесѣдоуща дъва ли или трие съшедъше сѧ въкоупѣ то же тоу оударивъ своею роукою въ двери ти тако отхожааше (Ж. Феод. Печ., Усп. сб., л.38 г); Бѣ бо обычаи его таковъ: когда ни поидяше на войну, то не вѣдяше того нихто, камо идяше (Лет. Моск., л.248 об.).

Коррелят то, будучи включен в постпозитивное главное предложение и являясь при этом факультативным элементом структуры, используется как дополнительная скрепа-уточнитель структурной схемы сложного предложения. Этот коррелят не может быть использован в препозитивной главной части сложноподчиненного предложения, как, например, корреляты тогда, туда, того ради и др. под. Условные предложения вследствие этого, если они построены с постпозицией придаточной части, теряют свойство семантической неполноты первой части конструкции и присоединение придаточного с союзом становится факультативным, как при пояснительной связи. Таким образом, для коррелята то возможна только однонаправленная линия связи с союзом "союз - коррелят".

Коррелят то - наиболее употребительный в условных и временных предложениях. Уже в древнейших памятниках письменности

он выступает в сочетании с союзами аще и егда (же). Как строевой элемент синтаксической конструкции коррелят то уже не связан с парадигмой указательных местоимений, это слово в качестве коррелята никогда не заменяется формой других указательных местоимений (например, се), в то время как другие коррелять строятся на основе разных указательных местоимений: того ради, потому, сего ради, посему и т.п. История употребления то в качестве коррелята в сложноподчиненных предложениях связана с процессом постепенного превращения его в универсальный коррелят в первую очередь условных конструкций, т.е. в коррелят, способный сочетаться с любыми союзами этого типа предложений.

В ранних текстах то зафиксировано в сочетаниях аще - то, егда - то, которые были характерны для текстов высоких книжных жанров. При этом стилистическую окраску несли, по-видимому, союзы, а то, выступая с этими союзами в факультативных сочетаниях, было само по себе нейтрально. Коррелят то сначала не получал распространения в сочетаниях с другими союзами и редко отмечается за пределами текстов высокого стиля.

В текстах XV-XVI вв., когда удельный вес сложноподчиненных предложений с коррелятами заметно возрастает, коррелят то зафиксирован в сочетаниях с союзами буде, аже, а также - в бессоюзных конструкциях. Однако с союзом если, который стал распространяться примерно с XVI в., коррелят то образовал сочетание если - то сравнительно поздно. Самые ранние употребления союза если обычно без коррелятов. Но уже в начале XVII в. сочетания ежели - то и если - то широко используются, например, в научных текстах: ... ежели земля подымется, то не выше его высоты, а когда упадет, паки нужно то же место

наполнить ... еже ли ж бы он землю, поядая, изнурил ... то б над ним бугра не было (Татищев, с.44); И естьли судия, особливо холеричной или меланхоличной природы, гладом себя изнурит, то коего от него правосудия или благоразсуднаго в деле разсмотрения тогда уповать можно (Там же, с.65).

В текстах XVII в. коррелят то функционирует уже как основной коррелят в условных сложноподчиненных предложениях. Его общая употребительность возрастает, и сочетаемость с разными союзами условия не знает ограничений. Такому функционированию коррелята то должен был способствовать его четко отработанный грамматический статус служебного слова - показателя синтаксической коррелятивной связи в сложных предложениях таких типов, в которых семантико-синтаксические отношения между частями содержат элемент обусловленности, или, точнее, обусловленности на основе выбора того определенного варианта, из которого должно быть необходимое следствие. Значение выбора и выделения объекта мотивирует, видимо, употребление коррелята то в предложениях касательства, которые получают широкое распространение в литературном русском языке к началу XVIII в.: Что же в них положенных гисторей касается, то я другим благоразсудным гисторикам и богословам на разсуждение оставляю ... (Татищев, с.109).

В роли коррелятов, как следует из таблицы, могли употребляться служебные слова но, а, и, да, которые использовались также и в других синтаксических функциях, в первую очередь как сочинительные союзы.

Слово но используется в качестве специализированного коррелята в уступительных сложноподчиненных предложениях, подчеркивая противительный характер связи частей. Примеры такого ис-

пользования но отмечены в древнейших текстах: Аще и вѣща душа в дрѣзѣ тѣлѣ нъ часто бѣды страдаше (Сл. о плк. Иг.); И рекъ, брата моѥа, аще еста и тѣломъ ѿшла ѿсюда, но млтвою помозѣта ми на противнаго сего ѕбицю и гордаго (Лет. Лавр., л. 49).

В приведенных примерах коррелят но зафиксирован в сочетании аще и - но (во втором примере и в качестве усилительной частицы перед тѣломъ). Условный союз аще мог использоваться в уступительных конструкциях без коррелята, в этом случае уступительное значение союза могло создаться путем присоединения к нему и в качестве уточняющей частицы: аще и все тѣло мое наго ѡставите наг бо изидохъ и из щрева мтри моеѥа (Лет. Ипат., л.129); Вы же, изменники, аще и вопіете бесъ правды, ничто же убо пріимете, понеже сластеи ради просите (Письма Ив. IУ, л. 174 об.).

Отмечены также случаи употребления сочетания аще - но (без и после аще): аще ѿ огнѧ оустережешисѧ но ѿ искоръ не можеши оустеречисѧ (Сл. Дан. Зат., л.281 об.).

Однако наиболее полно, по-видимому, уступительная семантика отношений между частями конструкций в древнерусских текстах выражалась при использовании сочетания аще и - но. Это сочетание и было самым употребительным в уступительных предложениях: Аще и гроубъ есмь оумомъ, но молитвою святыя богородица и поспѣшениемъ святого князя Александра начатокъ положю (Лет. Пск. 2, л.156-156 об.). В более поздних текстах сочетание аще и - но продолжает употребляться только в текстах высокого стиля - в летописях, в церковной литературе. В произведениях жанров письменности делового содержания (в грамотах, судебниках), а также в литературе светского содержания, в уступительных кон-

струкциях ведущим становится стилистически нейтральный союз хотя (хоти). Коррелят но вошел в сочетание с этим союзом не сразу. Коррелятивное сочетание хотя - но, употребляющееся в современном русском языке, сложилось где-то на рубеже XVII-XVIII вв. Оно уже широко употребляется в текстах, написанных в первой половине XVIII в.: Сие хотя правда, что благоразумной человек и в убожестве довольнее, нежели глупый в богатстве и чести, но я вас прошу прежде мне сказать, что есть наука ... (Татищев, с.51).

Таким образом, коррелят но на протяжении всего изучаемого периода истории синтаксического строя выступает при оформлении одного определенного типа семантико-синтаксических отношений между частями сложной конструкции. На первом этапе (в сочетании с союзом аще) он используется при дифференциации условных и уступительных отношений, а позднее (с союзом хотя) - в соотносительном сочетании хотя - но.

Следует обратить внимание на различие синтаксических функций служебного слова но в условиях сложноподчиненного предложения (в качестве коррелята) и в условиях сложносочиненного предложения (в качестве сочинительного союза). В последнем случае противительный союз но выступает как единственный показатель, определяющий семантику и структуру сложной конструкции (бинарность, закрытость). Выступая же в качестве коррелята в сложноподчиненном предложении, но не определяет, а только подчеркивает семантические и структурные признаки, намеченные подчинительным союзом уже в первой части конструкции.

В качестве коррелята служебное слово но функционирует по той же схеме, что и коррелят то: не является членом предложе-

ния, в которое включен, ограничено одной позицией начала главной (второй) части сложноподчиненного предложения, перенос но в препозитивную часть предложения невозможен, его нельзя использовать для создания смысловой неполноты первой части конструкции.

Коррелять то и но в наибольшей степени специализированы как чисто синтаксические средства, способствующие вычленению конструкций предложений определенной жестко организованной структуры. Они служат выявлению только синтаксической семантики, заложенной в конструкции, не внося в нее никаких дополнительных значений. Сочетания союз - коррелят, созданные по модели древних сочетаний аще - то и аще и - но (буде - то, если - то, хотя - но и др.), создают как бы каркас определенных конструкций подчинительного типа. И не будь употребление этих коррелятов факультативным, можно было бы видеть в этих сочетаниях двойные союзы.

К числу неизменяемых коррелятов, употреблявшихся в постпозиции к союзу, принято относить также служебное слово ино. Однако синтаксические функции этого слова отличаются нечеткостью: оно может выступать в позиции и союза, и коррелята.

В качестве союза слово ино функционирует в текстах XV - XVII вв., преимущественно бытового и делового содержания (многие исследователи считают, что ино сравнительно поздно проникло в письменный язык из разговорной речи). Как союз слово ино употреблялось в роли союза следствия: запер их в пустую избу ино никому приступу нет (Аввакум, Житие, с.77).

Как коррелят ино широко используется в текстах XV-XVII вв. - в тех случаях, когда в семантико-синтаксических отношениях между частями сложных конструкций в той или иной степени при-

сутствует значение следствия, итога, вывода. Слово ино выступает в качестве коррелята преимущественно в условных сложноподчиненных предложениях, например: отпущу вамъ князя Александра аже токо поцелуеть животворящии крестъ ко мнѣ князю великому и къ моимъ дѣтямъ к великимъ княземъ, что ему зла на мене и на моих детей не мыслити, ино вамъ буди князь, а от мене намѣстникъ (Лет. Пск. I, л.72 об.); ... а не ити, - ино будет езд приставом платить (Шемякин суд); а приведут кого с поличным впервые, ино его судити (Суд. 1550 г., л.28); - А кто купит на торгу что поношено у носящего или с лавки, ино тому купити с порукою с рядовою (Суд. 1550 г., л.49 об.); коли не учнуть псковичи соколом вороны имать ино тогда де и мене Черторийскаго воспомянете (Лет. Пск. I, л.72 об.).

Ино выступает только в постпозитивной главной части сложноподчиненных предложений, где занимает позицию первого слова.

По-видимому, служебное слово ино, как просторечное, перестает употребляться в XVII в.

Корреляты - наречия

Корреляты, представляющие собой наречия со значением места и времени, относятся к числу древнейших служебных элементов письменной речи. Эти корреляты образуют устойчивые соотносительные пары с союзами, например: когда - тогда, куда - туда, где - там и др. Наречия, входящие в подобные коррелятивные пары с союзами, могут употребляться и как самостоятельные члены предложений, т.е. без союзов; в этом случае они занимают позиции синтаксических членов предложения - обстоятельств места и времени.

В отличие от других коррелятивных элементов наречные корреляты в предложениях места и времени могут быть как в препо-

зиции, так и в постпозиции по отношению к союзу; изменение соположения частей сложноподчиненных предложений не вносит существенных изменений в характер функционирования наречных коррелятов. Вследствие этого функции союзов и коррелятов оказываются почти тождественными. Однако если сложное предложение начинается союзом (препозиция придаточной части), то наличие коррелята в главном предложении факультативно, а если предложение начинается коррелятом (препозиция главной части), союз в придаточном должен быть обязательно. Это характеризует употребление наречных коррелятов места и времени и в современном русском языке.

В текстах памятников письменности XI-XVII вв. в качестве коррелятов в сложноподчиненных предложениях места используются наречия туда, туды, ту, тут, туто, тамо, там и др. Эти наречия функционируют не только как служебные, но и как полнозначные слова, способные занимать в предложениях синтаксическую позицию обстоятельства места, например: и заповѣдавъ соущимъ с нимь да доправѧть тѣло ѥго въ манастырь ... и тоу положать ѥ и вса соущаѧ ѧже бѣ искоупилъ въ костѧнтини градѣ (Усп. сб., л.41 б).

В соотношении с союзами в рамках сложноподчиненных предложений эти наречия входят в состав устойчивых коррелятивных пар союз - коррелят (и коррелят - союз): иде - ту, где - ту, куды - туды, где - там, амо - тамо, ямо - тамо, камо - тамо и нек. др. Например: нъ къде стаѧ Софиѧ тоу Новгородъ (Лет. Новг., л.83 а); кѹды конь хочетъ тѹды онъ скочитъ (Пословицы XVII в., л.35I); А татя и душегубца, и разбойника и грабежника, гдѣ имут тут и судять (Акты, собр. Акад. Н., № 14, 1389 г.); амо же хотѧхоуть тамо поидѧхоуть не ѡбращающе лодии (Лет.

Ипат., л.153 об.); и ямо же хотяху тамо поидяху (Лет. Моск., л.60 об.); камо его хочеть тамо его дѣеть (Смол. гр. 1229 г., список с).

Такие местные коррелятивные сочетания сложились в глубокой древности, они отмечены в текстах памятников восточнославянской письменности. В процессе исторического развития средств синтаксической связи из их числа утратились только те коррелятивные пары, употребление которых было связано с церковнославянской традицией: камо - тамо, ямо - тамо, иде - ту и др. Основной же состав коррелятов места остается неизменным на протяжении всей истории русского литературного языка.

Сложноподчиненные предложения места не знают строго фиксированного соположения частей. Наряду с употреблением в постпозитивной главной части (см. примеры выше) можно отметить также корреляты места в препозиции к союзу. Однако препозиция коррелята встречается реже, например: Вор не ту(т) краде(т), гдѣ много, а краде(т) гдѣ плохо (Пословицы XVII в., л.334); И ста тоу иде же нарѣцаеть. Инжиръ бродъ (Лет. Ипат., л.220); и тоу тѣмъ коньцемь ста иде же блаженыи оць наш Феодосии црквь назнамена начать зьдати послѣже (Ж. Феод. Печ., л.56 а).

Корреляты-наречия со значением места в сочетании с союзом обычно не уточняют значение союза, а являются семантически дублирующим компонентом сочетания "союз - коррелят". Этим объясняется, по-видимому, и такая общая для союзов и коррелятов места особенность, как отсутствие способности дифференцировать значения места и направления, что вообще свойственно древним текстам, например: куды владѣлъ Феодоръ Ивановичь, туды владети игумену Феодосью и всемь старцемъ и в вѣки (ГВНП, Частн. ГВН, № 222); И поидоста по Волзѣ и кдѣ придучи в по-

гость ту же нача(ща)ста лучьши-а жены глща ѣако си жито держать а сии медъ (Лет. Ипат., л.65).

Известно, что в древнерусском языке на основе союзов с пространственным значением формировались союзы, употреблявшиеся при обозначении временных связей. Это явление распространялось и на корреляты: ... ѣако быша на рѣцѣ кѣголѣ і тоу устрѣтоша сто-ащь полкъ нѣмецькыи (Лет. Новг., л.144 б); ... и ако быша на рѣке на Омовыжи, нѣмьци. и тоу обломишаса истопѣ ихъ мно (Там же, л.117 об.).

Семантический параллелизм функционирования наречных коррелятов и союзов распространялся и на случаи употребления коррелятивных пар при обозначении также ряда других семантико-синтаксических отношений между частями сложных предложений. Например, такое параллельное употребление союзных и коррелятивных средств связи отмечено при одновременном обозначении локальной и субъектной линий связи: а кто гдѣ купить лошадь или выменитъ, не въ своемъ присудѣ тот тутъ и пятнитъ (Суд. Ив. IУ, л.263).

Таким образом, наречия, выполняя функции коррелятов, не опустошаются семантически (как, например, корреляты то и но). Это объясняет и их безразличие к соположению частей сложных предложений, в которые они включены. Линии семантических связей от коррелята к союзу и от союза к корреляту по существу идентичны.

Коррелят-наречие тогда связан только с временным значением уже в древнейших памятниках письменности. Это наречие искони могло функционировать в коррелятивном соотношении с временными союзами в сложноподчиненных предложениях (егда, коли и др.), например: ... и егда же въздрѣмаше с-а тъгда же съсѣдъ

текъ идѣаше въскраи конѣа (Усп. сб., л.43 б); Коли яз пошел из вотчины своей, из Волги-реки Которостию-рекою к Ростовскому озеру, и тогда яз был здвоя тобя и толще и шире (Пов. о Ерше Ершовиче, Изб. 69, с.585).

Устойчивая связь только с временным значением наречия тогда (и также этого слова в функции коррелята) объясняет, по-видимому, возможность использования его для различения условных и временных значений в случаях, когда оно выступает в паре с таким союзом, который употребляется при выражении семантико-синтаксических отношений и условия и времени. В подобных случаях коррелят тогда действует как уточнитель семантико-синтаксических отношений, привнося в условные конструкции временной оттенок отношений между частями (указание на последовательность событий).

Слово тогда может выступать в тексте и не как коррелят, а как самостоятельное слово - обстоятельство времени, например: ... и тъгда шедъша глаголѣта кнѣзю ... (Усп. сб., л.23 в).

В соотносительной паре "союз - коррелят тогда" чаще линия синтаксической связи идет от союза к корреляту (препозиция придаточного), например: къгда бяше брани быти на поганыѣа тъгда са начаша бити межи собою (Лет. Новг. I, л.90 об.); когда обедню пою тогда опасно спяю: сам добуду огня да книгу чту (Аввакум, Письма, с.287). Возможны также случаи и обратного соотношения: коррелят - союз (постпозиция придаточного), например: А тогды же есмь угодалъ грядущее мнѣние твое на мя, когда еще сестру мою насiльемъ отъ меня взялъ еси за того брата твоего (Курб., Письма, с.133); да тогда и к церкви пойдем, когда вино и пиво допьем (Сатиры о пьянстве, с.122); ... яко и Соломон рече: тогда, рече, стануть праведнии пред лицем му-

чащих, тогда егда Христос придет судити (Курб., 2-е послание, с.102). В последнем примере имеет место контактное расположение коррелята и союза. Это более редкий случай; возможно, в данном примере это вызвано подчеркивающим повтором коррелята.

При соотнесении наречия тогда с временным союзом эта пара может быть расположена не просто дистантно, в пределах одного сложноподчиненного предложения, а разделена сложным, многокомпонентным по своей структуре контекстом. Например: Егда же Святополък с Давидом Игоревичем рать зачаста про Василкову слепоту, его же ослепи Святоплък, послушав Давида Игоревича, с Володарем и с самѣм Васильком. И не пустиша гостей из Галича, ни людей з Перемышля и не бысть соли в всей Руской земли ... Блаженный же тогда Прохор имѣа кѣлию свою. И собра множество попела от всѣх кѣлии, не вѣдущу сего никому же. И се раздаваше приходящим, и всѣмь бываше чиста соль молитвами его. (Киево-Печерский патерик, с.320). Здесь союз егда же и наречие тогда соотнесены таким образом, что выявляют временную связь двух различных событий, происходящих одновременно и описанных в разных, самостоятельных отрывках текста. Мы здесь имеем дело не с парой "союз - коррелят", скрепляющей бинарную конструкцию сложноподчиненного предложения, а со смысловой корреляцией двух слов, организующих связный текст. Следовательно, можно предположить, что некоторые соотносительные пары могли создаваться и выступать и на уровне смысловой организации текста.

Наречие так (тако) употреблялось уже в древнерусских памятниках письменности старшей поры. Как самостоятельное слово оно выступало в синтаксической роли обстоятельства образа действия, например: ... и бѣаше нога нѣмоу соуха и съкърче-

на и не можааше на неи ходити ни малы ѣ чю-аше нъ подъдѣлавъ дерев-аноу и тако хожааше (Усп. сб., л.19 в); по что тако твориши въ днь стго николы (Усп. сб., л.21 г).

Кроме того, слово тако использовалось при обозначении сравнительных и условных семантико-синтаксических отношений между частями сложноподчиненных предложений, где оно функционирует в качестве коррелята. Например: и тако оукраси добрѣ ѣ-ако не могоу съказати оного оухыщрени-а по досто-анию довълнѣ (Усп. сб., л.24 в); ... и не оуклони с-а ни на десно ни на шю-е нъ ѣ-ако же стрѣла права летящи тако же и ты иди силою бжи-ею (Усп. сб., л.3 г).

В сравнительных предложениях употребление коррелята тако семантически не осложнено. В условных же предложениях коррелят тако употребляется в редких случаях, и обычно при сочетании условно-следственных и сравнительных значений: ... великии димитрии по сво-емь отьчьствѣ рекъ аще оубо и весел-ащемъ с-а имъ съ ними бѣхъ тако же и погыбающемъ имъ съ нимь оумьроу ... (Усп. сб., л.17 а-б).

Отметим, что в памятниках главным образом делового содержания XУ-XУП вв., а также иногда в летописях коррелят тако уступал свои позиции предложно-падежным конструкциям, которые функционировали также как соотносительные элементы к союзам как или (реже) что. В сравнительных предложениях эти предложно-падежные конструкции выступали как обстоятельства образа действия, по существу - как эквивалент коррелята тако, как бы конкретизируя содержание, стоящее за семантически опустошенным тако. Это характерно прежде всего для устоявшихся юридических формул, отражающих некоторые стороны традиционной общественной практики. Например: А болшому полку и передовому...

6736

велено быти по томоу, как преже того были (Разр. кн., л.17 об.); ... велѣлъ у них ходити о всем по тому, как в сеи грамоте писано (Дух. дог. гр., № 324); и не поча по тому чинити, яко же люди хотяху (Лет. Моск., л.43 об.); и велѣлъ есми ходити о всемъ по тому жъ, какъ въ сеи нашеи жаловалнои грамотѣ писано (Моск. гр. 1605 г., - АЮБ, т.I, № 41, III). Эти сочетания чаще, чем коррелят тако, употреблялись контактно с союзом как. Таким образом, в сравнительных предложениях складывались устойчивые сочетания типа по тому (и) как, синонимичные сочетанию так как.

В истории формировании служебных слов эти предложно-падежные коррелятивные сочетания сыграли существенную роль в создании новых продуктивных союзов на базе союзов как и что. Развитие этих коррелятивных предложно-падежных сочетаний, первоначально с обстоятельственным значением, постепенно привело к тому, что сложные и многообразные формулы канцелярского языка заменились наиболее обобщенным сочетанием по тому (и), которое было еще синонимом коррелята тако. На этой основе стали употребляться и получили распространение - сначала в деловой письменности, а потом и шире - устойчивые сочетания по тому как, по тому что, наряду с так как и так что. Уже в XVII в. стал достаточно широко употребляться причинный союз потому что, а к концу XVII в. в памятниках письменности зафиксирован следственный союз так что; оба они могли употребляться и контактно и дистантно. На этой же основе, по-видимому, развился и причинный союз так как.

Этот процесс связан не только и не столько со сферой употребления коррелятов, сколько с более широким процессом утраты в русском языке старых многозначных и стилистически резко

маркированных (книжных) союзов и о заменой их новыми продуктивными образованиями на основе абстрактных показателей подчинительных отношений что и как, что было обусловлено также и становлением новых структурных схем сложноподчиненных предложений.

Предложно-местоименные сочетания в функции коррелятов

Особо следует рассмотреть вопрос о функционировании в древнерусских текстах местоименных служебных элементов того ради, сего для, тем и под., которые представляют собой отдельные формы указательных местоимений (с предлогами и без них). Эти элементы используются в качестве коррелятов в сложноподчиненных предложениях. Они отмечены в такой функции при выражении целевых, причинно-следственных, сравнительных семантико-синтаксических отношений между частями сложных конструкций. Синтаксический статус этих служебных элементов в значительной степени зависит от того, в какой синтаксической позиции они используются.

В разделе, посвященном коррелятам в сложноподчиненных предложениях с препозицией главной части, показано, что эти местоименные служебные элементы в условиях направления линии связи коррелят → союз служат четкому выявлению синтаксической структуры определенных типов сложноподчиненных предложений (предопределяют бинарность и закрытый характер сложного предложения), уточняя одновременно семантику синтаксической связи частей.

Обратим еще раз внимание на употребление местоименных коррелятов в ситуациях с соотношением коррелят→союз в предложениях причины и следствия.

Примеры с направлением линии связи коррелят→союз: половца ... и покрыша днѣпръ от множества вои. Сторожевѣ же Изяславли

убояшеся бѣжаша, бѣ бо в то время послалъ сына своего Мъстислава въ Угры, да тѣмъ и не твердъ бѣ ему бродъ, зане же не бѣше ту князя, а боярина не вси слушают (Лет. Моск., л.60 об.); Жалостно же бѣ слышати. яко отець его честный Ярослав Великый, не бѣ ведал таковаго въстания на сына своего милаго Олександра, ни оному бысть когда послати вѣсть к отцю: уже бо ратнии приближишися. Тѣм же и мнози новгородци не совокупилися бяху, понеже ускори князь пойти (Лет. Пск. П, л.156 об.); ... а сам князь велики не поехал в город того дѣля поне же бо моръ бѣ у них тогда (Лет. Моск., л.454); И хотѣхъ рещи всѣ по ряду ратные дѣла мои, их же сотворихъ на похвалу твою, силою Христа моего, но сего ради не изрекох, зане лутче Богъ вѣсть, нежели человѣкъ ... (Курб., Письма, с.5).

В приведенных примерах можно выделить следующие корреспондирующие пары коррелят→союз: тѣмъ - зане же, тѣм же - понеже, того дѣля - понеже бо, сего ради - зане. Составляющие эти пары союзы и корреляты не являются синтаксическими членами предложений, в которые они включены, они служат обособлению (вычленению) бинарной конструкции в тексте и способствуют выявлению между ее частями семантико-синтаксических отношений определенного типа.

Обратимся к случаям с обратным направлением линии связи между коррелятом и союзом - от союза к корреляту: чадо по чьто не вкоуси хлѣбъ, ѥже ти дахъ он же поклонивъ сѧ до земла рече старьцю прости мѧ оче понеже не бѣ мене поущаѥмѧ да бых вкоусилъ сего ради не вкусихъ (Син. пат., л.38 об.); сь же глааше поне же причащаю сѧ стѣи и съборнѣи цркви нъ севгироу тѣмъ възбраняѥмъ ѥсмь вънити (Син. пат., л.36); [татары] ... а вы възмите с нами миръ ѥже выбежеть къ вам

[половци] а биите их оттоле, а товары емлите к собе; занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дѣля и мы биемъ (Лет. Новг., л.97 об.); Бог бо не поругаемь бывает. Аще бысте мя не затворили, то аз пришед снял бых его с дерева, и не бы сей умерл. Но понеже враг вы научил хранити суетнаа лжею, тѣм же милость свою оставили есте (Киево-Печерский патерик, с.314); ѣако же каинъ не вѣдыи мьсти прі-ати и ѣдиноу прі-а а ламехъ зане вѣдѣвъ на каинѣ тѣмь же седмьдесѣ-ати-цею мьсти сѣ-а ѣмоу (Усп. сб., л.16 а).

Положение соотносительного слова в подобных случаях оказывается как бы двойственным: с одной стороны, элементы сего ради, того же дѣля и др. как будто присоединяют вторые части сложноподчиненных предложений (первые начинаются союзами понеже, зане), и в этом случае эти корреляты, находясь в постпозиции к союзу, в какой-то степени уточняют структурные схемы конструкций и общий ход развития мысли в тексте; с другой стороны, эти корреляты оказываются в позиции союзов, начинающих предложение со значением следствия (после предшествующей причины). Таким образом, эти элементы служат и уточнению семантико-синтаксической связи причинного характера между двумя первыми смежными предикативными единицами, и - одновременно - указывают на то, что присоединяемое с их помощью предложение имеет значение вывода, (следствия) из предшествующего текста.

Можно привести примеры, в которых рассматриваемые местоименные служебные слова функционируют только как союзы следствия, т.е. не корреспондируют с союзом причины.

Это, во-первых, довольно широко распространенные случаи, когда первая часть предложения, несущая значение причины,

оформлена не с помощью союза, а с помощью включения частицы бо: ... не бѣшеть бо ѥмоу лзѣ бѣжати в днь и в нощь имъ же сторожевѣ стрежахоуть его (Лет. Ипат., л.227); ... и не успеша ничтоже фрязьскымъ кораблем: весть бо имъ далъ Исаковичь ... тѣмъ же и не погорѣша Фрязи ... (Лет. Новг., л.69); и, во-вторых, случаи, когда в сложных предложениях выражены только значения одного следствия: Есть же путь до горъ тѣхъ не проходимъ пропастьми, снѣгом и лѣсом, тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда (Лет. Иоск., л.17 об.); И сѣде царьствовати князь Василеи Шуискои без избрания земскаго; того ради многим бысть не возлюбленъ (Лет. Пск. Окончание 2 археографич. сп., л.204); Сий же убо Прохор черноризець вдасть себъ в послушание и въздержание безмѣрное, яко хлѣба себѣ лишив. Събираеть убо лободу и своима рукама стираа хлѣб себѣ творяше и сим питашеся ... И сего ради прозван бысть Лободник (Киево-Печерский патерик, с.316); и се въ ѥдиноу нощь тьмѣ соущи велицѣ придоша на ѥа разбоиници. глаахоу ѥако въ полатахъ цр҃квьныихъ тоу ѥсть имѣнѥе ихъ съкръвено. да того ради не идоша ни къ одинои же келии. нъ цр҃кви оустрьмиша сѧ (Усп. сб., л.46 в). Включение сочинительных союзов (и, да), не изменяя семантического аспекта отношений, делает связь формально сочинительной. Коррелят при этом получает статус члена предложения.

Таким образом, обнаруживается, что одни и те же местоименные служебные элементы выступают в разных функциях в зависимости от того, в каких синтаксических позициях они употребляются.

Сложноподчиненные предложения причины, для которых естественный порядок - постпозиция части, начинающейся союзом, характеризуются слабой семантической и формальной связью предикативных единиц. Присоединение второй части к первой факульта-

тивно, значение причины заключено в пределы одной второй части и формально выражено только союзом; синтаксические потенции союза в этой позиции не развернуты, он по существу выступает только как средство присоединения очередной единицы, его значение причины приближается к лексическому. Включение коррелята в первую часть такой конструкции ведет к актуализации причинного смысла связи двух предикативных единиц. Значение причинной связи несет уже не одна, а обе части сложного целого, причем наличие второй, собственно причинной, предопределено уже в первой (синсемантизм). В структурном плане включение коррелята как бы задает бинарность и закрытый тип конструкции.

Однако, как указывалось, в древнерусских текстах коррелаты использовались редко, вследствие чего для большинства причинных конструкций синсемантизм первой части не типичен, присоединение второй предикативной единицы с союзом, несущей значение причины, факультативно. Таким образом, объединение предикативных единиц, которые мы обычно рассматриваем как сложноподчиненное предложение причины, держится в основном на семантике союза и на контекстных значениях (линии грамматической связи на уровне согласования морфологических категорий по существу те же, что и в любом связном тексте: согласуется число, род, лицо).

Если же возникает соотношение союз - коррелят, т.е. если во вторую часть конструкции, начинающейся придаточным с союзом причины, включается коррелят (из числа тех местоименных служебных слов, которые характерны для препозиционной главной части предложений причины), то такая вторая часть конструкций может восприниматься как предложение следствия, присоединен-

ное местоименным служебным элементом, являющимся в этой позиции и коррелятом к союзу причины и выступающим в роли союза следствия. Такая ситуация возникает в случаях, когда часть текста, предшествующая предикативной единице, начинающейся союзом причины, может быть понята как объект для утверждения о его причине (т. о., причинная часть оказывается на свойственном ей втором месте), часть же, начинающаяся коррелятом, присоединяется с его помощью как следствие из предыдущего содержания. Возникает не бинарное объединение предикативных единиц, а более сложная организация, состоящая из трех и более частей. Предложение со значением следствия может не составлять бинарного объединения с предшествующей ему предикативной единицей, а как бы подводить итог содержанию любого отрезка текста, из которого делается вывод (следствие); указательное местоимение в составе местоименного коррелятивного элемента, по-видимому, используется как обобщенное указание на всю ту информацию, из которой выводится следствие (сего ради, тем и т.п.).

Если в сложноподчиненное предложение причины с препозитивной придаточной частью в редких случаях во вторую часть включались корреляты, то коррелят в начале постпозитивного главного предложения оказывался как бы в двойственной роли: 1) как причинный коррелят он завершает конструкцию, т.е. продолжает линию связи, намеченную союзом, и одновременно маркирует начало второй части и 2) как союз он присоединяет часть, несущую значение следствия (вывода) из содержания предшествующего текста. Совпадение разных функций одних и тех же служебных слов в этой позиции связано с тем, что отношения причины и следствия постоянно взаимодействуют между собой. В древнерусском языке не было еще специализированного союза следствия (союз

так что распространился после XVII в.), и предложения следствия оформлялись с помощью местоименных коррелятов причинных конструкций. Функции коррелята причины и союза следствия для рассматриваемых местоименных служебных слов были как правило разведены по разным синтаксическим позициям.

Служебные слова и, а, да в позиции коррелята

К числу коррелятов, не имеющих форм словоизменения, с некоторыми оговорками можно отнести служебные слова и, а (редко да), которые, как известно, употреблялись в древнерусских памятниках письменности в основном как начинательные и сочинительные союзы, однако же в ряде случаев могут выступать и в позиции коррелятов. Рассмотрим эти случаи.

Как было показано выше, корреляты, начиная собой главную часть сложного предложения, могут быть как в препозитивной, так и в постпозитивной его части. Рассматриваемые служебные слова и и а могут выступать только в постпозитивной части; это сближает их с коррелятами но и то. Например, с и в позиции коррелята: И ныне же ти ведомо буди, купче, - отгадай ми сегодни загатку, что аз тобе загону. Аше ли ту отгадаеш, и аз тобе другую загану. Аще ли и ту отгадаеш, и яз тобе и третью загону. Аще ли и ту отгадаеш, то аз тобе велю торговать во своем царстве всякими товары, и з дары и с проводники отпустити тя имам во твою землю. Аще ли загадок моих не отгадаеш и ты пребывай в моей вере, аз тобе воздам великую честь и торговать велю во своем царстве всякими товары, и з дары и с проводники отпущу тя в твою землю. Аще ли загадок моих не отгадаеш и в вере моей не пребываеш, то ведомо ти буди, купче, -

6736

велю главу твою мечем усекнуть, а товар твой повелю на собя взять (Пов. о Басарге, с.447). В этом тексте параллельно употребляются коррелятивные сочетания аще ли - и, аще ли - то, что говорит об аналогичной синтаксической функции служебных слов и и то. Приведем еще примеры с и в позиции коррелята.

Аще кому случится в врахдѣ умрети, и неисмолим суд обрящють таковии (Киево-Печерский патерик, с.298); и оттоле убо Святополк, егда исхождаше или на рать, или на ловы и приходаше в монастырь с благодарениемь поклоняся святѣй богородици и гробу Феодосиеву (Там же, с.324); и егда пріидохъ близъ тая святыя великія церкви и видѣхъ ю окружену свѣтомъ неизреченнымъ (Пов. о видении, с.80); Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибити (Шемякин суд); ... и велѣл им говорит штоб онѣ ему здалися, а он их пощадит животом их, а будет де онѣ не похотят добром здатца и онѣ видят смерть свою перед глазами (Вести - Куранты, с.225).

То же с а в позиции коррелята: не грѣшите ни одну же ночь, аще можете поклонитеся до земли, а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды, а того не забывайте ... (Лет. Лавр., л.79 об.); ... а дешево, хоти и не надобно, а в ты поры купи (Домострой, с.40).

То же с да в позиции коррелята: Да аще хощете за сихъ битися, да се мы готови, а либо выдайте враги наше (Лет. Лавр., л.37).

Служебные слова и и а используются в позиции коррелятов в сложноподчиненных предложениях с весьма разнообразными и часто нечеткими семантико-синтаксическими отношениями между частями сложных конструкций. Употребление этих слов в качестве коррелятов последовательно описано в соответствующих разделах

академической исторической грамматики [ИГ 1979]. Однако решающим фактором для их использования в качестве коррелятов является не тип семантико-синтаксических отношений, а характер сопоположений частей сложного предложения: и и а выступают в позиции коррелята только в конструкциях с препозитивной придаточной частью, то есть они присоединяют вторую, главную, часть сложноподчиненного предложения. Это чисто структурная их особенность говорит о том, что употребление коррелятов и и а может свидетельствовать об определенном этапе эволюции собственно формальной стороны структурных схем сложносочиненных предложений, то есть об этапе обособления бинарной сложноподчиненной конструкции в тексте, построенном по принципу цепочечного нанизывания ПЕ с помощью начинательных союзов и или а. Об обоснованности такого взгляда могут говорить а) случаи образования сложных предложений, в которых служебное слово и (или а), находясь в позиции коррелята (перед $ПЕ_2$), оказывается включенным в линию повторяющихся в тексте перед каждой очередной ПЕ начинательных союзов, то есть позиция возможного коррелята еще занята начинательным союзом, присоединяющим $ПЕ_2$ складывающейся в тексте сложной конструкции: И оттоле убо Святополк, егда исхождаше или на рать, или на ловы, и прихождаше в монастырь с благодарениемь покланяяся святѣй богородици и гробу Феодосиеву, и вхождаше в печеру к святому Антонию и блаженному Прохору, и всѣмь преподобным отцем покланяяся, и исхожаше в путь свой (Киево-Печерский патерик, с. 324) ... и ты пошли искать меня своих дворян с тем со псом выжлетом, и вели им пустити пса того наперед проста и за ним самим ехати, и где будет я жив связен, и пес той дорогой дойдет меня, или на поле буду мертв без вести, или на побоище убит в трупу многаго человечья, и образ у меня

у мертваго от кровавых ран перешначитце, не познать меня, и тот пес сыщет без оманки меня и мертвому мне почнет радоватисе ... (Сказ. об убиении Дан. Суэд., с. 577); б) случаи одновременного использования коррелята, специализированного для данного конкретного семантического типа предложений и, наряду с ним, - служебного слова и (или а), то есть случаи образования как бы двойных коррелятов.

и лко же приспѣ часъ Божественнаго пѣнія, и отпѣвше утреннюю и великія недѣли вечерню, и тако поиде митрополит по прежнему к себѣ на упокои (Пут. Гогары, с. II9); Иде же тои гетман живяше, и ту была для оберегательства полки московских стрельцов (Лет. Моск. I6I9-I69I гг., л. 698); куды володѣль Ончифорь Есиповь сынь своею отчиною половиною а туды володѣти тою отчиною Ончифоровою игумену Феодосію (ГНІ П, № 3I8, I438-I480 гг.). А которыя князи служилыя в Московской и Тверской земле, и те князи служат сыну моему Ивану (Моск. гр. I572 г. - Д. д. гр., № I04). Коррелят как дополнительное формальное средство синтаксической связи, не выражающее, а лишь подчеркивающее синтаксические параметры ССК, наиболее очевидно проявляет свою факультативную природу выступая в позиции начала $ПЕ_2$ в конструкциях, первая часть которых маркируется каким-либо семантическим союзом. Все структурные и семантические признаки такой конструкции заданы уже этим первым служебным элементом (в начале $ПЕ_1$), а соотнесенный с ним второй служебный элемент уточняет только структурную схему используемой модели ССК. Таким образом позиция начала $ПЕ_2$ оказывается как бы безразличной к грамматической форме и к семантике употребляемого в ней служебного элемента. Здесь коррелят, как служебное слово, получает минимум синтаксической

нагрузки и поэтому, возможно, в этой позиции могло задерживаться употребление начинательных союзов (здесь достаточно того минимума синтаксических функций, которые выполняет начинательный союз). Возможно также, что употребление именно в этой позиции указательного местоимения то в качестве соотносительного слова могло способствовать утрате им форм словоизменения, то есть превращению его в чисто служебное слово. Для сравнения приведем два случая употребления слова то: 1) в качестве коррелята, в факультативном соотношении с союзом: Ѣли ти жона дѣвьна то не изгони жена (Изб. 1076 г., л. 159 об.), 2) в обязательном соотношении с что: а што ѡлгово а то нама дан (Лет. Ипат., л. 160 об.); а что с нимь погыбло, а того емоу жалѣти (Рус. Пр., л. 618).

В процессе истории синтаксической системы русского языка происходили неоднократно замены ведущих условных союзов, однако коррелят то неизменно – пусть не сразу – входил в соотносительное сочетание с каждым союзом условия. Коррелят то относится к числу тех служебных средств, которые лишены форм словоизменения и у которых отсутствует лексическая семантика. Этот коррелят никогда не входит в состав синтаксических членов предложения. Однако следует подчеркнуть, что эти грамматические свойства коррелята то полностью определены его синтаксической позицией вне предложения (перед $ПЕ_2$). Структурная схема условной конструкции допускает в этой позиции только одно слово. В ситуации столкновения в ней начинательного союза и (или а) со специализированным коррелятом условия то, сочетанию и то образоваться невозможно, так как на это имеются чисто системные ограничения: при линейной последовательности и, то элемент

то, войдя в состав $ПЕ_2$, оказывается чужеродным словом (местоимение среднего рода им. или вин. падежа) и синтаксическая конструкция распадается; при линейной последовательности то - и: и приобретает функцию усилительной частицы, что также ведет к нарушению смысла конструкции. Таким образом, служебные средства и (а) и то оказываются дополнительно распределенными по отношению к позиции "перед $ПЕ_2$". Для реализации синтаксической функции коррелята то слово и (а) в позиции "перед $ПЕ_2$" должно устраниться. В противоположность этому в конструкциях с так называемым относительным подчинением, в которых коррелять, входя в состав $ПЕ_2$, и обладая формами словоизменения, не вступают в противоречие с грамматической организацией $ПЕ_2$ и могут, даже не будучи в позиции первого слова, функционировать как соотносительное слово в рамках сложноподчиненного предложения. Например: что будешь слышелъ и ты то сказывай прямо (Акты., собр. Акад. н., № 209). В этом случае наличие служебного слова и (а) перед $ПЕ_2$ ничего не меняет в структуре сложноподчиненного предложения, и факультативное средство связи - коррелят (восходящий исторически к начинательному союзу), не нарушая структурной схемы сложного предложения, может занять позицию "перед $ПЕ_2$". Однако в процессе эволюции синтаксической системы русского литературного языка этот вид коррелятов был утрачен всеми типами сложноподчиненных предложений.

Явление использования служебных слов и и а в позиции коррелята исследовал в текстах новгородских берестяных грамот А.А. Зализняк. Суть этого явления он передает как способность главного предложения "присоединяться к препозитивному придаточному с помощью сочинительного союза" [Зализняк, с.159] .

А.А. Зализняк приводит убедительный материал для определения хронологических рамок реализации этого характерного для новгородских памятников письменности явления: по данным берестяных грамот выявляется определенная временная последовательность в употреблении в рассматриваемой функции служебных слов а и и: "... в XI-XIII вв. ... используется союз а, и лишь с начала XIУ в. с ним начинает конкурировать союз и, который затем (в период $XIУ_2$ - $XУ_1$ вв.) становится господствующим" [Там же].

Квалификация служебных слов и и а в качестве коррелятов не может быть сделана на основе их смысловой связи с определенным кругом семантико-синтаксических отношений. Здесь, по-видимому, дело в том, что в последовательности предикативных единиц корреляты и и а выступают в позиции начала таких звеньев, которые могут рассматриваться как вторые (главные) части сложноподчиненных предложений и которые могут начинаться коррелятами то, но, тогда и др. Этим же объясняются и случаи, когда и и а выступают как коррелять в предложениях с нечеткой дифференциацией семантико-синтаксических отношений между частями.

Служебные слова и и а, как и коррелять то и но, выступая в позиции коррелята только в постпозитивной части, не связаны с выражением синсемантизма частей сложного предложения, не служат тем не менее формальной скрепой бинарной конструкции.

Выше отмечалось, что коррелять могут входить в устойчивые соотносительные пары "союз - коррелят", как, например: аще -то (позже если - то), хотя - но. В отличие от них со служебными словами и и а в качестве коррелятов подобные соотносительные пары не образуются. Так, в приведенных выше примерах мы обнаруживаем самые разнообразные соотносительные сочетания. С и в

позиции коррелята отмечены: союзы аще, егда, кабы, начальные сочетания а будет, и будет, а в чем, а кто, а што, а как, и который. С а в позиции коррелята отмечены: союзы аще и, аще ли, начальные сочетания а што, а ли, просто служебное слово а.

I. Рассмотрение особенностей функционирования коррелятов в древнерусском и старорусском языке выявляет их многообразие в таких аспектах, как различие их структуры (слово - словосочетание), грамматического статуса (отнесенность к разным частям речи; изменяемость - неизменяемость), зависимость от позиции в сложноподчиненном предложении, связанность с разными семантико-синтаксическими отношениями, стилистическая маркированность - нейтральность.

2. Синтаксические функции коррелятов определяются их способностью выступать как особое формальное средство в сложноподчиненных предложениях, уточняющее тип семантико-синтаксических отношений между частями сложного целого. Одновременно корреляты служат выявлению бинарного принципа структуры сложноподчиненных предложений.

3. Эти аспекты функционирования коррелятов тесно связаны с позицией главной части сложноподчиненного предложения. Коррелят в препозитивной главной части сложноподчиненного предложения - это всегда показатель ее синсемантизма, а следовательно, необходимости второй части; таким образом, коррелят в $ПЕ_1$ исключает факультативность присоединения второй части сложноподчиненного предложения, коррелят в постпозитивной главной части ($ПЕ_2$) связан только с левым синсемантизмом (правый синсемантизм здесь создается препозитивным употреблением союза). В обоих случаях коррелят может служить показателем закрытости структуры.

4. Расширение употребительности коррелятов в текстах XV - XVII вв. связано с развитием структурных схем сложноподчиненных предложений. В текстах памятников письменности старшей поры употребление коррелятов в той или иной степени нехарактерно для всех типов подчинительных конструкций. Раньше других употреблялись неизменяемые корреляты в постпозиции по отношению к союзу (линия связи "союз - коррелят") при выражении условных, локальных и временных семантико-синтаксических отношений.

5. С помощью коррелята подчинительный тип связи может получить наиболее полное эксплицитное выражение. Возможность использования коррелятов придает структурной схеме сложноподчиненного предложения большую гибкость. Они могут отсутствовать, а в нужных случаях - актуализировать, подчеркивать конкретные семантико-синтаксические отношения; при этом возможно варьирование разных оттенков значения синтаксической связи.

6. Тезис о том, что в истории синтаксического строя русского языка имела место утрата активной роли синтаксических частиц и в значительной мере произошла активизация роли коррелятов (как вспомогательного средства системы союзов), находит свое подтверждение в почти полной близости их функций: и те и другие участвуют в сцеплении предикативных единиц (в качестве его способа, как синтаксические частицы, или дополнительной формальной скрепы при союзе в бинарной конструкции); и те и другие могут служить уточнителями синтаксической связи (однако если синтаксические частицы уточняли значение самих союзов, то корреляты уточняют тип семантико-синтаксических отношений); наконец, и те и другие выступали в истории русского синтаксиса как словообразовательные элементы структуры союзов.

Развитие причинных семантико-синтаксических отношений в конструкциях со служебными словами различных разрядов

Мы наметили общую линию развития формальных синтаксических способов выражения семантико-синтаксических отношений между смежными ПЕ, составляющими в текстах XI-XVII вв. сложные синтаксические конструкции (от древнейших конструкций с синтаксическими частицами - до сложноподчиненных предложений, построенных на основе соотношения коррелятов с асемантическими союзами) и попытались показать, что развитие формальных средств сопровождалось отработкой структурных схем сложного предложения (изменение синтаксических параметров конструкций).

До сих пор в нашем исследовании оставалась в тени еще одна существенная линия развития сложного предложения: процессы типизации логико-смысловой стороны отношений между содержанием частей сложных конструкций, то есть формирование тех семантико-синтаксических отношений, которые лежат в основе всего разнообразия типов сложного предложения. Понятием "типизация" мы называем семантические процессы, связанные с установлением в языке таких постоянно повторяющихся в речи логико-смысловых ситуаций, которые получают в синтаксисе языка те или иные формальные средства выражения.

В истории синтаксической системы русского языка XI-XVII вв. формирование семантической стороны сложного предложения происходило по-разному для различных типов конструкций этого уровня: семантика синтаксических отношений, лежащая в основе одних конструкций, оставалась в основном неизменной, в то время как семантика других подвергалась постоянным уточнениям и изменениям, что в ряде случаев выражалось в известных

процессах дифференциации и специализации служебных средств. Так, семантика синтаксических отношений условия не претерпела существенных изменений на протяжении всего изучаемого периода, но на формальных средствах выражения этих отношений отразились почти все изменения, которые происходили в составе служебных слов сложноподчиненного предложения. В текстах памятников письменности различных периодов и жанров при выражении семантико-синтаксических отношений условия находим использование следующих служебных слов: средство членения текста - начинательный союз а; синтаксическая частица ли; асемантический союз еже (оже); семантические союзы аще (аче); сложения "союз - частица" - аще ли, еже ли; сложения форм глагола быть с частицей ли - есть ли (ели), если, будет ли [Морозова, 233-261].

История отработки семантико-синтаксических отношений причины как типизированной логико-смысловой связи между содержанием двух смежных ПЕ, составляющих сложные синтаксические конструкции, в отличие, например, от отношений условия в значительной мере прослеживается по данным изучаемых нами памятников письменности, и, как представляется, в этом случае возможно наметить некоторые корреляции между такими гетерогенными процессами, как процессы обобщения определенного круга смысловых отношений, их последующая грамматикализация (статус семантико-синтаксических отношений) и процессы развития формальной стороны выражения конкретного типа семантико-синтаксической связи (специализация служебных слов, отработка структурной схемы).

Общая линия эволюции способов эксплицитного выражения семантико-синтаксических отношений между частями сложных синтак-

сических конструкций может быть представлена как движение от первоначальной опоры на конкретное содержание поставленных в синтаксическую связь (обычно смежных) ПЕ - к опоре на специализированные служебные средства. Набор этих средств в каждый период истории в принципе должен соответствовать набору осознанных как грамматическая абстракция типизированных логико-смысловых взаимоотношений между событиями, фактами, предметами и пр., то есть соответствовать набору семантико-синтаксических отношений. При этом служебные слова (союзы, частицы и т.п.) - не единственное формальное средство выражения этих отношений: служебные слова проявляют себя в условиях определенных структурных схем сложных конструкций.

В древнерусских текстах старшей поры при выражении причинной семантики в рамках сложных синтаксических конструкций бинарного типа употреблялись специализированные семантические союзы ибо, поне (же), зане (же). Это обстоятельство могло бы говорить о том, что логико-смысловые отношения причины прошли уже стадию типизации и как грамматическая абстракция получили в языке формальное специализированное средство эксплицитного выражения. Однако союзы ибо и понеже употреблялись почти исключительно в сфере книжного языка, то есть в языке летописей, в богослужебных текстах на церковнославянском языке, в проповедях, житиях святых и под.[1] Относительно союзов ибо и понеже можно предположить, что они заимствованы древне-

[1] Союз занеже употреблялся более независимо от жанровой принадлежности текста: его можно встретить и в ранних текстах делового содержания, в частности, в Новгородских берестяных грамотах.

русским письменным языком из церковнославянских текстов в начальные периоды становления древнерусского литературного языка. Такого рода заимствования служебных слов уровня сложноподчиненного предложения из языков с более развитой синтаксической системой письменных текстов вообще характерно для начальных стадий развития младописьменных языков. Общие закономерности заимствования союзов в подобных экстралингвистических ситуациях исследовала К.Е. Майтинская. Она пишет: "... языками, которые развивались под особенно сильным влиянием окружающих языков и литературные варианты, а также письменность которых были слабо развиты, союзы часто заимствовались из других языков. Особенно усиливается процесс заимствования, когда слаборазвитые литературные языки за относительно короткое время превращаются в активно функционирующие и нет времени для постепенного "выращивания" необходимых средств связи путем медленного преобразования других слов собственного языка" [Майтинская, с. 102].

Союзы ибо и понеже, по-видимому, были "выращены" вне пределов собственно древнерусской письменности и заимствованы в нее уже в качестве семантических союзов причины. Таким образом, наличие этих союзов в древнерусских текстах старшей поры ничего не может сказать о процессах формирования и отработки в пределах древнерусского литературного языка семантико-синтаксических отношений причины. Тем более, что союз ибо во все периоды истории использовался сравнительно редко и обычно только в произведениях, связанных по содержанию с религиозной патетикой, а союз понеже становится основным служебным средством при выражении причинных связей лишь в период XУ-XУП вв. В древнейших же текстах в качестве основного

формального средства эксплицитного выражения круга причинных отношений выступают прежде всего конструкции с синтаксической частицей бо. (Показательно в этом отношении количество употреблений в Успенском сборнике: бо - 700; понеже - 60.)

Семантика конструкций с синтаксической частицей бо

Независимо от того, имело или нет поддержку со стороны древнерусской устной речи употребление слова бо в древних книжных текстах,[1] для начальных этапов становления синтаксической системы древнерусского литературного языка характерно широкое использование этого слова, и анализ функционирования синтаксических конструкций с бо может дать нам материал о становлении семантико-синтаксических отношений причины. Поэтому необходимо вернуться еще раз к особенностям употребления в древнерусских текстах книжного характера ПЕ с синтаксической частицей бо.

Сравнительно высокая частота использования слова бо в древнерусских текстах старшей поры отнюдь не свидетельствует о том, что в их содержании постоянно вскрывались причинно-следственные связи. В книжных текстах повествовательно-нарративного характера, которым свойственно частое употребление служебного слова бо, события излагаются обычно в строгом соответствии с их реальной последовательностью во времени.

---

[1] О вероятности такой поддержки может говорить наличие в современных украинском и белорусском языках причинного союза бо, а также наличие в некоторых современных русских диалектах служебного слова бо, функционирующего в качестве союза (разделительного, условного) и вопросительной частицы [Арх.сл. вып. 2].

По условиям этих жанров автор не дает оценок и не вскрывает причинно-следственных отношений между фактами, его основная позиция - объективное изложение известной ему информации о событиях прошлого. Приведем выдержку из статьи, специально посвященной особенностям пространственно-временной организации летописных текстов: "Однонаправленное, необратимое течение времени в летописи исключает возвращение к ранее изложенному. Это определяется установкой жанра: летописец стремится к точной фиксации событий в их временной последовательности. Ретроспективные замечания лишь изредка прерывают поступательное движение текста и касаются событий, предшествующих по времени" [Смирнова, с. 12]. Со стороны формальной организации текста такие "ретроспективные замечания" чаще всего маркируются заменой очередного средства синтаксической связи между ПЕ: ПЕ, содержащая подобные замечания, присоединяется к левому контексту не очередным начинательным союзом, а синтаксической частицей бо (в позиции второго слова). ПЕ, прерывающая линию временной последовательности, по своему содержанию обычно не просто "касается событий, предшествующих во времени", чаще это дополнительные данные, поясняющие смысл текста. Автор, приводя их, как бы оценивает понятность текста для читателя, при этом он опирается на общие представления об известных всем фактах, на обычаи и узус своего времени, то есть на установления прошлой практики. Таким образом, употребление частицы бо тяготело к контекстам, содержащим круг обстоятельственных ситуаций объяснительного характера.

Однако это смысловое значение включения в текст ПЕ, содержащей частицу бо, было связано с определенной текстовой позицией этой ПЕ: она не должна быть в тексте первой (обяза-

тельность левого контекста).

В случаях же, когда частица бо включена в ПЕ, начинающую текст (смысловой отрывок текста, новую мысль), она выступает в качестве средства выражения эмоциональной напряженности текста. В этой позиции употребление бо как будто не связано с выражением каких-либо логико-смысловых отношений в содержании текста, а функционирует как своего рода сигнал риторического приема (т.е. функция этого слова приближена к междометной).

Таким образом, в древнерусских текстах книжного характера можно наблюдать следующую относительно регулярную взаимозависимость смысловой стороны и текстовой позиции ПЕ с частицей бо: 1) в начальной (первой) ПЕ текста частица бо - знак эмоциональной напряженности текста, в принципе не имеющий отношения к его семантике; 2) в составе не первой ПЕ частица бо служит средством акцентирования и выявления заложенных в содержании текста отношений объяснительного (обстоятельственного) характера.

Рассмотрим примеры употребления частицы бо в составе ПЕ, начинающих отдельные смысловые части текста. Несколько характерных примеров из Слова о полку Игореве: 1) се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата...

2) [Князь Игорь:] "хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго..." ;

3) Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию, влъци грозу въсрожать по яругам... ,

4) Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю ,

5) Уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыни си-

лу прикрыла...

Эти примеры приводятся по изданию с переводом на современный язык, выполненным Д.С. Лихачевым. Перевод первого примера: "Вот слетели два сокола...", перевод пятого, последнего: "Уже ведь, братья,..." В интерпретации древнерусского бо как современного "ведь" уже содержится элемент обстоятельственной семантики, однако усмотреть в таком употреблении бо функцию средства синтаксической связи ПЕ в сложную синтаксическую конструкцию еще нельзя. В Слове имеется пример употребления ПЕ с бо как будто не в начальной текстовой позиции: Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода... Постановку в издании двоеточия [1] можно рассматривать как указание на наличие между содержанием $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$ смысловой зависимости, которую эксплицирует бо. Однако без специального исследования это обнаружить не удается [2]. Возможно, ПЕ с бо здесь начинает новую мысль текста (о гибели Всеволода).

Подобную же смысловую ситуацию можно видеть в приведенном выше примере (3). Содержание $ПЕ_1$ Игорь к Дону вои ведетъ не поясняется последующим текстом, который представляет собой просто самостоятельное описание ситуации.

Аналогичные примеры находим в текстах других памятников: кто бо не почюдится убо блаженууму сему, еже в такой тьмьнѣ пещерѣ пребывая единъ мъножьства пълковъ невидимыхъ бѣсовъ

---

[1] В других изданиях находим здесь знак "точка с запятой".

[2] В комментарии по этому поводу сказано: "Игорь погнался за побежавшими полками ковуев, чтобы повернуть их, отдалился от своего войска и был взят в плен" (с. 720).

не убояся (И.Ф.Печ.); къто бо не въсплачеть са съмрьти тоѣ пагоубноѣ приводѣа предъ очи сѫдца своѥго образъ бо ѳ-аше оуныльи ѥго възоръ и скроушенѣе сьрдьца ѥго сѫто такъ бо бѣ блаженыи тъ правьдивъ и щедръ тихъ кротъкъ съмѣренъ ... (Ск.Б.Г, л.10а). Функционирование бо в составе $ПЕ_1$ в качестве знака эмоциональной приподнятости текста, по-видимому; было осознано как отработанный риторический прием автором Слова о Куликовской битве: 1) Дутче бо нам есть, братие начати поведати иными словесы ; 2) Уже бо яко орли слетаашася со всея полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съехалися вси князи руския к великому князю Дмитрею Ивановичу (с.35); 3) Уже бо въскрипели телегы мех Доном и Непромь, идут Хиновѣ в Руськую землю (с.36); 4) Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, свистомь поля перегороди, а злаченым доспехом посвечивает (с.38).

Хотя мы и квалифицировали бо в составе $ПЕ_1$ текста как не связанный с выражением причинных отношений знак риторического приема, по-видимому, можно отметить, что такие включения частицы бо все же привносят в текст некий семантический элемент, точнее - оттенок. Подчеркнутое посредством бо первое слово ПЕ может выступать как аргумент или иллюстрация к общему содержанию текста.

Этот семантический оттенок усиливается в том случае, когда перед ПЕ с бо имеется левый контекст. Содержание ПЕ с бо уже может соотносится с содержанием одной или ряда предшествующих ей ПЕ, и, таким образом, создаются предпосылки для образования сложной синтаксической конструкции, в структурной схеме которой бо выступает уже в функции синтаксической частицы в составе $ПЕ_2$. В этой текстовой позиции употребление

частицы бо обычно в той или иной мере связано с кругом причинных значений, но можно привести достаточно много примеров, в которых ПЕ с бо, по-видимому, не служит для выражения отношений причинного характера, а вводит дополнительную информацию, существенную с точки зрения пишущего для понимания текста. В летописях это часто авторские ремарки, прерывающие последовательность изложения событий: Оугри же исполчишася на заступы бѣ бо вгръ число(м) .р. тысящь (Лет.Лавр., л.91); Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскорѣ на колѣхъ, бѣ бо тогда месяць груденъ, реше ноябрь (П.вр.л. 2, л.88); и повѣле искати меду ѡни же шедше взаша меду лукно бѣ бо погребено в кнажи медуши и повелѣ... (Лет.Лавр., л.44).

ПЕ с бо могут содержать пояснения и рассуждения автора, прерывающие или заключающие тексты описательного характера: А хрьстияную Русь водиша ротѣ въ цьркъви святаго Илиѣ, яже есть надъ Ручаемь, коньць Пасынѣчѣ бесѣды: се бо бѣ съборьная цьркы, мьнози бо бѣша Варязи и Козаре хрьстияне. Игорь же... (Лет.Лавр.Дог.Игоря с греками): ... и сия видяще знаменья благовѣрнии человѣци со воздыханьем моляхуся к богу и со слезами, дабы богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывают ова на зло, ова ли на добро (П.вр.л.3,л. 268); и оуже на коньць жити-а прѣшьдъ прѣже оувѣдѣвъ ѥже къ боу сво-е ѡтшьствиѥ и дьнь поко-а сво-его правьдьнымь бо съмьрьть покои ѥсть (Ж.Феод.Печ.); Тъгда же оць нашь Феодосии напълнивъ са дха стго начатъ блодатию бжи-ею подвизати са ѥако же въселити томоу въ дрыго-е мѣсто помогающь томоу стомоу дху и цркъвь же великоу камени-ему възградити въ има сты-а бца и приснодвы-а мари-а пьрьвѣи бо цркви древанѣ соущи и малѣ на при-ати-е братии (Ж.Ф.Печ., л.60 в.);

иже и донынѣ влагают умершему в руку таковую молитву. И оттолѣ утвердися таковое написание полагати умершимь, прѣжде бо сего ин не сотвори сицевыа вещи в Руси (К.-Печ.п., с.304).

В Изборнике 1076 г. в текстах заповедей поучительного характера конструкции с частицей бо используются при обосновании разного рода нравственных запретов: славы земльныа никоѥмь же дѣлѣ не похощи слава бо земьнаа роуга-еть са любаштиимъ ю· припахноувъши бо въ мало врема чловкоу ѥако боура вѣтрьнаа и плодъ добрыихъ дѣлъ обронивъши· въ скорѣ же отъшьдъши посмѣ-еть неразоуми-ѥ ѥего (л. 33 об.); Се же ти заповѣдаю не раскаи са николи же о милостыни· ни поноси ништю ѥако далъ ѥмоу ѥси чьто· еда въ мьзды мѣсто соугоубоу тштетоу въсприимеши· всакъ бо даа-аи мл҃стыню и раскавъ са и поносивъ мьздоу си погоубить (л. 274 об.).

Разумеется, материалы об употреблении частицы бо нельзя разделить на группы примеров с бесспорным наличием или отсутствием в их содержании причинной семантики, тем более, что современное прочтение текстов, конечно, не может быть адекватным их древнерусскому смыслу. В следующих двух случаях употребления бо, по нашему мнению, можно видеть и объяснение (мотивировку) действий князей, и просто описание обстановки от лица летописцев: попа же башеть привелъ из роуси к собѣ· со стою слоужбою· не вѣдашеть бо бж҃иа промысла· но творашеть тамо и долъго быти·но избави и г҃ь ... (Лет.Ипат.).

В лѣто 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьнихъ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика· бес престани. В се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту... (П.вр.л.2,л.76).

Обратим внимание на то, что в большинстве приведенных выше примеров, в которых причинная семантика или отсутствует,

или выражена нечетко, обычно также нечетко вычленяется и структурная схема конструкции. Например, в последнем примере ПЕ с бо (бѣ бо рать велика бес престани) можно воспринять и как вторую часть сложной конструкции причины, и как самостоятельную ПЕ, содержащую только авторскую пояснительную ремарку.

Можно привести ряд примеров употребления синтаксической частицы бо в составе не первой ПЕ текста с более отчетливой соотнесенностью смысловых отношений причины между содержанием этой и предшествующей ей ПЕ: Сь оубо блговѣрьныи борисъ бл҃га корене сыи послышливъ о҃цю бѣ· покар-а-а са при всемь о҃цю тѣлъмь б-аше красьнъ, высокъ лицьмь кроуглъмь, плечи велицѣ· тънькъ въ чресла· очима добраама веселъ лицьмь (бо)рода мала и оусъ· младъ бо бѣ -еще · свѣт-а с-а цсрьскы крѣпькъ тѣлъмь ... (Усп.сб., л. 18 а). В этом перечне примет князя Бориса выделяется бинарное объединение ПЕ: борода мала и усъ младъ бо бѣ еще. Семантическая основа связи этих двух ПЕ в данном тексте вполне очевидна, она опирается на обычные бытовые понятия. ПЕ с бо может соотноситься по смыслу только с предшествующей ей ПЕ: конструкция бинарная и закрытая. Структурные схемы конструкций с использованием частицы бо при выражении в тексте подобных смысловых ситуаций были хорошо отработаны. Приведем еще примеры: ...суну копьемь С҃тославъ на Деревѧны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ (Лет.Лавр., л.16); на нея же воздѣваютъ новы порты; она же лежитъ аки жива суща; послушница бо была в монастырѣ (Пут. Зосимы, с.63); и потьпташа бежаще станы русскыхъ князь не успѣша бо исполчитися противу имъ (Лѣт.Новг., л. 98 об.); оутоли гнѣвъ бѣсѣ бо -есть оць -егда без мѣры исходитъ (Изб. 1076 г., л. 66 об.).

ПЕ с бо использовались при выражении причинной семантики и в более поздних текстах: Того же лѣта загорѣся городъ Москва от Всѣхъ Святыхъ сверху от Черторыи, и погорѣ посад и весь Кремль, и Заречье, бысть бо тогда засуха велика (Лет.Моск., л. 246 об.); и возмутися воздухъ от коньскаго ристанiя, и другъ друга не знающе, помрачиша бо са лица ихъ отъ пыли, вѣямыя по воздуху (Пов.Кат.Рост., с.589); Помышляю о себе, яко удавят мя еретики; попущено бо им гораздо (Аввакум, Письма., с. 218); не остави друга верна, новый бо не будет ему подобен (Пчела).

В итоге отметим:

1. Синтаксические конструкции с синтаксической частицей бо использовались в древнерусском и старорусском книжном языке при выражении широкого круга обстоятельственно-объяснительных ситуаций, складывающихся в содержании текстов памятников письменности. Отношения причины входили как часть в этот нечетко очерченный круг логико-смысловых связей содержательной стороны текстов.

2. В содержании тех произведений, в которых были употребительны сложные конструкции с частицей бо, причинно-следственные связи событий и фактов не были обычно предметом специального показа. Умозаключения причинного порядка могли возникать при чтении таких произведений как бы в подтексте, то есть вторым планом, после событийного.

3. Включение синтаксической частицы бо в состав не первой ПЕ текста указывает лишь на наличие смысловой связи содержания этой ПЕ с левым контекстом. Семантическая сторона этой связи этим включением определена лишь как не отношение условия (как при включении ли) и как не отношение тождества/про-

тивопоставления (как при включении же). А судить о наличии в содержании текста именно причинной смысловой зависимости как бы предоставляется читающему на основе его опыта, знания обстановки, обычаев и пр. Таким образом, включение частицы бо не создает в смысловой стороне содержания текстов причинно-следственной зависимости, а лишь подчеркивает ее, если она может вытекать из сопоставления конкретного содержания ПЕ с бо и левого контекста.

4. Семантическая сторона синтаксических отношений в сложных конструкциях с синтаксической частицей бо эволюционирует в сторону специализации этих конструкций для выражения собственно причинного круга семантико-синтаксических отношений.

Причинные отношения в конструкциях с асемантическими союзами (яко, еже, иже, что)

Эти союзы - примета древнерусских книжных текстов архаического строя. Они употреблялись также в текстах религиозного содержания, написанных церковнославянским языком. В этой сфере употребления древнерусского письменного языка тенденции к дифференциации и уточнению семантики логико-смысловых связей проявлялись в целом слабо и употребление асемантических союзов соответствовало такой специфике содержания этих текстов. Из числа асемантических наиболее часто используется союз яко. Включение в текст этого союза, определяя структурную схему сложноподчиненного предложения (бинарность структуры, ее закрытость), не касалось логико-смысловой стороны отношений между содержанием составляющих ее $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$. Однако все же следует отметить, что предложения причины, присоединяемые союзами яко и еже, занимают в конструкции позицию $ПЕ_2$.

Для иллюстрации сказанного приведем несколько характерных

примеров: Яко же и самъ Гъ въ Евангелии глеть Блжни милостивии ꙗко ти помиловани боудоуть (Изб. 1076, л. 275 об.); Хочю жити в Переяславци на Дунаи, ꙗко то есть середа земли моей, ꙗко ту вся благая сходятся (П.вр.л. 2, л. 50) посем же паки возропташа на Моисѣа и на Арона · рькуще луци ны бѣше вь єгюптѣ єже ꙗдахомъ мас(а) лукъ и хлѣбы до сыти (Лет. Лавр., л. 32) и посемъ паки возропташа на Моисѣа · и Арона иже не бы(сть) воды и рече Г(осподь) къ Моисѣови оудари жезломъ въ камень · рекъ єда и-сего не испусти(тъ) воды · и разъгнѣвасѧ (господь) на Моисѣа ꙗко не възвелич(и) Господа (Лет.Лавр., л. 32 об.; в другом списке на месте иже - еже); · рече имъ: выдайте волхва та сѣмо, ꙗко смерда єота мо-а и мо-его князѧ (Лет.Лавр., л. 59); Володимер же нача размышляти река: "аще сяду на столе отца своего, то рать имамъ съ Святополкомъ, ꙗко столъ преже отца его бьл" (Лет. Моск., л. 14 об.); и рѣша ему смыслении мужи: "не покушався противу имъ, ꙗко мало имаши вои" (Лет. Моск., л. 14 об.); царь же и великий князь не позна гораздо лукавства казанцев, ꙗко юнъ сьи, не послуша старых вѣрных совѣтников своих (Каз.ист., с. 374); мы же сего не смеяхом писати, ꙗко не бе свидетельства (Пов.Ул.Ос., с. 549). Поскольку союз ꙗко (и другие этого разряда) не специализирован для эксплицитного выражения причинно-следственных отношений между содержанием $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$, соответствующие смысловые связи возникают на основе общего контекста (с учетом постпозиции ПЕ, присоединяемой союзом). Таким образом, умозаключение о наличии причинно-следственной зависимости на основе конкретных данных в содержании поставленных с помощью асемантического союза в синтаксическую связь $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$ как бы предоставляется самому

читателю текста (при опоре на комплекс общих понятий о причинно-следственных связях, соответствующих времени написания памятника). Логико-смысловые отношения причины в содержании текстов при таком способе их выражения нельзя признать грамматикализованными семантико-синтаксическими отношениями, так как асемантический союз - не специализированное средство формального эксплицитного выражения семантико-синтаксических отношений. Сложноподчиненные предложения причины с асемантическими союзами представляют такой уровень специализации синтаксических служебных средств, при котором степень дифференциаций семантико-синтаксических отношений не требовала строго однозначного формального средства для каждого конкретного типа этих отношений. В конкретном употреблении в книжных текстах XI-XVII вв. сложные предложения с асемантическими союзами закономерно принадлежали к синонимичному ряду способов выражения смысловых отношений причинного круга значений.

Причинные отношения в конструкциях с семантическим союзом понеже

Мы отметили выше, что сложные предложения причины с заимствованными из церковнославянского языка союзами не могут привлекаться в качестве материала при исследовании начальных процессов формирования семантико-синтаксических отношений причины в истории русского синтаксиса XI-XVII вв. Однако функционирование этих союзов в качестве семантических в целом показательно для определения тех смысловых ситуаций, которые к XV в. в текстах произведений книжных жанров были обобщены как семантико-синтаксические отношения причины. Обратимся к наиболее показательным для наших целей сложноподчиненным предложениям причины с союзом понеже. В древнерусских текстах старшей поры

можно встретить примеры, которые, по-видимому, говорят о первоначальных процессах отработки структурных схем предложений причины с этим заимствованным союзом: придаточное предложение с понеже могло еще занимать позицию $ПЕ_1$, т.е. новая мысль, строфа, период могли начинаться со слова понеже. При этом в семантике построенного таким образом текста не были дифференцированы отношения условия и причины. Например:

Валерианъ рече понеже еси отъ добра рода роженъ и приязнь оца своего въздьрьжить ма нынѣ заповѣдѣ оубо любымь жьзли емь бити та повиноуи же са и жьри богомь... (Усп.сб., л. 125 об); Въпрос: Понеже по крщеньи съгрѣшихомъ и грѣхы осквьрнихомъ са нѣ ли намъ спсению надежда... Отъвѣт (Изб.1076г., л. 198).

Ко времени же наибольшей употребительности этого союза (XУ-XУП вв.) в структурной схеме сложных предложений с союзом понеже придаточная часть уже постоянно закреплена в постпозиции к главной и в семантике конструкции исчезает оттенок условия. Таким образом, в старорусских книжных текстах XУ-XУП вв. в сложноподчиненных предложениях с союзом понеже, по-видимому, оказывается воплощенным весь круг тех логико-смысловых отношений причины, который был выработан и обращался в традиционном содержании текстов соответствующих жанров. В пределах таких текстов этот круг логико-смысловых связей получает статус семантико-синтаксических отношений; союзы понеже, занеже (а также ибо) функционируют в качестве семантических союзов, специализированных для выражения этого типа семантико-синтаксических отношений в сложноподчиненном предложении.

Следует иметь в виду, что семантика синтаксических отношений причины никогда не была четко очерчена. В основе умозаклю-

чений о причине выступает и логическое обоснование сказанного, и аргументация каких-либо утверждений, мотивировка (цель) действий, авторские пояснения и под. Собственно причинно-следственные отношения, как их рассматривает логика: "то, что предшествует другому и вызывает его в качестве следствия" [Кондаков, с.293] - для содержания древнерусских (как впрочем и для большинства современных) [1] текстов не были характерны. Семантика круга причинных отношений опирается на бытовую логику: обычай, узус, постоянные повторяющиеся связи между событиями и фактами, повседневную практику. Приведем характерные примеры.

Пребезаконные Іудеи рѣша къ себѣ: не достоитъ намъ тѣхъ сребренниковъ положити въ корвану, сирѣчь въ казну, понежъ цѣна крови есть (Пут.моск. купцов, с. 146); А въ церкви... государю... не бити челомъ чтобы отъ того въ церкви Божіи церковному пѣнію смятенія не было, понеже церковь Божія устроена приходити на молитву, и православнымъ христіаномъ подобаетъ въ церкви Божіи стояти и молитися со страхомъ, а не земная мыслити (Улож. 1649 г., с. 8); единого ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, богъ ихъ поручилъ въ работу (Письма Ив.IУ, л. 127 об.); Вы же, измѣнники, аще и вопіете бесъ правды, ничто же убо пріимете понеже сластеи ради просите (Письма Ив. IУ, л. 174 об.); слышавше се Татарове Большие орды поне же близ ту кочевали, за одны день (Лет.Моск., л. 408); посылал есмь к тебѣ, богомольцу своему, боаръ своих...

[1] См. "Грамматика русского языка" т.II М., 1954, с.317,318.

о волостех и о селех, чтобы наша отчина Велики Новгород дали намъ волости и села, поне же намъ, великым княземъ, государьство свое держати на своеи отчинѣ Великом Новѣгородѣ без того нелзѣ (Лет.Моск., л. 448); ...а иные бы манастыри, государь, пожаловал, земль у них не ималъ, поне же тѣ убогы, земль у них мало (Лет.Моск., л. 449); ...и по тѣ камыши ѣздять далече, а во Египтѣ мало его родится, понеже около Египта все песокъ (Пут.Гогары, с. 117) Сей же патрiархъ Ермогенъ отъ Ростриги въ заточенiи бысть, понеже не послѣдствова дѣломъ его и о женидбѣ запрещенiе ему подавая на соборѣхъ... (Пов. о Рос.Царстве, с. 583); и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите простореч1ю нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хочет (Аввакум, Житие, с. 53); Токмо добра была царица Марья, а царя озлобили вожди злии и лукавыя власти, понеже приняли от Никона тово новизну ту (Аввакум, Житие, с. 260).

Поскольку союз понеже весьма употребителен в религиозных текстах, он используется и в тех случаях, когда в качестве аргумента приводятся цитаты из богословских сочинений, евангелия и т.п. При этом понеже может вводить такой текст (в позицию $ПЕ_2$) без указаний типа "рече", "глаголаше" и под. Примеры: Такожде и нынѣ уповаемъ его способника быти намъ паче, нежели вамъ, понеже "аще бы чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили" (Письма Ив. IУ., л. 79); Но обаче вы есте соблазнъ всему и начало злу, понеже по пророку, мнясте мя червя (Письма Ив. IУ, л. 170); Не малодушствуй, понеже "наша брань несть к крови и плоти" (Аввакум, Письма, с. 235).

Таким образом, для причинного аргументирования в конструкциях с союзом понеже в книжных текстах XII–XVII вв. характерны отсылка к авторитету, к признанной всеми истине, к известной цитате; подобные примеры демонстрируют существенную сторону семантики синтаксических отношений причины вплоть до XVII в.

Конкретный смысл отношений между содержанием $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$, которые выражались в сложноподчиненных предложениях с союзом понеже, соответствовал тому представлению о причинно-следственных связях, которое отражено в текстах произведений высоких книжных жанров. В качестве аргументов какого-либо положения в этих текстах обычны ссылки на богословские авторитеты, выявление аналогичных ситуаций в священной истории, цитирование высказываний Христа, пророков, деятелей церкви и под.; в качестве обоснования каких-либо рекомендаций, приказаний или запретов выступают ссылки на общие для того времени установления морали и нравственности; при объяснении причин реальных фактов или событий обычна опора на общие культурные понятия, на бытовую логику, коллективный опыт и пр. Таким образом, в основе умозаключений о причине всегда имеет место опора на так называемые фоновые знания, узус, общественную практику. Смысловая сфера конкретных реализаций выражения причинно-следственных отношений в книжных текстах XI–XVII вв. представляет определенную специфику, обусловленную жанровой ограниченностью и традиционностью содержания этих текстов.

Приблизительно к XV веку и до конца XVII в старорусском письменном языке книжного характера сложилось весьма своеобразное положение с выражением отношений причины. В форме сложных синтаксических конструкций бинарного типа эти отношения могли быть представлены с помощью служебных средств различных разря-

дов: с синтаксической частицей бо, с асемантическими союзами (еже, яко и др.), с семантическими союзами (понеже, занеже, ибо). С помощью каждого из этих служебных средств в сложных конструкциях мог быть выражен в основном идентичный круг типизированных логико-смысловых связей причины между конкретным содержанием $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$. Этот круг смысловых связей можно рассматривать в качестве грамматикализованных семантико-синтаксических отношений, для эксплицитного выражения которых функционировали специализированные семантические союзы понеже, занеже, ибо.

Для структурных схем сложных синтаксических конструкций причины со служебными средствами перечисленных разрядов характерна одна общая черта: служебное слово присоединяет $ПЕ_2$. В аспектах же эксплицитной выраженности семантико-синтаксических отношений причины и четкости бинарного строения эти конструкции представляют определенные различия. В конструкциях с синтаксической частицей бо в текстах старшей поры, бо сигнализирует лишь о смысловой связи обстоятельственного (объяснительного, поясняющего) характера. О наличии в этих отношениях именно причинно-следственной семантики на ранних этапах возможно судить лишь на основе контекста. Однако к XУ веку сложные конструкции, построенные с помощью синтаксической частицы бо, функционируют в основном как средство выражения собственно причинных отношений. Конструкции с синтаксической частицей бо в старорусский период в русском литературном языке сохраняют свои структурные особенности: бо занимает в составе $ПЕ_2$ позицию второго слова, присоединение ПЕ с бо к левому контексту факультативно (отсутствуют обычно коррелирующие элементы в ле-

вой части конструкции). ПЕ с бо может предшествовать не одна ПЕ, т.е. бинарность не обязательный признак этих конструкций.

ПЕ с бо может выступать как самостоятельная единица в тексте, то есть не входить в состав сложной синтаксической конструкции (аналог авторской ремарки).

В конструкциях причины, построенных с помощью асемантических союзов, тип семантико-синтаксических отношений устанавливается лишь на основе контекстных связей, то есть он не выражен эксплицитно. Структурная схема подобных конструкций характеризуется бинарностью и закрытостью. $ПЕ_2$ присоединяется факультативно (в составе $ПЕ_1$ нет обычно коррелирующих с союзом формальных элементов; имеет место левый синсемантизм).

В книжном языке русских памятников письменности XУ-XУП вв. семантико-синтаксические отношения причины выражаются эксплицитно и однозначно в сложноподчиненных предложениях с семантическими союзами. Включение этих союзов в текст вносит в семантику содержания $ПЕ_2$ значение причины по отношению к содержанию $ПЕ_1$. Это значение формально эксплицировано и не зависит от контекстных смысловых ситуаций. Структурная схема конструкций с этими союзами характеризуется четким бинарным строением. $ПЕ_2$ маркируется союзом как конечная. В составе $ПЕ_1$ обычно нет формальных показателей причинной зависимости (коррелятов), $ПЕ_2$ присоединяется факультативно при обязательности левого контекста (левый синсемантизм).

К XУ веку в русском письменном языке (сначала в деловой сфере его употребления) становятся продуктивными структурные схемы сложных синтаксических конструкций, построенные на основе соотношения формальных средств главного и придаточного предложений ("коррелят - союз" и "союз - коррелят"). Этот

принцип организации сложноподчиненных предложений не был чужд уже самым ранним древнерусским текстам (например, в предложениях времени, места, сравнения, условия и др.). В сложных конструкциях с семантико-синтаксическими отношениями причины как характерную черту структурных схем мы отмечали постпозицию придаточной части по отношению к главной при слабой продуктивности в последней соотносительных с союзами формальных средств. При этом возможность соотношения с коррелятами для различных разрядов служебных слов была различной: корреляты практически не отмечены в соотношении с синтаксической частицей бо и с союзом ибо, они крайне редко встречаются в соотнесении с асемантическими союзами (яко, еже (иже), что). Семантические союзы понеже и занеже употреблялись в большинстве случаев тоже без коррелятов, однако единичные примеры коррелятов с этими союзами все же отмечены [Преображенская 1979].

Таким образом, примерно до XУ века в восточнославянской письменности при выражении круга причинных отношений в сложных синтаксических конструкциях наблюдается отчетливое превалирование древнего принципа юнкстапозиции, то есть факультативного присоединения $ПЕ_2$ к автосемантичной $ПЕ_1$. Этот принцип строения сложных конструкций, отвечающий общей архаичной организации текстов произведений традиционных книжных жанров письменности, по-видимому, постепенно переставал соответствовать новым, расширяющимся требованиям к письменному языку. Как показатель поиска новых средств выразительности структурных схем сложноподчиненных предложений причины можно интерпретировать получившее широкое распространение в XУ-XУП вв. явление в области словообразования союзов причины, охватившее только область книжных текстов. В этот период вновь становится весьма продуктивным ис-

конный способ создания служебных средств сложного предложения - сложение старых служебных слов с синтаксическими частицами (ср.: аще ли, еже ли, есть ли, так же, тоже и др.[См. Преображенская *1987*]). Семантические союзы причины понеже и занеже в составе сложноподчиненных предложений начинают все чаще употребляться в сочетании с синтаксической частицей бо (понеже бо, занеже бо). Эти сочетания изредка отмечаются и в более ранних текстах, но к XУ веку они приобретают высокую частотность и функционируют уже как союзы причины, никогда не разделяясь в тексте: видѣхомъ некоторых с нами идущихъ поклонитись гробу Господню, и паки видѣхомъ ихъ к богу отошедша на пути занеже бо бѣ на пути многи скорби бываютъ отъ беззаконных Турков и от Аравитянъ на морѣ и на сушѣ (Пут.Моск. купцов., с. 141).

Наибольшее распространение получает сложение частицы бо с семантическим союзом понеже (реже занеже): А новгородци ... плакахоуся кождо себѣ, видяще свою погыбѣль, поне же бо соуздальци и оулици поделиша на своя грады (Лет.Пск. 2., л. 168 об.); а король сам к нему не поиде, ни силы своея не посла, поне же бо быша ему свои усобици (Лет.Моск., л. 463); ... и тѣло великого князя Александра Невского згорѣ, поне же бо в тѣле лежаше и наверху земли положен (Лет.Моск., л. 471); Князь велики отхожаше, но спешаху стричи его: Даниилъ митрополитъ положи на игумена на троицкого патрахиль, а самъ постриже его и положи на него перѣманатку и ряску, а манатии не бысть, занеже бо спѣшачи несучи выронили (Пов. бол. см. Вас.III, с. 42). В том, что именно семантический союз понеже чаще других (например, асемантических) встречается в текстах в сложении с частицей бо, проявляется, по-видимому, свойство синтаксических частиц не

вносить, но акцентировать и выявлять ту семантику, которая уже заложена в акцентируемом слове; бо, выступая после причинного союза понеже, как бы дублирует его, усиливает семантику и смысловой вес именно союза причины в сложноподчиненном предложении.

Казалось бы, логичнее ожидать употребления бо в качестве формального средства, дифференцирующего и уточняющего смысловую сторону текста при асемантических союзах. Однако это противоречило бы основному функциональному назначению синтаксических частиц: не дифференцировать, не уточнять характер синтаксических отношений в тексте, а подчеркивать и выявлять семантику определенного круга смысловых связей. Однако обратим внимание на то, что структурные параметры сложноподчиненных предложений причины с "усиленными" синтаксической частицей союзами оставались неизменными. Присоединение бо, акцентируя семантику союза причины, не изменяло, однако, структурную схему всей синтаксической конструкции.

К концу XVII и в XVIII веке в русском письменном языке можно наблюдать развитие тенденции к изменению именно структурной схемы сложноподчиненных предложений причины с союзом понеже. Продуктивными становятся конструкции, в которых союз вводит придаточное предложение в позиции $ПЕ_1$, а в состав главного предложения ($ПЕ_2$) включается соотнесенный с союзом коррелят. Эти конструкции получают широкое распространение в основном уже за рамками традиционных книжных жанров письменности. Они характерны для деловых писем, распоряжений, для языка науки. Например: Понеже ум различные свойства или обстоятельства имеет, то и воля, мню, також различие в себе заключает? (Тат., с. 58); Понеже корень вѣкъ имѣетъ въ себѣ букву ѣ: то и всѣ про-

исходящія отъ него слова, т.е. производныя и ихъ сложныя и измѣненныя, оную удерживаютъ [Барсов, с. 88].

Союз понеже в составе сложных конструкций с различными структурными схемами широко используется в текстах писем и деловых бумаг Петра I. Приведем несколько образцов: Господа Сенат. Понеже для важных дѣл пріѣдет к вам господин адмирал, по которого предложению неотмѣнно все ізправьте, понеже зело нужно. Петръ. (с. 199); Благодарствую зело за пърезентъ полпива, понеже у нас такова нѣт (с. 203); Брегантины, чаю, уже готовы, понеже время доволно было для строения (с. 168); Понеже пишите вы, что правианту вскоре вывесть в Гарц невозможно, того для в Межиходе у Магазеина оставьте, по указу, полк пехотной и ста полтора или два драгун (с. 112); Понеже мы получили вѣдомость, что транспортъ будут в Курляндию, того ради зело опасаюсь нѣт ли с "рижскими бургерами какого у непріятеля согласия (с. 103); Понеже писали мы к вам, дабы для збору доходов, ... посылать на ексекуцию наших драгун, и ныне по получении сего указу тое ексекуцию до времени оставьте и драгун наших, которые с вами были, ис Курляндии вышлите к Риге. (с. 175); Понеже для некоторого важного дела послан указ к обор-каменданту Полонскому и что оной вам объявит, то чини с ним вместе. (с. 102); Понеже доволно к вам уже писано дабы вы с людми ис Полши выходили ... , о чем паки подтверждаем, дабы вы конечно то учинили безо всякого замедления (с. 132); Господа Сенат. Понеже хотя мы пред сим и писали к вам о посылке в корпус фелтьмаршала Шереметева мундиру, лошадей и протчего, чего он требует, однако и ныне о том же подтверждаем, ибо он в таком нашем далном отбытии непрестанно к нам з докукою пишет, також и генерал Вейд, что сами усмотрите из при-

ложенных при сем с писем их копий (с. 233).

Приведенные примеры с очевидностью показывают, что изменение структурной схемы конструкций связано с изменением их синтаксической семантики. Так, примеры (2) и (3) из текстов Петра I представляют собой обычные для древне- и старорусского книжного языка сложноподчиненные предложения с придаточными причины с семантическим союзом понеже. Они построены по традиционной схеме: автосемантичная $ПЕ_I$, к которой факультативно посредством союза присоединена $ПЕ_2$. В составе $ПЕ_I$ нет соотносительных с союзом формальных элементов, - семантико-синтаксические отношения причины создаются включением в конструкцию союза понеже (в позицию начала $ПЕ_2$). В примерах 4 и 5 семантико-синтаксические отношения, лежащие в основе конструкций с союзом понеже перед $ПЕ_I$ и с соотнесенными с ним коррелятами в составе $ПЕ_2$, можно интерпретировать как обусловленную причину (аналогично современным "поскольку... то", "в связи с тем, что"). В примерах 4 и 5 реализована полная структурная схема такой конструкции: союз понеже, начиная $ПЕ_I$, делает ее синсемантичной (семантически незавершенной); в составе $ПЕ_2$ эта незавершенность формально восполняется коррелятами (того для и сего ради). Примеры 6 и 7 интересны тем, что при синсемантичной $ПЕ_I$ в позиции коррелята в начале $ПЕ_2$ находится союз и. В примере 8 союз понеже в начале $ПЕ_I$ как будто создает ее синсемантизм, но формально смысловая незавершенность $ПЕ_I$ остается незакрытой, так как в составе $ПЕ_2$ нет соотнесенных с этим понеже элементов. В примере 9 союз понеже, по-видимому, избыточен и употреблен как обычный знак начала письма, весь дальнейший текст которого не соотнесен с этим начальным союзом, а стро-

ится на основе соотношения хотя - однако.

В XVIII веке сложноподчиненные предложения, начинающиеся союзом понеже, получают настолько широкое распространение, что встает вопрос о том, чтобы признать их нормативными. Так, М.В. Ломоносов в материалах к "Российской грамматике" относит понеже к числу союзов, которые "предлагательные суть" [Ломоносов, с. 757], а в самой "Российской грамматике" предлагает рассматривать как равнозначные конструкции с союзом понеже (в $ПЕ_1$) и с союзом потому что (в $ПЕ_2$). Это доказывается Ломоносовым путем сопоставления примеров: "Крез много может, потому что богат - Понеже Крез богат то много и может". [Там же, с. 573]. Очевидно, что различным структурным схемам этих сложноподчиненных предложений соответствует не замеченная Ломоносовым разница в семантике синтаксических отношений: оттенок условия во втором случае подчеркнут коррелятом то, не свойственным причинным конструкциям. Интересно, что в окончательном тексте "Российской грамматики" союз понеже все же не включен в число "предлагательных" (то есть тех, которые могут употребляться в начале конструкции).

В рассмотренных фактах изменения структурной схемы сложноподчиненных предложений причины с союзом понеже можно видеть пример отражения общей линии развития синтаксического строя. В XV-XVII вв. принцип юнкстапозиции, отвечающий текстам нарративического характера (автосемантизм каждой ПЕ текста, преобладание левого синсемантизма в сложных синтаксических конструкциях), постепенно уступает место принципу синтаксической связи ПЕ, при котором тип семантико-синтаксических отношений эксплицируется формальным средством, включенным в состав $ПЕ_1$ (правый синсемантизм); в состав $ПЕ_2$ при этом включается соот-

носительные элементы как дублирующие семантику формального элемента из состава $ПЕ_1$, так и асемантические. Однако всякое изменение структурной схемы конструкции обычно связано с изменением ее синтаксической семантики: употребление соотношения понеже -сего для эксплицирует уже не просто отношение причины, а отношение обусловленной причины (ср. совр. поскольку); для выражения же "чистой" причинной зависимости придаточное с понеже по-прежнему должно занимать позицию $ПЕ_2$.

Таким образом, по данным письменности ХУП - нач. ХУШ вв. в употреблении союза понеже можно констатировать тенденцию к выходу его за рамки архаических книжных текстов, что, вероятно, связано с потребностью в союзе причины для деловых текстов. Однако традиционная структурная схема сложноподчиненных предложений причины с союзом понеже, видимо, уже не удовлетворяла пишущих. Отсюда, возможно, и стремление построить более выразительную, энергичную по форме конструкцию с понеже в начале $ПЕ_1$. Это несоответствие структуры сложноподчиненных предложений с союзом понеже новым в синтаксическом строе требованиям формального и семантического плана в соединении с его яркой стилистической маркированностью, по-видимому, способствовали утрате союза понеже в русском литературном языке.

Семантика причины в гибких структурах с союзным сочетанием потому что

Как неоднократно отмечалось, к ХУ веку наблюдается значительное расширение функций русского письменного языка. Это происходит главным образом за счет увеличения доли текстов делового содержания. При выражении в этих текстах семантико-синтаксических отношений причины практически совсем не используются рассмотренные нами выше служебные формальные средства,

получившие развитие в книжном языке. Это связано с различиями конкретного содержания текстов, которые писались книжным и деловым языком, с традицией употребления в них различных синтаксических конструкций. В содержании текстов деловых документов причинные смысловые отношения обычно не были предметом выражения в форме сложноподчиненных предложений. В текстах этого рода могут быть представлены достаточно широко лишь указания на конкретную причину. Эти указания в форме сочетаний различных предлогов с существительными или местоимениями включались в качестве обстоятельства причины в состав простого предложения. Такие случаи обозначения причины отмечены в книге С.И. Коткова и З.Д. Поповой: от + род.п. (а нам сиротам твоим от их воровства жит стало невозможно); с + род.п. (хотя такое слово з глупости и молвил); за + твор. п. (и за тою ссорою того дѣла ведать невозможно); за + вин.п. (и за ту де краденую свинью их... били батого) и т.п., см. [Котков, Попова, с. 136]. Подобное использование предложных сочетаний для указания на причину можно встретить не только в текстах делового характера, но и в летописи, например: Тогда повѣдаша князю великому что князь Олегъ Резаньскыи послалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣкахъ мосты перемѣталъ. Князь же великiи про то въсхотѣ на Олга послати рать свою (Лет. Рогожск., л. 334 об.).

Обращает на себя внимание что подобные указания на причину могли представлять собой сочетания местоимений и существительных с очень разнообразным набором предлогов. К названным выше можно добавить также предлоги о, через, для, ради (последние два возможны в постпозиции к имени) и др. Употребление предлога по и, соответственно, сочетания по тому при обозна-

чении причины, как правило, не встречаются.

В деловой речи XV-XVII вв. складывается союзное сочетание по тому что; синтаксические конструкции с ним становятся к XVII веку наиболее распространенными в русском письменном языке при выражении семантико-синтаксических отношений причины в форме сложноподчиненного предложения. Как очевидно, по тому что представляет собой устойчивое сочетание соотносительных между собой двух служебных элементов. Однако это не обычное сочетание "коррелят- союз". Особенность его в том, что, во-первых, элемент по тому, в отличие от коррелятов, не факультативен, а обязателен; во-вторых, в этом союзном сочетании вся семантическая информация сосредоточена в элементе потому, асемантический союз что маркирует только структуру конструкции. В этих свойствах - принципиальная новизна структурной схемы сложноподчиненных предложений причины с союзным сочетанием потому что: выработан тип конструкции с так называемой гибкой структурой.

В истории образования причинного союза потому что произошло объединение двух по отдельности самостоятельно функционирующих в письменности служебных элементов - предложно-местоименного сочетания по тому и асемантического союза что. Рассмотрим каждый элемент.

Со служебным словом что могли быть построены причинные сложноподчиненные предложения двух разновидностей: 1) с эксплицитно не выраженными семантико-синтаксическими отношениями (смысловые отношения устанавливаются на основе контекста) и 2) сложноподчиненные предложения, построенные по принципу относительного подчинения, в которых что в качестве союзного слова соотносит придаточное предложение с обстоятельством

причины, названном уже в главном предложении. Несколько примеров: и псковичи емоу не почаша соулити, а стали за зборованиа и за свою стариноу, что онъ хочеть наместника и печатника и своею рокою сѣжати Новгородцовъ, а не псковичь (Лет. Пск., 3, л. 74); ... и я ему вѣры не нялъ, что онъ сам отъ Писанiя говорилъ недобро (Акты., № 239, с. 249); а в нем три двара кресянских пустых, что тѣ кресяне в РЛА м году из дворов бежали (Южн. отк., 265); подобные конструкции отражены в старинных пословицах: Видит собака в кувшине малако да не достанет что глубоко (Пословицы XVII в. л.332); Вражда бабе с мешкомъ что не ходитъ он пешком (Там же, л. 332 об.); Изсох что трясца над куривомъ (Там же, л. 348 об.). (2) ... мене богъ казнилъ за мое высокоумие, что наступилъ есми на Русь на крестномъ целование (Лет. Моск., л. 239 об.) А на Мякъку поити ино стати в вѣру бесерменьскую, зань же христiане не ходятъ на Мякъку вѣры дѣля, что ставят в вѣру (Хож. Аф. Ник., л. 386 об.); И Махмет-Салтанъ, потребивши царя Костянтина і вземши вѣру христiянскую себѣ в помощь, Богом выдана грѣхъ ради ихъ і гордости, что они миръ от царя отбивали і жалобниковъ къ царю не припущали (Пересветов, с. 66); а ему за вину, что онъ крестъ поцелуѣтъ не на правде, учинить жестокое наказанiе (Улож. 1649, с. 84).

Семантико-синтаксические отношения между содержанием $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$ в конструкции второй разновидности можно свести к пояснению, так как $ПЕ_2$ раскрывает или поясняет обстоятельство причины из состава $ПЕ_1$, см.: [Преображенская 1979, с. 339].

Исследователи исторического синтаксиса русского языка рассматривали подобные конструкции как характерные для древнейших стадий развития синтаксического строя. [Потебня 1968,

6736

с. 307-308], [Коротаева, с. 205]. По существу это такая синтаксическая конструкция, которая в современном русском языке закреплена за сложноподчиненными определительными предложениями с присловным отнесением придаточного [Поспелов], [Белошапкова]. В семантическом плане эти предложения в древних текстах характеризует направленность не на выражение отношений причины, а на обозначение конкретного обстоятельства причины. Союз что выступает здесь только как показатель структуры сложноподчиненного предложения (левый синсемантизм).

Что касается компонента по тому, то он интересен в двух планах: 1) со стороны своей семантики и 2) со стороны функционирования его в качестве синтаксического служебного средства.

Семантика сочетания по тому образуется сложением семантики указательного местоимения тотъ и семантики предлога по.

Предлог по с формами дательного падежа уже в древнейших восточнославянских текстах, как и в церковнославянском языке, используется не только в своем исконном пространственном значении, но и в ряде переносных, в частности, в ситуациях сравнения, следования образцу и под. И.И. Срезневский среди других отмечает следующие, актуальные для нашей темы значения (примеры даем выборочно): " 7) для указанія основанія - согласно, на основании: - По обычаю праздьника (Остр. ев.); По пьрвых царевъ оураженью (Церк. уст. Влад.); Тако имете блюсти по нашему докончанью (Дух. Сим. 1353 г.); как тягли издавна и при Олексѣи митрополитѣ, по тому жь и нынѣча потягнутъ (Уст. гр. Вас. Дм. 1392 г.) - 8) для обозначенія сходства положенія - подобно: По бъчелѣ любострадьнѣи (Жит. Оед. Студ. 39) - По томъ же - так же: - ... гробъ же Уаковль и женѣ Лiинъ по тому же близъ себе (Дан. иг.)" [Срезневский, т.II, с. 980].

Обладающие дейктической функцией в силу своей семантики указательные местоимения тот и сей использовались в древнерусском языке как элементы, уточняющие и коррелирующие смысловые отношения в содержании текстов. В связи с утратой древней трехчленной системы указательных местоимений (тот - сей - он) и развитием двучленного противопоставления (тот - этот) [Кузнецов, с. 316], формы местоимения тот приобретают обобщенное значение указательности, и сочетания типа сего для (ради), по сему и др. все больше уступают место сосуществующим с ними ранее предложно-местоименными сочетаниями типа того для (ради), по тому и др. На такой основе определилась предпочтительная употребительность форм указательного местоимения тот в русской письменности XУ-XУП вв.

Сочетание по тому (без союза что) было весьма употребительно в русской деловой письменности. Его семантика при этом может соответствовать внутренней форме составляющих его частей: ѡ судѣх о церковных... что суды церковныи и въса ѡправданiа церковнаа как пошло издавна по тому же и мы нынѣча оуправили, ох бы то неподвижно было николи наперед (Уставы); ...и велѣл судьям присудити ответчиком... по тому отводу как вели ответчиковы старожильцы (Акты). Интересен пример с вопросительным сочетанием "по чему?": а того де мы не вѣдоем по чему ѡне теми озерки влодѣютъ пѡ гсдрве ли грамоте или по писцовѣ дачи (Южн. отк., с.114). Очевидно, что вопрос не о причине, а о конкретном документе, которым руководствовались.

В ряде случаев сочетание по тому в качестве указания на образец, которому предписывается следовать выполняет как бы (вводящую или инструктивную) функцию: ... приговорилъ царь... какъ быти чину на поставленiи митрополичи. И быти чину по

6736

тому (Акты). В этом тексте далее следует описание церемонии, которую установил царь, то есть в современном языке после потому можно поставить двоеточие.

В XV-XVII вв., с развитием делопроизводства создается множество разнообразных текстов хозяйственного, административного и бытового назначения, вырабатываются общие правила составления документов, определенные части документов пишутся по устоявшимся традиционным формулам или штампам. Сочетание по тому использовалось в составе формул, которыми обычно оканчивались письменные распоряжения: дарственные грамоты, завещания и под. Например: а велѣлъ ходити о всем по тому как в сей грамотѣ писано (Акты) ; се аз князь... да князь... дали есмя... в дом к Пречистой к Благовѣщенью на Киржаче... село... с деревнями... со всем по тому что к тому селу из старины потягло, с лѣсы, и с луги, и с пожнями и со всеми угодьи куды ис того села и из деревень соха и топор и коса ходила (Акты русск. госуд. № 284); ...вѣлѣл то сельцо Савастьяново и з деревнями дати в дом живоначальной Троице в Сергеев Манастырь со всѣм по тому что к тому селцу и к деревням изстари потягло как бывало за Петром по старине (Там же № 250). В этих примерах сочетание по тому указывает на старую практику землепользования. Такие ссылки служили юридическими основаниями при доказательстве права на владение. [Борковский 1958, с. 147]. Сочетание по тому используется также постоянно и в подтверждениях силы документа: ... а велѣлъ у них ходити о всем по тому как в сеи грамоте писано (Там же № 324); а велѣл есми ему от них и по них ѣздити с моею великого князя прибавкою по тому как от них и по них ездил Олеша Тутыха по сеи моеи грамоте (Там же № 86); ... а о всемъ ве-

лѣли ходити по тому как в нашеи новои государьскои грамоте нынѣшняго 131-го году написано (Там же). В этих примерах непосредственно за по тому следует что или как. Однако это лишь внешне совпадающие с союзами причины последовательности слов, в которых по тому скорее компонент конструкции сравнения, а не причины. В текстах XУ-XУП вв. сочетание по тому отмечено в синонимичном употреблении с коррелятом так: и не поча по тому чинити, яко же люди хотяху (Лет. Моск., л. 43 об.) И в томъ во всемъ по тому же дѣлай как я тебе про мужкѣтъ указалъ (Уч. хитр. ратн. стр., с. 6) [Сорокина, с. 355].

Сочетание по тому (без союзов что и как) могло употребляться также и при выражении причинно-следственных семантико-синтаксических отношений в конструкциях бинарного типа: А когда царя коронуютъ в то время бываетъ ему помазание елеомъ и потому имянуется помазаник (Котош., с. 5); И послы Иван Михайлович с товарищи говорили: "мы того не ведали, что государь ваш по грехом ещо недомогает, потому есмя вам и говорили" (Путеш. рус. послов, с. 13).

Последние два примера взяты из статьи Б.М. Марковой, посвященной по тому как лексическому комплексу, но при этом в статье выделяется так же и существенная синтаксическая особенность функционирования комплекса по тому: он "указывает не на определенный член предшествующего предложения, а на предшествующее сообщение в целом, имея обобщенное значение... Лексема потому, таким образом, оформляет предложение со значением вывода, следствия". В статье, однако, делается заключение о невозможности выдвинуть четкие критерии, чтобы разграничить "семантико-синтаксические функции лексемы потому". Автор цитирует в подтверждение своей точки зрения следующее мнение

Э.И. Коротаевой: "Предложения с местоименными соотносительными словами занимают как бы переходное положение. Такие положения в целом уже не сочиненные, внутренне здесь все подготовлено к переходу в подчинение, но с точки зрения современного языка не хватает подчинительного союза" [Коротаева, с. 39]. К этому выразительному определению синтаксического статуса слов типа потому следует добавить, что "не хватает" не только союза, но также и отработанной структурной схемы сложноподчиненного предложения. По-видимому, вопрос должен стоять не о переходе сочинения в подчинение. Этой традиционной точке зрения на этапы развития синтаксиса уровня сложного предложения в последнее время противопоставлены другие версии, в свете которых можно рассматривать и вопрос об определении синтаксического статуса предложно-местоименного сочетания по тому в текстах деловой письменности XУ-XУП вв. Так, в упомянутой выше книге С.И. Коткова и З.Д. Поповой представлено следующее описание функции сочетаний типа по тому: "Постпозитивная предикативная часть может изъяснять содержание целой предшествующей предикативной единицы. В этом случае раскрывается основание, причина, логическое обоснование предшествующего действия. В тексте такое разъяснение нередко состоит из цепочки предикативных единиц, которая вводится формами указательных местоимений: по тому, для того; союз между частями отсутствует" [Котков, Попова, с. 54]. Акцент на синтаксическом строении только второй, правой, части конструкции связан с общим теоретическим положением авторов, согласно которому семантико-синтаксические отношения причины в текстах деловой письменности XУI-XУП вв. выражались по модели "постпозитивного подчинения ПЕ, раскрывающей содержание предшествующего

слова или предшествующей ПЕ" (с. 39). Мы считаем необходимым одновременно обращать внимание и на левую часть текста, которая, в свою очередь, может представлять собой ряд ПЕ и не содержать при этом таких элементов, которые необходимо "изъяснять" во второй части (то есть левая часть может быть автосемантичной). Членящие текст на смысловые отрезки служебные средства типа по тому, по-видимому, вообще характерны для текстов с такой общей структурой, для которой принцип бинарности сложных конструкций не является ведущим.

Таким образом, рассматриваемые предложенные сочетания указательных местоимений (по тому, сего для (ради), того для (ради) и др.) без союзов что и как функционируют на текстовом уровне и не входят в состав структурных схем сложноподчиненных предложений. Служебная суть подобного использования указательных местоимений состоит, с одной стороны, в указании на конец первой части сообщения, а с другой - на начало последующей. В семантическом плане это функция как бы подытоживающего вывода.

Такое употребление форм указательных местоимений можно встретить уже в древнейших текстах, в целом построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ. Например: [княгиня Ольга:] Азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, яко же и мужь мой, сего прошю у васъ мало. Вы бо есте изънемогли в осадѣ, да сего у васъ прошю мала (П.вр.л.2,. с. 44); гла ѥмоу крстохранитель аще чьто ѥсть възбранил ино. сь же глаше поне же не прчащаю сѧ стыи и съборьнѣи црквѣ, нъ севгирою тѣмь възбранѧѥмъ ѥсмь вънити (Син. пат., л. 35); плакахуся живыи мертвыхъ понеже умножашася множество мертвых, и в градѣхъ мертвыя, и в селехъ, и в домѣхъ мертвыя, и в храмѣхъ и у цер-

квеи мертвыя, много же мертвых а мало живыхъ тѣмъ не успѣваху живіи мертвых опрятывати... (Лет. Тр. 1364 г., с. 380).

В более поздних текстах в той же членящей смысловую сторону содержания функции выступают сочетания указательных местоимений с предлогами: [Татары:] а вы възмите с нами миръ; аже выбежеть къ вам [половцы] а биите ихъ оттоле, а товары емлите к собе: занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дѣля и мы биемъ (Лет. Новг., л. 97 об.); Многими и великими язвами с похмелья уязвляемся на кабаке, вси есмы страждем от своего неистовства; сего ради клянем тя, а не можем лишитися (Сатиры о пьянстве, с. 80). (Подробно об этих конструкциях см.: [И.Г. - 79, с. 229-331]).

Синтаксические функции указательных местоимений в подобном употреблении, по-видимому неправомерно связывать со структурой сложноподчиненных предложений. В современном русском языке в подобной функции выступают слова поэтому, тем самым и под.

Разбор синтаксических функций предложно-местоименного сочетания по тому показывает, что как семантический компонент союзного сочетания причины потому что оно выработалось сравнительно поздно, пройдя этапы употребления в качестве служебного средства, акцентирующего, - главным образом в деловых текстах архаического строя, - смысловые отношения в ситуациях сравнения с образцом, прошлой практикой, содержанием документа, обычаем, каноном и пр. На такой основе проводились умозаключения по аналогии о правильности, достаточности основания для поступков, для права на владение и под. Постепенно внутренняя форма сочетания по тому затенялась, и оно все чаще и шире используется при выражении круга причинно-следственных отношений.

О сравнительно поздней специализации сочетания по тому для выражения отношений причины говорит также факт позднего сложения соотносительной пары "вопрос - ответ": почему? - потому. В изучаемых текстах вопрос о причине обычно строится с вопросительными словами почто? о чем? чего для? Например: "Мужи македонстии, дружино моя! Почто ся смятосте, слышавше грамоту Дарьеву, аки право суще клюкаво его писание..." (Александрия, с. 250); А се еще жены послушал, идолом поклонился, оставя бога жива... А я, бражник, никому не поклонился, кроме господа своего. О чем ты в рай вшел? И царь Соломон отъиде проч посрамлен. (Пов. о браж., с. 595); Святи отцы почали глаголати: "Почто ты, бражник, вниде в рай и еще сел в лутчем месте? (Пов. о браж., с. 596).

Итак, для выражения в содержании древнего текста смысловой зависимости причинного порядка могли быть использованы по отдельности каждый из двух компонентов, составляющих союзное сочетание потому что. Однако, если использовалось только по тому, структурная схема конструкции не обладала обязательным признаком бинарности, то есть элемент по тому акцентировал смысловые связи на текстовом уровне, а не в рамках сложноподчиненного предложения. Кроме того, в этом случае элемент по тому не был специализирован для обозначения только круга причинных отношений: его употребление чаще связано с выражением семантики следствия, подытоживающего вывода, сравнения с образцом, узусом и под. Если же использовался только асемантический союз что, структурная схема конструкции характеризуется признаками сложноподчиненного предложения, но семантико-синтаксические отношения причины остаются невыраженными.

6736

Приведем примеры использования предложно-местоименного сочетания по тому и союза что в тексте ответов одного и того же лица - художника, обвиненного в ереси за отступление от традиционного понимания канона в изображении деталей росписи церкви: 1) а о крылѣхъ, что покрыто тѣло Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, говорил есми потому, что Латыня так говорят, что закрыто было тѣло... на кресте крылы (Акты, № 238); 2) ... а то писалъ по тому на свой разум, того [т.е. образца] не ималъ и азъ въ томъ виноватъ (Там же); 3) А о жертвенникѣ о Благовѣщенскомъ усумнѣвался есми потому что опричь стѣны не дѣланы жертовники; и ты, государь, сказывалъ, что въ томъ святѣй церкви сомнѣнія ни разньства никотораго нѣтъ, понеже в соборной церкви в Великомъ Новъгородѣ тѣмъ образцомъ святые жертовники есть отъ древнихъ лѣтъ (Там же). В примере (1) значение образца и причины слиты, последовательность слов по тому что не составляет союзного сочетания причины. В примере (2) употребление потому (без что) создает синсемантизм и семантику причины для $ПЕ_1$; отсутствие союза что в составе $ПЕ_2$ делает конструкцию формально незавершенной (если не отнести ее в разряд бессоюзных); в примере (3) функция последовательности слов по тому что аналогична функции союзного сочетания потому что в современном русском языке. Впрочем, четкое определение семантики синтаксических отношений в подобных примерах, по-видимому, еще невозможно.

Предложно-местоименное сочетание по тому, будучи связанным с выражением в тексте причинно-следственных смысловых связей, (как и другие сочетания типа сего для, того ради могло одновременно коррелировать с относительным местоимением что, функционирующим в качестве асемантического союза. Таким обра-

зом, в рамках текста на основе соотносительной пары служебных слов потому - что могло создаться бинарное объединение ПЕ со структурной схемой сложноподчиненного предложения. В текстах XУ-XУП вв. в общем процессе уточнения и дифференциации семантики синтаксических смысловых связей можно наблюдать и процессы дифференциации формальных средств языка, которые специализировались для конкретизации типов семантической связи. Этот процесс проявляется также и в такой категории служебных средств, как коррелята причины. Главным образом вследствие дифференциации семантико-синтаксических отношений причины и цели сочетание по тому становится ведущим при выражении причинной семантики в соотношении с союзом что (коррелята же того ради, сего для и нек. др. закрепляются за конструкциями с целевой семантикой). При этом постепенно затеняется исконная семантика внутренней формы сочетания по тому (сравнение с образцом, аналогия с прошлой практикой и под.)

Как подчеркивалось выше, предложно-местоименное сочетание по тому выступает в деловой речи в качестве коррелята причины начиная с XУ в. При этом этот коррелят отмечен только в соотношении с союзом что. В сложноподчиненных предложениях причины с другими союзами преимущественно в более ранние периоды коррелята функционировали как факультативное уточняющее и акцентирующее причинный характер семантико-синтаксических отношений; дублируя семантику союза (например того для - понеже). В этих случаях семантико-синтаксические отношения оказываются эксплицитно выраженными дважды (в составе $ПЕ_1$ - коррелятом и в составе $ПЕ_2$ - союзом). Отсюда факультативность коррелята. Союзное сочетание потому что отличается от других коррелятивных соотношений тем, что компонент потому - единственный и

поэтому обязательный - носитель семантики синтаксических отношений в сложноподчиненных предложениях причины. Это союзное сочетание используется при выражении семантико-синтаксических отношений причинного круга независимо от жанровой принадлежности текста. На основе этого сочетания строятся сложноподчиненные предложения с так называемой гибкой структурой. Употребление союза потому что независимо от контекста вносит в его содержание смысловую семантику причинных отношений.

Синтаксические параметры сложных синтаксических конструкций и эволюция структурных схем сложноподчиненных предложений с различными разрядами служебных средств

Рассматривая проблему развития сложных конструкций в синтаксисе русского языка XI–XVII вв., мы обращаем внимание на взаимосвязь и взаимообусловленность употребления различных разрядов служебных слов и признаков, характеризующих внешние и внутренние стороны организации ССК. В процессе анализа материала решался вопрос о наличии или отсутствии в характеристике конструкции определенного набора синтаксических параметров. Термином "параметры" названы здесь основные признаки и свойства, присущие сложным синтаксическим конструкциям, главным образом подчинительного типа. Разновидности синтаксических конструкций с различными разрядами служебных средств характеризуют различные комплексы присущих им параметров. Напомним общий состав этих параметров.

I.1. Автосемантизм / синсемантизм ПЕ, входящих в состав ССК.

I.2. Синсемантизм левый / синсемантизм правый.

II.1. Открытость / закрытость ССК.

II.2. Бинарность / небинарность ССК.

II.3. Маркированность / немаркированность второй (конечной) ПЕ ССК.

III.1. Регулярность / нерегулярность сочетаемости / несочетаемости союза со средствами уточнения семантико-синтаксических отношений

III.2. Обязательность / факультативность формальных средств уточнения в структурной схеме ССК.

IV.1. Позиция ПЕ со служебным словом в составе ССК.

IV.2. Позиция служебного слова в составе ПЕ: позиция первого слова / позиция неперв ого слова.

Представим суммарно картину распределенности перечисленных выше параметров в ССК со всеми служебными средствами, проанализи-

рованными в нашем исследовании (сохранив нумерацию параметров в их перечне).

Синтаксические частицы

Частица ли

I.I. Синсемантизм ПЕ с частицей.

I.2. Правый синсемантизм.

II.I. Закрытость конструкции.

II.2. Бинарность конструкции.

II.3. Маркированность $ПЕ_2$ как конечной.

III.I. Редко реализуемая возможность соотнесенности с коррелятом то в пределах ССК.

III.2. Употребление коррелята факультативно.

IУ.I. Частица ли всегда в составе $ПЕ_I$.

IУ.2. Частица ли – не первое (второе) слово в составе ПЕ.

Частица бо

I.I. Для ПЕ с частицей бо характерен синсемантизм, но отмечены редкие случаи автосемантизма ПЕ с частицей бо.

I.2. Левый синсемантизм.

II.I. Как правило, закрытость ССК.

II.2. Как правило, бинарность ССК.

II.3. Как правило, маркированность $ПЕ_2$ как конечной.

III.I. Устойчивых соотношений с определенными коррелятами не отмечено.

III.2. Возможны факультативные окказиональные корреляты.

IУ.I. Синтаксическая частица бо в составе $ПЕ_2$.

IУ.2. Частица бо – непервое (второе) слово в составе ПЕ.

Частица же

I.I. В составе ССК сочинительного типа ПЕ с же может характеризовать синсемантизм.

I.2. Левый синсемантизм.

II.1. Возможна закрытая конструкция.

II.2. Возможна бинарная конструкция.

II.3. Возможность использования же в качестве маркера закрытости ССК.

III.1. Принципиальное отсутствие соотнесенности с коррелятами.

III.2. Как следствие III.1. нерелевантность этого параметра.

IУ.1. В составе ССК частица же включается в $ПЕ_2$.

IУ.2. Частица же в составе ПЕ – непервое (второе) слово (в особых случаях частица же – последнее слово ПЕ).

Асемантические союзы

Союз яко

I.1. Синсемантизм ПЕ с яко.

I.2. Возможен и левый, и правый синсемантизм.

II.1. Закрытость ССК с яко.

II.2. Бинарность ССК с яко.

II.3. Маркированность $ПЕ_2$ как конечной в бинарной ССК (независимо от параметра IУ.1.).

III.1. Отсутсвие регулярной соотнесенности яко с коррелятами. Однако в конструкциях сравнения используется постоянное сочетание яко – тако.

III.2. Факультативность наличия коррелятов в ССК с яко.

IУ.1. В ССК союз яко может маркировать как зависимую и $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$.

IУ.2. Союз яко – первое слово зависимой ПЕ.

Союз еже (иже, яже)

I.1. Синсемантизм ПЕ с еже. Возможны редкие случаи отсутствия этого параметра.

I.2. И правый и левый синсемантизм. Правый главным образом в ССК с относительным подчинением, в конструкциях условия.

П.1., П.2., П.3., Ш.1., Ш.2., IУ.1., IУ.2. Эти параметры совпадают с соответствующими характеристиками ССК с союзом яко.

Союз что

I.1. Синсемантизм ПЕ с что.

I.2. Левый синсемантизм.

П.1., П.2., П.3., Ш.1., Ш.2. Эти параметры совпадают с соответствующими характеристиками ССК с союзами яко и еже.

IУ.1. В ССК союз что включается в $ПЕ_2$.

IУ.2. Союз что - первое слово в составе ПЕ.

Семантические союзы

I.1. Синсемантизм ПЕ со всеми семантическими союзами.

I.2. Синсемантизм и левый и правый (распределенность этого признака по семантико-синтаксическим типам сложноподчиненных предложений).

П.1., П.2., П.3. Эти параметры совпадают с соответствующими характеристиками ССК с асемантическими союзами.

Ш.1. Возможность соотносительной сочетаемости союзов с коррелятами и сложения с синтаксическими частицами (последнее только для союзов с определенно ограниченной семантикой).

Ш.2. Факультативность наличия коррелята в составе ССК.

IУ.1. Семантические союзы возможны в составе $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$ (распределенность по семантико-синтаксическим типам).

IУ.2. Союз - первое слово ПЕ.

Союзные сочетания типа потому что

Контактная форма

I.1. Синсемантизм ПЕ с союзным сочетанием.

I.2. Левый синсемантизм.

П.1., П.2., П.3. Эти параметры совпадают с соответствующими характеристиками ССК с асемантическими и семантическими союзами.

Ш.1., Ш.2. Характерно отсутствие сочетаемости с коррелятами.

IУ.1. Союзные сочетания возможны только в составе $ПЕ_2$.

IУ.2. Союзные сочетания занимают позицию первого слова ПЕ.

Дистантная форма

Расчленение союзного сочетания на два элемента (в составе $ПЕ_1$ - коррелятивная часть, в составе $ПЕ_2$ - союзная) ведет к изменению следующих параметров ССК (по сравнению с ССК с контактной формой союзного сочетания):

I.2. Левый и правый синсемантизм (одновременно).

Ш.2. Обязательность наличия коррелятивной части.

IУ.1. Части служебного средства расположены в $ПЕ_1$ (коррелятивная) и в $ПЕ_2$.

IУ.2. Союзная часть - первое слово $ПЕ_2$, коррелятивная часть - первое или последнее слово $ПЕ_1$.

Корреляты

Корреляты - наречия

I.1. Синсемантизм ПЕ с коррелятом.

I.2. Левый и правый синсемантизм (одновременно).

П.1., П.2., П.3. Эти параметры совпадают с соответствующими параметрами конструкции с союзами.

Ш.1. Наблюдается постоянная соотнесенность определенных коррелятов с определенными союзами, основанная на семантике синтаксических отношений в ССК. Коррелят дублирует семантику союза.

Ш.2. Употребление коррелятов всегда факультативно.

IУ.1. Корреляты возможны в $ПЕ_1$ и в $ПЕ_2$.

IУ.2. Коррелят обычно занимает в ПЕ позицию первого слова.

Корреляты - предложно-местоименные сочетания

I.1. Синсемантизм ПЕ с коррелятом.

I.2. Правый синсемантизм.

II.1.,II.2.,II.3. Эти параметры совпадают с соответствующими характеристиками союзов и коррелятов-наречий.

III.1. Наблюдается постоянная соотнесенность некоторых коррелятов с семантическими союзами (сего ради - понеже), при общей нестабильности состава коррелятов.

III.2. Наличие коррелята факультативно с семантическими и обязательно в конструкциях с союзными сочетаниями типа потому что.

IУ.1.Коррелят в составе ПЕ$_1$.

IУ.2.Коррелят обычно первое или последнее слово в составе ПЕ (в зависмости от контактного или дистантного расположения с ним союза).

Корреляты то, но
(а также - слова и, а, да в функции коррелятов)

I.1. Синсемантизм ПЕ с коррелятом.

I.2. Коррелят вносит в ССК только левый синсемантизм.

II.1.,II.2.,II.3. Эти параметры совпадают с характеристиками ССК с коррелятами разобранных выше разрядов.

III.1. Для ССК с коррелятами то, но наблюдается устойчивая соотнесенность определенного коррелята с союзами в ССК с определенным кругом семантико-синтаксических отношений. Употребление в качестве коррелятов служебных слов и, а, да не связано с семантическими типами ССК.

III.2. Употребление коррелятов факультативно.

IУ.1.Корреляты возможны только в составе ПЕ$_2$.

IУ.2. Коррелят занимает позицию первого слова ПЕ.

Показанная картина распределенности параметров ССК относительно их наличия // отсутствия в сложных предложениях подчинительного типа со всеми разрядами служебных средств позволяет обобщить материал по каждому параметру отдельно и опрецелить специфику

комплексов параметров, присущих ССК с различными служебными средствами.

Изучаемый набор параметров касается как эксплицитно выраженных признаков структурных схем ССК, так и свойств их внутренней организации. К первым принадлежат такие, как: наличие в конструкции служебного средства определенного разряда; позиция служебного слова в составе ПЕ; порядок следования частей конструкции относительно друг друга; наличие или отсутствие коррелятов в одной из ПЕ. Параметры второй категории касаются организации смысловой стороны ССК. Они характеризуют ее в зависимости от наличия или отсутствия в ней параметров из первой группы и являются как бы производными от них в структуре ССК.

В историческом синтаксисе русского языка достаточно полно изучены факты смены составов служебных средств уровня сложноподчиненного предложения в текстах памятников письменности XI–XVII вв. Мы провели анализ материала, исходя из намеченных ранее разрядов служебных средств, определяя комплексы параметров для ССК с различными служебными словами. Для удобства анализа такую методику можно признать целесообразной, но, как представляется, изменения в области синтаксического строя уровня сложного предложения в значительной мере обусловлены развитием именно внутренних принципов организации ССК, т.е. таких параметров, которые, являясь существенными свойствами конструкций, не имеют эксплицитного выражения, однако они как бы закреплены за определенными формальными средствами синтаксической связи – и в итоге именно они определяют синтаксические функции различных разрядов служебных слов.

Рассмотрим роль каждого параметра в процессе формирования системы сложноподчиненного предложения за период XI–XVII вв.

Параметры I.1., I.2. Синсемантизм или смысловая и структурная

незавершенность ПЕ, входящих в сложную синтаксическую конструкцию, является ведущим параметром ССК подчинительного типа. Этот параметр может характеризовать как первую ПЕ конструкции (правый синсемантизм – необходимость продолжения конструкции в следующей ПЕ текста), так и вторую ПЕ (левый синсемантизм – необходимость левой части конструкции). Смысловая незавершенность ПЕ создается в тех случаях, когда в ее пределах оказывается нереализованной валентность одного из составляющих ее элементов и реализация этой валентности предполагается в смежной ПЕ. Синсемантизм может быть создан чисто лексическим способом, без употребления формальных средств. Например, когда в составе $ПЕ_1$ предикат выражен одним из глаголов, входящих в лексико-семантическую группу глаголов речи, мысли и чувства, в конструкциях ввода чужой (прямой) речи, а также при употреблении императива, при отказе, запрете, отрицании, т.е. в ситуациях, когда требуется мотивировка того, что сказано в первой ПЕ. Во всех этих случаях возможет только правый синсемантизм. Правый и левый синсемантизм различаются не только противоположной направленностью в контексте, но и тем, что правый всегда связан с определением или конкретизацией типа семантико-синтаксических отношений между частями ССК (между $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$); левый же синсемантизм связан лишь со структурной неполнотой ПЕ с определенными разрядами служебных средств (иначе – с невозможностью, бессмысленностью в связном тексте одиночной ПЕ с союзом или с коррелятом).

В отличие от организации ПЕ в связном тексте по принципу юнктапозиции, в основе которого лежит соединение в линейную последовательность автосемантичных ПЕ, связь синсемантичных ПЕ ведет к их попарному объединению, к возникновению бинарных ССК. Таким образом, в тексте открывается возможность для выражения большего разнообразия смысловых связей и отработки – новых типо-

вых семантико-синтаксических отношений между ПЕ, составляющими бинарные ССК.

Синсемантизм ПЕ, составляющих ССК, - одно из кардинальных свойств сложного предложения. Его наличие на формальном уровне выражается в употреблении определенных разрядов служебных средств, и он присущ, как правило, всем ССК с такими служебными средствами.

Наличие синсемантизма ПЕ в составе ССК имеет обязательным следствием наличие других параметров, характеризующих ССК, таких, как закрытость, бинарность и маркированность конечной ПЕ.

Параметры П.1., П.2., П.3. Параметр синсемантизма ПЕ в составе ССК и сопряженные с ним параметры: бинарность ССК, ее закрытость и маркированность конечной ПЕ - постоянно характеризуют ССК со следующими служебными средствами: с асемантическими союзами, с семантическими союзами, с союзами, соотнесенными с коррелятами, с союзными сочетаниями типа потому что, а также с синтаксической частицей ли. Наличие в составе ПЕ синтаксических частиц бо и же, а также некоторые случаи употребления служебных слов, имеющих в основе указательное местоимение и (иже, еже, яже), в отдельных случаях не свидетельствует о наличии в тексте сложной синтаксической конструкции, т.е. эти служебные средства не отработаны как знаки непременной бинарности и закрытости построенных с их помощью конструкций. Так, ПЕ с бо может выступать в тексте как отдельное простое предложение, употребленное в качестве авторской ремарки с уточнением частных обстоятельств в содержании текста или как пояснение к предыдущему контексту, состоящему из ряда, а не из одной ПЕ.

Употребление синтаксической частицы же в бинарной конструкции (сочинительного типа) для древнерусского текста можно рассматри-

вать как частный случай функционирования служебного слова же при выражении отношений противопоставления, так как же в древнерусских текстах часто выступает в качестве повторяющегося многократно служебного средства, которое подчеркивает имеющуюся в содержании текста противопоставленность субъектов речи, предметов, обстоятельств и т.п.

Редко встречающиеся в архаичных по своему синтаксическому строю текстах случаи употребления служебных слов иже, еже, яже отмечены в конструкциях, которые, по-видимому, нельзя рассматривать как ССК. Мы назвали их указательными оборотами. Структура этих оборотов сближается с некоторыми препозитивными определительными придаточными предложениями, однако их статус как части сложного предложения зависит от позиции такого оборота в тексте. Вычленить бесспорно сложившуюся бинарную конструкцию с синсемантичной ПЕ, включающей такой союз в подобных случаях, по-видимому, невозможно.

Относительно параметра $\overline{П}.3.$ наши материалы показывают, что наличие в тексте служебных средств изучаемых разрядов в большинстве случаев свидетельствует о наличии в нем ССК подчинительного типа, т.е. закрытой финарной конструкции, в которой $ПЕ_2$ или маркируется как конечная употреблением в ней служебного средства "левый синсемантизм", или она предполагается как конечная (и тем самым – и как закрытая) употреблением служебного средства в составе $ПЕ_1$ "правый синсемантизм". Все разряды рассматриваемых служебных средств наделены этими структурными функциями. Однако в употреблении конкретных служебных слов обнаруживается распределенность их разновидностей: только левый синсемантизм присущ конструкциям с частицами бо и же, с асемантическим союзом что, с семантическими союзами в определенных семантико-синтаксических типах ССК (например, причинных, следствен-

ных, целевых и некоторых других), с коррелятами но, то (а также и, а); только правый синсемантизм характерен для ССК с синтаксической частицей ли, с семантическими союзами в условных и уступительных предложениях, со всеми предложно-местоименными коррелятами. Имеются также служебные средства, которые используются безразлично к соположению частей ССК.

Параметры Ш.1. и Ш.2. характеризуют развитие соотносительной синтаксической связи в истории синтаксического строя русского языка. Все ССК с коррелятами характеризуются одновременно правым и левым синсемантизмом. Этот вид синтаксической связи присущ ССК только подчинительного типа.

Корреляты, употребление которых связано с левым синсемантизмом ССК, функционируют уже в древнейших текстах. При этом конкретные служебные слова-корреляты обычно входят в устойчивые соотносительные пары с конкретными семантическими союзами. Это, в первую очередь, касается коррелятов но и то, (аще...то, хотя ...но). Устойчивые пары "союз - коррелят-наречие" представлены в ССК с семантико-синтаксическими отношениями места (где-там, куда-туда), времени (когда-тогда), сравнения (как-так). Эти наречные корреляты могут употребляться также и в $ПЕ_1$, в этом случае коррелятом создается правый синсемантизм конструкции, а союзом - левый.

Правый синсемантизм в ССК создается употреблением предложно-местоименных коррелятов в составе $ПЕ_1$. Эти корреляты сначала использовались как окказиональное факультативное средство, подчеркивающее семантику синтагматических отношений в ССК с семантическими союзами (например, того для - понеже, того для - чтобы, сего для - понеже, о том - понеже, через то - занеже и т.п.). В этих случаях коррелят дублирует семантику союза, хотя и не является еще четко специализированным средством.

К XУ в. получают все большее развитие такие ССК с теми же предложно-местоименными коррелятами в составе $ПЕ_I$, которые соотносятся с асемантическими союзами что и как. В этих ССК вырабатывается принципиально новая форма коррелятивной синтаксической связи: функция выражения типа семантико-синтаксических отношений переходит полностью к коррелятам, союз же - только знак членения конструкции, он занимает постоянную позицию, маркируя начало $ПЕ_2$. Таким образом, коррелят перестает быть факультативным служебным средством, так как он из дублирующего семантику союза средства становится единственным выразителем типа семантико-синтаксических отношений в ССК. В таких конструкциях с дистантно расположенными частями служебного средства (предложно-местоименное сочетание - коррелят в $ПЕ_I$ - асемантический союз в $ПЕ_2$) наблюдается наибольший из возможных комплекс параметров, так как эти конструкции характеризуются одновременно правым и левым синсемантизмом.

Однако следует заметить, что подобные союзные сочетания с дистантным расположением частей не получают широкого распространения в русской письменности. К XУП в. утверждается контактная форма этих союзных сочетаний (тип потому что, потому как). В ССК с этими служебными средствами мы наблюдаем утрату правого синсемантизма и комплексы параметров таких конструкций становятся идентичными комплексу параметров ССК с семантическими союзами типа понеже и даже комплексу параметров ССК с сочинительными союзами но и а.

Эти конструкции нового типа с асемантическим союзом в качестве непременного элемента союзного сочетания обладают следующими двумя важными особенностями: 1) они потенциально сохраняют возможность дистантного употребления двух своих частей, местоименной и союзной, и тем самым могут служить акцентирующим семанти-

ку синтаксических отношений средством, и 2) левая часть союзного сочетания может в принципе бесконечно видоизменяться в зависимости от характера логико-смысловых связей между $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$. Образуется модель ССК с очень большим потенциалом для варьирования семантической основы синтаксических связей между $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$.

С известными оговорками к ССК, в основе которых имеется корреляционная или соотносительная связь формальных служебных средств, можно отнести устойчивые пары еже-то, что-то. Эти парные объединения функционировали в соотносительных бинарных объединениях ПЕ. Структура этих объединений обусловлена их специальной коммуникативной функцией в тексте: выделение темы высказывания. В связи с этим мы не отнесли их к числу ССК, хотя они характеризуются и левым и правым синсемантизмом.

Параметры III.1 и III.2. Историю ССК подчинительного типа можно представить и со стороны развития функций формальных средств, специализированных для уточнения и дифференциации семантико-синтаксических отношений между $ПЕ_1$ и $ПЕ_2$. Тенденция к более точному и дифференцированному обозначению специализированными формальными средствами логико-смысловых разновидностей семантико-синтаксических отношений в рамках ССК бинарного типа как интенсивно протекающее явление наблюдается в текстах памятников приблизительно к XV в. В наиболее древних текстах мы также наблюдаем использование специфических формальных средств и способов, которые служили более точному выражению мысли. Первоначально эта тенденция проявляется как бы в стремлении усилить семантический вес союзов путем присоединения к ним синтаксических частиц с аналогичной семантической сферой употребления (увеличение употребительности сложений типа понеже бо, занеже бо, аще ли, есть ли, яко же и др.) в книжных текстах. Однако этот древний словообразовательный способ создания служебных слов и акцен-

тирования их семантики не изменял параметров ССК, и, может быть, в силу этого он не получил в дальнейшем развития.

Наиболее перспективным оказался способ использования разного рода коррелятов, соотнесенных с союзами. Первоначально коррелята используются в соотношении с семантическими союзами, и, как правило, они дублируют семантику последних: тогда–когда, там–где, сего для–понеже, сего ради – чтобы и др. Более древние соотношения с коррелятами–наречиями закрепились в языке и употребительны до сих пор избирательно – с союзами определенной семантики. Коррелята же, составленные предложно–местоименными сочетаниями, не входили в подобные устойчивые пары, так как сами не были достаточно стабильны и четко специализированы. Они выступали часто как окказиональные, факультативные способы уточнения смысловых связей в тексте. Таким образом, предложно–местоименные коррелята не создавали таких устойчивых соотношений "коррелят – союз" (ср. когда–тогда), которые были бы закреплены за определенным семантико–синтаксическими отношениями. К тому же производство строго детерминированных по типам синтаксической связи формальных средств не могло поспеть за широким развитием процессов выработки новых детально дифференцированных типов семантико–синтаксических отношений. Новым требованиям больше соответствовали ССК, созданные на основе таких коррелятивных сочетаний, в которых асемантический союз (что или как) является маркером формального членения конструкции (указывает на начало $ПЕ_2$), а коррелятивная часть создается как бы заново в каждом употреблении, то есть система в принципе не имеет конечного набора семантических единиц. В этом случае коррелятивная часть, естественно, перестает быть факультативной.

С течением времени некоторые наиболее употребительные сочетания "коррелят–союз" закрепляются в языке и даже переходят в

разряд таких служебных средств, синтаксический статус которых приближен к статусу семантических союзов. Например, сочетание потому что при контактном расположении его частей.

Последние два параметра из рассматриваемого перечня относятся к характеристикам внешних признаков структурных схем ССК.

Первый из них (IУ.I.) касается вопроса о возможных вариантах структурной схемы ССК в зависимости от соположения двух ее частей относительно друг друга. Распределенность этого признака в ССК подчинительного типа взаимосвязана с употреблением служебных средств: функционирование одних из них отмечено только в составе $ПЕ_I$, других - в составе $ПЕ_2$. Имеются также и служебные средства, способные выступать как в первой, так и во второй частях ССК. Это распределение обусловлено теми внутренними свойствами ССК, которые рассмотрены выше (параметры I.I., 2 и II.I.,2.).

Параметр IУ.2. в первую очередь релевантен в противопоставлении синтаксических частиц остальным разрядам средств синтаксической связи: только синтаксические частицы употребляются в составе ПЕ в строго фиксированной позиции после первого слова (редко - после первого словосочетания). Нарушение строго постоянной позиции в составе ПЕ (первое слово) можно наблюдать также в употреблении коррелятов. Однако эти случаи в изучаемых текстах крайне редки, и они не нарушают впечатления регулярности использования коррелятов (как и союзов) в позиции первого слова ПЕ. Исключение представляет позиция коррелятивной части в ССК с гибкой структурой: коррелятивная часть может быть последним словом $ПЕ_I$ (случаи, когда в современном литературном языке мы разделяем союзное сочетание запятой. Для изучаемых текстов этот признак не стал еще актуальным).

Подведем некоторые итоги анализа материалов с использованием синтаксических параметров.

Предложенный метод позволяет выявить, в чем состоит суть различия двух основных взаимоисключающих способов организации ПЕ в связном тексте - по принципу юнкстапозиции и по принципу бинарного объединения ПЕ. В первом случае рассматриваемые параметры оказываются нерелевантными. Наиболее существенным в этом противопоставлении является то обстоятельство, что при цепочечном нанизывании ПЕ по принципу юнкстапозиции создается открытый ряд автосемантичных ПЕ, а при их бинарном объединении по крайней мере одна ПЕ должна обладать свойством синсемантизма. Наличие или отсутствие остальных параметров ССК непосредственно зависит от наличия или отсутствия в них синсемантичных ПЕ. Таким образом, противопоставление автосемантизм/синсемантизм ПЕ может служить критерием наличия в тексте ССК.

Синсемантизм ПЕ, входящих в ССК, может быть как правым, так и левым. В распределении правой и левой его разновидностей прослеживается закономерность, зависящая от характера ССК, или, точнее, - от разряда используемого служебного слова: сложным конструкциям сочинительного типа присущ только левый синсемантизм, а конструкции подчинительного типа могут обладать также и правым синсемантизмом. Следовательно, правый синсемантизм - свойство, присущее только подчинительным ССК. Однако деление ССК на сочинительные и подчинительные по признаку наличия в них левого или правого синсемантизма не всегда совпадает с традиционным. Например, ССК причины с союзом понеже характеризует такой же комплекс параметров, что и конструкции с противительными союзами а и но.

Наблюдения показывают, что формирование новых структурных схем сложноподчиненного предложения, отраженное в текстах XУ – XУП вв., было связано с развитием именно правого синсемантизма (расширение употребительности предложно-местоименных коррелятов в $ПЕ_{I}$, перенос причинного союза понеже в $ПЕ_{I}$ и др.).

В исторической перспективе в качестве самостоятельной линии развития синтаксической системы уровня сложноподчиненного предложения может быть рассмотрено формирование набора специализированных служебных средств для акцентирования и уточнения характера семантико-синтаксических отношений между ПЕ в рамках ССК. Назовем эти средства общим термином "уточнители". В функции уточнителей использовались синтаксические частицы и корреляты различных разрядов. Включение в ССК различных видов уточнителей поразному сказывалось на комплексах параметров ССК.

Синтаксические частицы в позиции второго слова ПЕ после союза акцентируют семантику такого союза. Такое использование частиц было избирательным в семантическом плане: функционирующие в определенных смысловых ситуациях синтаксические частицы подчеркивают или усиливают семантический вес союзов только аналогичной сферы употребления способом дублирования его семантики (понеже бо, аще ли, яко же). В результате как бы подкрепляется семантика союза, но структурная схема всей конструкции и ее параметры остаются без изменения. Частицы в подобных случаях выступают как словообразовательные форманты. Образуется новый союз со старыми синтаксическими функциями.

Коррелятивные соотношения служебных средств в рамках ССК первоначально имели строго фиксированный для выражения определенных семантических типов синтаксических отношений характер: тогда – когда, там – где, аще (ли) – то, хотя (и) – но и т.п.

Конструкции с такими служебными средствами обладали как левым, так и правым синсемантизмом. При соотношении "коррелят – союз" коррелят определяет семантику синтаксических отношений и $ПЕ_1$ приобретает свойство правого синсемантизма. При соотношении "союз – коррелят" коррелят лишь подчеркивает синтаксическое членение конструкции, все параметры которой определяет союз. В последнем случае возможно два варианта: а) коррелят обладает собственной семантикой, которая дублирует семантику союза (когда – тогда), и б) коррелят не имеет собственной семантики, но употребителен только избирательно – каждый в конструкциях с определенными семантико-синтаксическими отношениями (аще – то = условие, аще – но = уступка). Во всех этих случаях так или иначе имеет место дублирование семантики союза, и это обстоятельство согласуется с общей факультативностью употребления коррелятов этих разрядов.

Иное дело в ССК со служебными средствами типа союзного сочетания потому что, в которых коррелятивная часть не факультативный дублирующий уточнитель семантико-синтаксических отношений, а единственный ее носитель, способный внести эту семантику в смысл синтаксических отношений в любом общем контексте. В этих ССК служебные слова (что или как) – старые асемантические союзы, не изменяя своей синтаксической позиции (начало $ПЕ_2$) оказываются в составе структурных схем с принципиально другим видом синтаксической организации. Коррелятивная часть в этих новых ССК функционирует уже не по принципу дублирования семантики союза, а выступает как единственный носитель этой семантики. Количество таких коррелятов в принципе не ограничено, и круг логико-смысловых связей, которые могут быть выражены в конструкциях с такой структурой, тоже неограничен. Таким образом, модель ССК, построенная на основе соотношения "коррелят – асемантический союз",

приобретает черты универсальности для выражения неограниченного круга семантико-синтаксических отношений [1].

Наблюдая за характером функционирования формальных средств уточнения можно, как представляется, выдвинуть некоторый критерий относительной хронологии формирования служебных средств сложноподчиненного предложения, в частности, прояснить вопрос о причине характерного отсутствия уточнителей в ССК со старыми асемантическими союзами яко, еже, что. Как сказано выше, синтаксические частицы и факультативно используемые корреляты, употреблявшиеся в древнейших текстах (XI-XIУ вв.), выполняли свои функции уточнителей по принципу синонимического дублирования средств связи, выражающих определенные семантико-синтаксические отношения (т.е. в основном семантические союзы). В случаях, когда употреблялись асемантические союзы, семантика синтаксических отношений в ССК не получала эксплицитного обозначения, и поэтому с этим разрядом служебных средств не были употребительны дублирующие средства уточнения. Это положение соответствовало исходному уровню слабой дифференцированности типов семантико-синтаксических отношений. Выражение логико-смысловых связей опиралось на соотношение конкретного содержания ПЕ, составляющих ССК, и на контекст. На более развитой стадии дифференцированности типов семантико-синтаксических отношений (к XУ веку) асемантический союз что в ССК с гибкой структурой и с обязательной коррелятивной частью становится универсальным союзом, соотносящимся с коррелятивными сочетаниями любой семантики.

---

1 Это не исключает образования таких устойчивых сочетаний, на базе которых могут быть созданы новые стабильные союзные средства. Таков, например, путь создания современного союза причины потому что.

Таким образом, параметры Ш.1. и Ш.2. отражают существенные этапы в истории служебных средств и структурных схем сложноподчиненного предложения.

Оценивая эффективность методики использования синтаксических параметров при изучении процессов эволюции синтаксической системы сложного предложения в русском письменном языке XI–XVII вв., следует отметить, что в исторической перспективе с помощью анализа комплекса параметров, присущих ССК с различными сменяющимися разрядами служебных средств, мы получаем достаточно объективные критерии, характеризующие развитие самих структурных схем ССК, и тем самым изменения в области состава служебных средств оказываются мотивированными развитием новых структурных свойств ССК. Однако все процессы развития структурных схем сложноподчиненного предложения нельзя свести к каким-либо определенно направленным изменениям комплексов рассмотренных нами параметров (например, к их усложнению или упрощению).

Заключение

I. Рассмотренные в монографии процессы эволюции системы сложноподчиненного предложения, отраженные в текстах памятников письменности XI-XVII вв., непосредственно связаны с расширением общественно-социальных функций письменного языка (экстралингвистические факторы). Но собственно лингвистическая сущность процессов развития структурных схем сложноподчиненных предложений определялась внутрисистемными факторами, то есть развитие на всех этапах зависело от имевшихся в употреблении формальных средств синтаксической связи, способов и традиции выражения логико-смысловой стороны содержания текстов в письменной форме языка.

Новые модели структурных схем сложноподчиненных предложений, как и соответствующие им формальные служебные средства, вырабатывались на базе уже сложившихся ранее. Старые модели при этом, как правило, полностью не вытеснялись, а продолжали ограниченно употребляться, главным образом в текстах книжных жанров письменности с традиционным содержанием. Таким образом, для русского письменного языка изучаемого периода в целом характерно сосуществование построенных по различным принципам и с помощью различных разрядов служебных слов моделей сложных синтаксических конструкций (ССК). При этом выбор той или иной модели из числа синонимичных обусловлен типом содержания и жанровой приуроченностью текста. Полная утрата некоторых разрядов служебных средств сложноподчиненного предложения (и соответствующих моделей ССК, например, таких, как синтаксические частицы и асемантические союзы) получает завершение в русском письменном языке за пределами XVII века. Расширение сферы употребления письменного языка способствовало преодолению изначальной жанровой распределенности конкретных формальных средств и способов построения ССК; в результате этого постепенно создается набор нейтральных стилистически моделей ССК подчинители-

ного типа.

П. Сформулируем основные итоги анализа функционирования каждого из разрядов служебных слов, составлявших систему формальных средств синтаксической связи сложноподчиненного предложения в русской письменной речи XI–XVII вв.

1. Синтаксические частицы бо, же, ли функционируют как особый разряд служебных слов, с помощью которых оформлялись своеобразные объединения ПЕ, по ряду своих параметров приближающиеся к бинарной структуре ССК. Тип синтаксической связи ПЕ с помощью синтаксических частиц базируется на первоначальной акцентирующей функции, общей для всего класса частиц. Служебные слова этого разряда, как правило, занимают в составе ПЕ позицию второго слова (акцентируя при этом первое). Но – в отличие от обычного для частиц акцентирования значения слова в пределах содержания одной ПЕ – употребление синтаксической частицы, не внося в содержание ПЕ никакой дополнительной семантики, указывает на наличие логико-смысловой связи между содержанием двух, обычно смежных, ПЕ или между ПЕ с синтаксической частицей и определенным фрагментом текста.

В употреблении конкретных синтаксических частиц обнаруживается дифференциация, зависящая от смысловой стороны содержания текста: бо выступает обычно при выражении круга обстоятельственных, большей частью причинных, отношений; же – в текстах, в содержании которых имеется смысловая линия противопоставления или тождества каких-либо элементов; ли постоянно отмечается в ССК с отношениями условия. Наши наблюдения позволяют предположить, что такая дифференциация изначально не была связана с собственным значением синтаксических частиц, а отражает принцип зависимости выбора служебного средства от выражаемой в тексте смысловой ситуации: служебное слово может быть соотнесено с определенной смысловой ситуацией, может подчеркнуть ее наличие в содержании, но само

внесение служебного слова в текст не создает самостоятельно эту ситуацию.

В связном тексте ПЕ, в состав которых входят синтаксические частицы бо и же, не являются обязательно частью ССК бинарного типа, а в составе последней эти служебные слова включаются только в $ПЕ_2$. В отличие от этого ПЕ с синтаксической частицей ли всегда являются частью ССК, занимая позицию $ПЕ_1$.

В исторической перспективе функция синтаксических частиц как разряда служебных слов, присущих особому архаическому типу ССК, характерных в основном для самых древних книжных текстов, постепенно сокращается. В современном русском языке сохранились частицы же и ли и имеется возможность построения с ними ССК по старой модели; частица бо в современном русском литературном языке утратилась полностью, ее функции перешли к получившему распространение в письменной речи примерно с XVII в. служебному слову ведь, которое, однако, выступает в ПЕ как в позиции союза, так и в позиции частицы (то есть вторым словом).

2. Асемантические союзы - разряд служебных слов, которые объединяют одно общее свойство: отсутствие у них собственного семантического начала, при наличии общей для союзов всех разрядов функции формального соединения в тексте ПЕ (обычно смежных) в бинарные ССК подчинительного типа. При употреблении асемантических союзов в качестве формального средства связи сложноподчиненного предложения семантика синтаксических отношений остается эксплицитно не выраженной; эти отношения создаются на основе контекстных смысловых связей и конкретного лексического содержания каждой из составляющих ССК ПЕ.

Следует подчеркнуть, что служебные слова этого разряда, не обладая способностью маркировать семантический тип ССК, все же не полностью безразличны к смысловой стороне содержания текста. Для

употребления каждого союза этого разряда существуют как бы отрицательные зоны (в определенных смысловых ситуациях каждый из асемантических союзов, как правило, не встречается).

Асемантические союзы, восходящие к формам указательного местоимения и (еже, иже, яже...), и союз яко – в основном принадлежность текстов только высоких книжных жанров письменности, синтаксический строй которых характеризуется архаическими чертами. Эти союзы, выступая в качестве маркеров зависимой части ССК, могли включаться как в состав $ПЕ_1$, так и в состав $ПЕ_2$; позицию зависимой части обычно определяет семантический тип ССК. Для ССК с этими асемантическими союзами характерно отсутствие соотносительных слов в главной части сложноподчиненного предложения (исключение представляют ССК сравнения и времени с союзом яко, а также некоторые ССК с относительным подчинением со служебными словами на основе указательного местоимения и).

Не имеющее искони ограниченной жанровой прикрепленности грамматически многофункциональное слово что в качестве асемантического союза функционирует главным образом в текстах делового содержания. В книжных текстах памятников письменности старшей поры асемантический союз что значительно уступает по употребительности асемантическому союзу яко. В составе ССК союз что маркирует как зависимую только $ПЕ_2$. Вместе с тем со словом что часто отмечаются разного рода устойчивые соотносительные сочетания, например, такие, как а что... а то.... Приблизительно к XV веку – преимущественно в получающих все более широкое распространение деловых и бытовых текстах – отрабатываются структурные схемы ССК, формальную основу которых составляет соотношение асемантического союза что с предложно-местоименными коррелятами в составе $ПЕ_1$. Входя в такие устойчивые сочетания, которые, будучи специализированными для выражения определенных типов семантико-синтак-

сических отношений, получают статус особого разряда служебных средств – союзных сочетаний, слово что выходит из разряда асемантических союзов.

Последовательно функционируя в качестве чисто грамматических маркеров зависимой части сложноподчиненного предложения, асемантические союзы яко и что – при отсутствии у них семантического начала – казалось бы, могли стать взаимозаменяемыми в аналогичных моделях ССК. Но, согласно сложившемуся узусу, их употребление как бы разведено по ССК с различными структурными характеристиками тех ПЕ, которые образуют ССК с каждым из этих союзов. Так, в качестве зависимой ПЕ с союзом яко могут выступать архаические причастные обороты и простые предложения с нефинитными формами глаголов в функции сказуемого, тогда как в ССК с союзом что эти структуры не отмечены. Также в ситуациях передачи чужой речи союз яко может присоединять прямую речь (без перевода ее в косвенную), тогда как союз что в таком употреблении не отмечен. В то же время союз что, в отличие от яко, сравнительно часто используется в соотношении с коррелятивными элементами из состава главного предложения. Короче говоря, ССК с союзом яко обнаруживают узуальную связь с архаическими чертами синтаксического строя, а в продуктивных моделях ССК, в структуре которых отрабатывается особый новый разряд служебных средств сложноподчиненного предложения – союзные сочетания, используется союз что. Таким образом, в системе служебных средств сложноподчиненного предложения в русском письменном языке XI–XVII вв. реализуется тенденция к утрате асемантических союзов как целого разряда служебных слов.

3. Семантические союзы не были предметом специального изучения в настоящей монографии. Однако, опираясь на результаты исследования этого разряда служебных слов в Исторической грамматике-79, можно отметить наиболее существенные в рассматриваемых нами ас-

пектах свойства ССК с семантическими союзами: 1) семантический союз (так же, как и асемантический) маркирует зависимую часть ССК, поэтому наличие в тексте семантического союза всегда означает наличие в нем бинарной ССК; 2) семантика синтаксических отношений в ССК с семантическими союзами не зависит от конкретного содержания ПЕ, составляющих ССК, от контекстных смысловых связей; напротив, будучи включенными в ССК, семантический союз вносит в нее типовую синтаксическую семантику, то есть ставит объединяемые в ССК две ПЕ в определенные логико-смысловые отношения. Таким образом, семантические союзы выражают одновременно и структурную и семантическую стороны ССК. Тем самым наличие некоторого набора семантических союзов в составе служебных средств сложноподчиненного предложения свидетельствует о грамматикализации в языке соответствующих типов семантико-синтаксических отношений и о специализации формальных средств их выражения, и, следовательно, предполагает возможность однозначной и сравнительно жесткой связи служебного слова с синтаксической семантикой, закрепленной за ним в системе языка.

4. Союзные сочетания (типа потому что) приобретают статус особого разряда служебных средств связи сложноподчиненного предложения лишь к концу изучаемого периода истории синтаксического строя русского языка. Примерно с XУ века в деловом и бытовом письменном языке, в произведениях светского характера наблюдается общая тенденция к однозначному выражению логико-смысловых связей в конкретном содержании текстов. Эта тенденция определяет активизацию процессов отработки специализированных служебных средств для эксплицитного выражения в рамках ССК новых и все более тонко дифференцированных семантико-синтаксических отношений. Возникавшую потребность создания новых четко специализированных служебных средств синтаксической связи оказалось предпочтительнее

удовлетворять не путем увеличения состава семантических союзов, а путем отработки устойчивых соотносительных сочетаний асемантических союзов что (или как) с набором коррелятов, дифференцированно обозначающих конкретные семантические типы синтаксической связи ПЕ в составе ССК.

Формально-структурная и семантическая стороны функционирования такого сочетания оказываются распределенными между его компонентами: союз маркирует начало зависимой части ССК ($ПЕ_2$), а коррелят (в составе $ПЕ_1$) определяет тип семантико-синтаксических отношений. Тем самым семантика синтаксического отношения, передаваемого конструкцией, задается в ее первой части и коррелятивная часть союзного сочетания становится его обязательным компонентом. В дальнейшем продолжающиеся процессы обобщения и грамматикализации новых смысловых связей и их дифференциации в рамках ССК с союзными сочетаниями получают эксплицитное выражение только в коррелятивной части этого служебного средства. К концу XVII в. в изученных нами текстах ССК, построенные с помощью союзных сочетаний, используются достаточно широко в текстах различной жанровой принадлежности. Однако коррелятивная часть ограничена еще в основном семантикой цели и причины. Дифференциация соответствующих этой семантике коррелятивных элементов еще не закончена (корреляты оего ради, того для и др. поц. могут обозначать и целевые и причинные отношения). Позже модели ССК с союзными сочетаниями включают в свои структурные схемы все увеличивающийся - и в принципе неограниченный в семантическом аспекте - набор коррелятивных элементов, специализированных для выражения широкого круга семантико-синтаксических отношений. Коррелятивный элемент союзного сочетания в рамках ССК может занимать по отношению к союзу контактную и дистантную позиции. Это свойство открывает дополнительную возможность акцентирования типа семантико-синтаксических отношений

выражаемых в ССК (при дистантном расположении частей союзного сочетания). По этому признаку ССК с союзными сочетаниями получили название "гибкие структуры". Следует подчеркнуть, что контактное употребление частей союзного сочетания заметно преобладает над дистантным.

Ш. В качестве формальных средств синтаксической связи в монографии рассматриваются и такие служебные элементы языка, которые акцентируют и уточняют типы семантико-синтаксических отношений, выражаемых в ССК. К таким элементам могут быть отнесены (А) синтаксические частицы и (Б) корреляты. Однако в принципах их функционирования имеются существенные различия.

А. Синтаксические частицы, выступая в позиции второго слова (после союза) в составе придаточной части сложноподчиненного предложения, могут присоединяться к союзу как словообразовательный формант. Таким путем искони могли создаваться новые служебные слова разряда семантических союзов (в случаях присоединения синтаксических частиц к семантическим союзам значение последних усиливается по принципу дублирования: аще ли, понеже бо, яко же). Синтаксические структурные параметры всей сложной конструкции при этом остаются неизменными, усиливается лишь лексическая выразительность служебных средств.

Б. Корреляты выступают в составе главного предложения в качестве факультативных служебных элементов, соотнесенных с союзом. ПЕ с коррелятом обладает свойством синсемантизма (левого или правого), и таким образом коррелят всегда служит более четкому обозначению бинарной структуры ССК. Служебные элементы из состава главной части сложноподчиненного предложения приобретают статус коррелята только в соотношении с подчинительным союзом (отметим, что бессоюзные ССК и сложносочиненные предложения не знают употребления коррелятов). Таким образом, употребление коррелятов

служит развитию таких структурных схем ССК, в основе которых лежит именно смысловое соотношение семантики двух ПЕ.

Отдельные разновидности коррелятов по-разному участвуют в обозначении или уточнении типов семантико-синтаксических отношений, выражаемых в ССК.

Наиболее древние и стабильные соотношения образуют союзы и коррелаты наречного происхождения типа когда - тогда, куда - туда и др.; подобные парные соотношения функционируют как вполне сложившиеся уже в древнейших текстах. Коррелят при этом дублирует семантику союза. Для моделей сложноподчиненных предложений, построенных с помощью этих служебных средств, характерно отсутствие строгой закрепленности в соположении частей, придаточная часть может быть как в транспозиции, так и в постпозиции по отношению к главной.

В качестве коррелятов только в составе $ПЕ_2$ функционируют служебные слова то, но, и, а, да, ино, употребление которых не связано непосредственно с выражением в ССК того или иного типа семантико-синтаксических отношений. Однако коррелаты но и то, вступающие в соотносительную связь с союзами строго определенной семантики, могут способствовать дифференциации некоторых типов семантико-синтаксических отношений между частями конструкции (аще - то = условные; аще (и) - но = уступительные).

Указательные местоимения то и се в силу своей анафорической природы уже в древнейших текстах могли использоваться при обозначении различных содержательных и смысловых связей. Формы этих местоимений функционировали просто как местоимения (то есть как члены предложения), а не как служебные слова. В таком употреблении функционируют как беспредложные падежные формы (тому, тем, сего...), так и нестабильное множество сочетаний этих местоимений с предло-

гами (того/сего ради; того/сего для; по тому/сему; через то/се; о том/сем; в том и др.).

В древнейших текстах с наиболее архаичным синтаксическим строем эти формы указательных местоимений в редких случаях отмечаются и в соотношениях с союзами. По-видимому, это еще случаи окказионального употребления указательных местоимений как средства уточнения или акцентирования смысловых связей. Вообще же архаичные союзы, такие, как яко, еже, понеже и др., как правило, не имели соотносительных с ними элементов в составе главной части сложноподчиненных предложений. Приблизительно с XУ в. в сфере деловой и бытовой письменности рассматриваемые предложно-местоименные сочетания становятся продуктивными в соотношениях с асемантическими союзами что и как, и в таком употреблении они приобретают статус коррелятов. Позже отрабатывается разновидность ССК с новым разрядом служебных средств сложноподчиненного предложения - союзными сочетаниями, в которых коррелятивная часть становится единственным специализированным выразителем типа семантико-синтаксических отношений в сложноподчиненном предложении.

Таким образом, в истории формирования структурных схем различных типов сложноподчиненных предложений и соответствующих им наборов служебных средств значительная роль принадлежит служебным элементам, первоначально функционирующим как средства уточнения или акцентирования смысловых отношений между частями ССК.

IУ. Рассмотренный материал позволил выявить некоторые такие линии развития синтаксиса русского письменного языка, реализация которых определила основные аспекты эволюции системы сложноподчиненного предложения и, в частности, эволюции служебных средств этого уровня языка. Назовем эти линии.

1. Общая тенденция к изменению основного ведущего принципа организации ПЕ в связном письменном тексте: постепенный переход

от преобладания архаического принципа юкстапозиции, наиболее последовательно воплощенного в текстах, построенных по принципу цепочечного нанизывания ПЕ,— к преобладанию принципа бинарного объединения ПЕ в сложные синтаксические конструкции. (Напомним, что текст, построенный по принципу цепочечного нанизывания ПЕ, представляет собой открытый ряд ПЕ, не объединенных в ССК. В качестве формального средства связи в таком тексте выступают только начинательные союзы, которые не несут никакой информации о наличии логико-смысловых отношений между содержанием ПЕ).

2. Картина развития средств формального выражения логико-смысловых отношений в рамках ССК в целом может быть представлена как движение от первоначальной опоры на контекстные связи и на конкретное содержание смежных ПЕ, составляющих в тексте ССК, - к опоре на формальные средства синтаксической связи, специализированные для выражения определенных типов семантико-синтаксических отношений.

3. Специализации служебных средств языка для выражения в форме ССК конкретных семантико-синтаксических отношений должна предшествовать типизация некоторого круга регулярно повторяющихся в речи смысловых ситуаций и закрепление лежащих в их основе отношений как некоторой грамматической абстракции, приобретающей статус семантико-синтаксических отношений. Эти отношения получают в системе синтаксиса тот или иной вид эксплицитного выражения, для чего вырабатываются специализированные формальные средства.

4. Комплекс семантико-синтаксических отношений, который представлен в системе сложноподчиненного предложения текстов русских памятников письменности XI-XVII вв., в основном своем составе аналогичен современному, но этот комплекс никогда не был стабильным и неизменным. В этой сфере наблюдается постоянное движение, происходят типизация новых смысловых связей, дифференциация и уточнение

некоторых типов семантико-синтаксических отношений. Соответственно этому на формальном уровне постоянно отрабатываются средства и способы адекватного выражения типизированных семантических разновидностей синтаксической связи. При этом возникновение новых служебных средств обусловлено общими тенденциями развития системы сложноподчиненного предложения в русском письменном языке XI–XVII вв.

Список
использованных памятников

Аввакум. Житие – Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., Гослитиздат, 1960.

Аввакум. Письма – Письма протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., Гослитиздат, 1960.

Акты – Акты Русского государства 1505–1526. М., Наука, 1975.

Акты собр. Акад. Н. – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Акад. наук, т. I. СПб., 1836.

Александрия – Александрия, Минск, 1962.

АМВ – Апракос Мстислава Великого. М., Наука, 1983.

Арх. ол. вып. 2 – Архангельский областной словарь. МГУ, 1982, вып. 2.

Берест. гр. – Берестяные грамоты в изданиях серии: Новгородские грамоты на бересте. М., Наука, 1953–1986 (грамоты №№ I – 614).

Вести-куранты – Вести-куранты 1642–1644 гг. М., Наука, 1976.

Выг. сб. – Выголексинский сборник. М., Наука, 1976.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., АН СССР, 1949.

Девг. д. – Девгениево деяние // Кузьмин В.Д. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., АН СССР, 1962.

Дог. гр. в. кн. Тв. Мих. Яр. – Договор Тверского князя Михаила Ярославича с новгородцами // Образцы древней письменности. СПб., 1842.

Дог. грамота смоленского князя Мстислава Давыдовича – Русско-ливонские акты, собр. К.Е.Напьерским. СПб., 1868.

Домострой – Орлов А.С. Домострой по Коншинскому списку и подобным / Чтение ОИДР. М., 1908.

Дух. дог. гр. – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIУ-XУI вв. М.-Л., АН СССР, 1950.

Дух. Ив. Кал. 1327 г. – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIУ-XУI вв. М.-Л., АН СССР, 1950.

Ж. М. Кл. – Повесть о житии Михаила Клопского // Древнерусские предания, сост. Кусков В.В. М., Советская Россия, 1982.

Ж. С. Рад. – Житие Сергия Радонежского // Древнерусские предания, сост. Кусков В.В. М., Советская Россия, 1982.

Ж. Ф. Печ. – Житие Феодосия Печерского // Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. I. М., 1899.

Изб. 1076 г. – Изборник 1076 г. М., Наука, 1965.

Ист. н. р. – Источники по истории русского народного языка // Котков С.И., Панкратова Н.П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XУII – начала XУII вв. М., 1964.

Ист. Ф. Ск. – Повесть о Фроле Скобееве // Изборник, Худ. лит-ра, 1969.

К.-Печ. п. – Киево-Печерский патерик // Изборник / Сборник произведений литературы древней Руси. М., Худ. лит-ра, 1969.

Каз. ист. – Казанская история // Памятники литературы древней Руси (середина XVI в.). М., Худ. лит-ра, 1985.

Кн. Уст. – Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., Наука, 1976.

Котош. – Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1906.

Лет. Ипат. – Ипатьевская летопись ок. 1425 г. // ПСРЛ, т. II, Изд. 2. СПб., 1908.

Лет. Лавр. – Лаврентьевская летопись, 1377 г. // ПСРЛ, т. I, вып. 1–2. Изд. 2. Л., 1926–1927.

Лет. Моск. – Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ, т. 25. М.–Л., АН СССР, 1949.

Лет. Новг., синод. сп. – Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1875.

Лет. Новг. I – Новгородская харатейная летопись. М., Наука, 1964.

Лет. Новг. IV – Летопись Новгородская IV // ПСРЛ, т. IV, ч. I. Л., 1929.

Лет. Пск. I – Псковская 1-я летопись (Тихановский список) // Псковские летописи, вып. I. М.–Л., АН СССР, 1941.

Лет. Пск. II – Псковская 2-я летопись (Синодальный список) // Псковские летописи, вып. 2. М., АН СССР, 1955.

Лет. Рогожск. – Рогожский летописец // ПСРЛ, т. XV, вып. I. М., 1965.

Лет. Слуцк. – Слуцкая летопись // ПСРЛ, т. 35. М., Наука, 1980.

Лет. Супр. – Супрасльская летопись // ПСРЛ, т. 35, М., Наука, 1980.

Лет. Тверск. – Тверская летопись // ПСРЛ, т. ХУ. М., 1965.

Лет. Тр. – Троицкая летопись // Приселков М.Д. Троицкая летопись / Реконструкция текста. М.-Л., АН СССР, 1950.

Моск. гр. – АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I-3. СПб., 1857-1884.

Моск. гр. – Д. д. гр. – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIУ-XУI вв. М.-Л., АН СССР, 1950.

Моск. дел. и быт. – Московская деловая и бытовая письменность XУП в. М., Наука, 1968.

Остр. ев. – Остромирово евангелие. Изд. 2-е. СПб., 1889.

П. вр. л. I – Повесть временных лет. М.-Л., 1950.

П. вр. л. 2 – Повесть временных лет // Изборник. М., Худ. лит-ра, 1969.

П. вр. л. 3 – Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси / Начало русской литературы (XI- начало XII вв.). М., Худ. лит-ра, 1978.

Памятники XУП в. – Памятники русского народно-разговорного языка XУП столетия (из фонда Безобразова А.И. М., Наука, 1965).

Пересветов – Рыбина В.Ф. И.С.Пересветов – публицист XУI в. М., 1908.

Петр I – Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977, т. XII, вып. 2.

Письма Ив. IУ – Письма Ивана Грозного А.Курбскому // Сочинения князя Курбского, т. I / РИБ, т. XXXI, СПб., 1914.

Пов. бол. см. Вас. III – Повесть о болезни и смерти Василия III // Памятники литературы древней Руси (середина XУI в.). М., Худ. лит-ра, 1985.

Пов. В. и И. – Повесть о Варлааме и Иоасафе. Л., Наука, 1985.

Пов. Кат.-Рост. – Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 2 / РИБ, т. XIII. СПб., 1909.

Пов. о Басарге – Повесть о Басарге // Изборник, Худ. лит-ра, 1969.

Пов. о брак. – Слово о бражнике, како внеде в рай // Изборник, Худ. лит-ра, 1969.

Пов. о видении – Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 2 / РИБ, т. XIII. СПб., 1909.

Пов. о Ерше Ершовиче – Русская демократическая сатира XVII в. / Подготовка текстов, статья и комментарии члена-корр. АН СССР Адриановой-Перетц. М.-Л., АН СССР, 1954.

Пов. о новг. бел. кл. – Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы древней Руси (середина XVI в.). М., Худ. лит-ра, 1985.

Пов. о походе Ив. IV на Новг. – Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году // М., Худ. лит-ра, 1969.

Пов. о раз. Ряз. – Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. // Воинские повести Древней Руси. М.-Л., АН СССР, 1949.

Пов. о Рос. царстве – Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 2 / РИБ, т. XIII. СПб., 1909.

Пов. об уб. Андр. Бог. – Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Памятники литературы древней Руси. XII в. М., Худ. лит-ра, 1980.

Пов. П. Ф. – Повесть о Петре и Февронии Муромских // Изборник. М., Худ. лит-ра, 1969.

Пов. Ст. П. – Повесть о Стефане Пермском // Древнерусские предания, сост. Кусков В.В. М., Советская Россия, 1982.

Пов. тв. О. М. – Повесть о Тверском Отроче монастыре // Изборник. М., Худ. лит-ра, 1969.

Пов. Ул. Ос. – Повесть об Ульянии Осоргиной // М., Худ. лит-ра, 1969.

Посл. Курбского – Сочинения князя Курбского, т. I // РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.

Посл. XVII в. – Сборник пословиц XVII в. // Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. / Сб. ОРИС, т. 66, № 7. СПб., 1899.

Поуч. Вл. Мон. – Поучение Владимира Мономаха // Изборник. М., Худ. лит-ра, 1969.

Продажная Хоньки Васковой, 1378 – Продажная Хоньки Васковой на Калеников монастырь 1378 г. // Medieval Slavic Texts, vol. 1. Old and Middle Russian Texts. Cambridge, Mass. 1973.

Пск. суд. гр. XV в. – Псковская судная грамота середины XV в. // Мартысевич И.Ф. Псковская судная грамота. М., 1951.

Пут. Гогары – Путешествие по святой земле дьякона Гогары в 1634 г. // Сказания русского народа, собранные Сахаровым И., т. 2, кн. VII. СПб., 1849.

Пут. Зосимы – Путешествие иеродиакона Зосимы в Царьград и Иерусалим в 1420 г. // Там же.

Пут. моск. купцов – Путешествия московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова по святым местам в 1582 г. // Там же.

Путеш. рус. послов - Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. М.-Л., АН СССР, 1954.

Пчела // Временник Московского общества истории и древностей Российских, кн. 25. 1857.

Разр. кн. - Разрядная книга 1475-1598 гг. М., Наука, 1966.

Рус. Пр. - Русская Правда (краткая редакция) по Академическому списку XV в. // Правда Русская. М.-Л., АН СССР, 1940, т. I.

Рус. Пр. 1282 г. - Русская Правда (полная редакция) по списку Новгородской Кормчей 1282 г. // Карский Е.Ф. Русская Правда по древнейшему списку. Л., АН СССР, 1930.

Сатиры о пьянстве - Русская демократическая сатира XVII века / Подготовка текстов, статья и комментарии Адриановой-Перетц. М.-Л., АН СССР, 1954.

Син. пат. - Синайский патерик. М., Наука, 1967.

Ск. Авр. П. - Сказание Авраамия Палицына // Изборник, М., Худ. лит-ра, 1969.

Сказ. кн. Ольге - Сказание о княгине Ольге. Из "Степенной книги" // Памятники литературы древней Руси // Памятники литературы древней Руси (середина (XVI в.). М., Худ. лит-ра, 1985.

Сказ. о Б. и Г. - Сказание о Борисе и Глебе, приписываемое ленику Якову конца XI в., по сп. в Успенском сборнике XII в. // Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. I. М., 1899.

Сказ. об убиении Дан. Суэд. - Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // Изборник, М., Худ. лит-ра, 1969.

Сл. Дан. Зат. - Слово Даниила Заточника по Академическому списку // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., АН СССР, 1932.

Сл. И. Зл. – Слово Иоанна Златоуста // Успенский сборник XII–XIII вв. М., Наука, 1971.

Сл. о древе – Слово о древе крестном (из полууставного сборника XVI в.) // Памятники отреченной русской литературы, т. I / Собр. и изд. Тихонравовым Н. СПб., 1863.

Сл. о зак. и бл. – Слово о законе и благодати митрополита Иларкона // Молдован А.М. Слово о законе и благодати. Киев, 1984.

Сл. о плк. Иг. – Слово о полку Игореве. М.–Л., АН СССР, 1950.

Смол. гр. 1229 г., оп. С. – Смоленские грамоты XII–XIV вв. М., АН СССР, 1963.

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. М., 1958.

Суд. Ив. IV – Судебник Ивана IV, 1550 г. // Акты исторические, собр. и изд. Археографической комиссией, т. I (1334–1598). СПб., 1841, № 153.

Суд. 1550 г. – Судебник 1550 г. // Судебники XV–XVI вв. М.–Л., АН СССР, 1952.

Суд Шемякин – Суд Шемякин // Изборник. М., Худ. лит-ра, 1969.

Тат. – Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.

Улож. 1649 г. – Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 г.

Усп. сб. – Успенский сборник XII–XIII вв. М., Наука, 1971.

Уставы – Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., Наука, 1976.

Уч. хитр. ратн. – Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.

Хож. Аф. Ник. – Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472 гг. М.–Л., АН СССР, 1948.

Чт. Б. и Г. – Чтение о житии и погублении блжную стрща. бориса и глѣба // Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIУ в. СПб., 1860.

Южн. отк. – Памятники южновеликорусского наречия / Отказные книги. М., 1977.

Литература

Аванесов 1936 – Аванесов Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе, 1936, № 4.

Аванесов 1949 – Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии, ч. I. М., Просвещение, 1949.

Барсов – Российская грамматика А.А.Барсова. М., МГУ, 1981.

Бауэр – Бауэр Я. К вопросу о возникновении и развитии типов сложного предложения // ВЯ, 1962, № 6.

Бахтурина – Бахтурина Р.В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов // Лингвистическое источниковедение. М., Наука, 1963.

Белошапкова – Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., Высшая школа, 1977.

Бенвенист – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., Прогресс, 1974.

Борковский 1958 – Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958.

Борковский 1973 – Борковский В.И. Основные черты сходства и различия в истории синтаксического строя восточнославянских языков (XI–XVII вв.) // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., Наука, 1973.

Борковский, Кузнецов 1963 – Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Борковский, Кузнецов 1965 – Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Булаховский – Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.

Виноградов – Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2. М., Высшая школа, 1972.

Виноградова – Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Вып. 1-2. Сост. Виноградова В.Л. Л., Наука, 1967.

Гамкрелидзе, Иванов Вяч.Вс. 1984 – Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Грамматика 1954 – Грамматика русского языка, т. II. М., 1954.

Грошева – Грошева А.В. Особенности синтаксического строя ранней латинской прозы " De agri cultura " Катона // Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. Л., Наука, 1982.

Десницкая – Десницкая А.В. О синтаксических особенностях кодекса обычного права северноалбанских горцев ("Канун Леки Дукаджина") // Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. Л., Наука, 1982.

Зализняк 1981 – Зализняк А.А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М., Наука, 1981.

Зализняк 1986 – Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). М., Наука, 1986.

Зализняк, Падучева – Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. М., 1975, вып. 6.

И.Г. – 79 – Историческая грамматика. Синтаксис, Сложное предложение. М., Наука, 1979.

Иванчикова – Иванчикова Е.А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе // ВЯ, 1965, № 5.

Ильинская – Ильинская И.В. Основные способы соединения предложений в старорусском тексте. // Лингвистический сборник. М., 1975. Вып. 4.

Історія укр. мови – Історія української мови. Синтаксис. Київ, 1983.

Кершиене – Кершиене Р.Б. Сложноподчиненные определительные предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., Наука, 1979.

Кондаков – Кондаков Н.И. Введение в логику. М., Наука, 1967.

Коротаева – Коротаева Э.И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII в. М.-Л., 1964.

Корш – Корш Ф.Е. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877.

Котков, Попова – Котков С.И., Попова З.Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. М., 1986.

Кузнецова – Кузнецова Р.Д. Роль союзов в организации древнерусского текста. На материале "Повести временных лет" // История русского литературного языка и стилистика. Сборник научных трудов. Калинин, 1985.

Кузьмина, Немченко 1971 – Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.

Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., Наука, 1971.

Кузьмина, Немченко 1982 – Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., Наука, 1982.

Кунавин – Кунавин Б.В. Причастные грецизмы и исконно славянские конструкции в древнерусских литературных текстах // Проблемы исторического языкознания. Вып. 3. Литературный язык древней Руси. Межвузовский сборник. Л., 1986.

Ломоносов – Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.–Л., 1952, т. 7.

Ломтев – Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Лопатина – Лопатина Л.Е. Способы передачи чужой речи в рамках сложного предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., Наука, 1979.

Майтинская – Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982.

Мейе – Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Милов – Милов Н. Не отмеченные школьными грамматиками явления русского синтаксиса // РФВ. Т. I XX (в. 3, в. 4). Варшава 1913.

Морозова – Морозова С.Е. Сложноподчиненные предложения условия // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., Наука, 1979.

Никифоров – Никифиров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.

Николаева – Николаева Т.М. Текст // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Перельмутер – Перельмутер И.А. Синтактико-стилистические особенности ранней древнегреческой прозы (на материале Геродота) // Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. Л., Наука, 1982.

Поспелов – Поспелов Н.С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // ВЯ, 1959, № 2.

Потебня 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, т. I-II.

Потебня 1968 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1968, т. III.

Преображенская 1968 – Преображенская М.Н. Винительный падеж // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., Наука, 1968.

Преображенская 1979 – Преображенская М.Н. Сложные конструкции с пояснением во второй части // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., Наука, 1979.

Преображенская 1982 – Преображенская М.Н. Формирование союза потому что. Компоненты и семантика // Семантика служебных слов. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982.

Преображенская 1986 – Преображенская М.Н. Синтаксический статус некоторых частиц в древнерусских текстах // Современный русский синтаксис: Словосочетание и предложение. Сборник научных трудов. Владимир, 1986.

Преображенская 1987 – Преображенская М.Н. Формальные служебные средства как маркеры типов сложных синтаксических конструкций в истории русского языка // Служебные слова. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1987.

Припадчев – Припадчев А.А. Формы на -учи (-очи) в составе деепричастных форм в языке XVII в. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, Воронежский университет, 1977.

Ринберг – Ринберг В.Л. Древнерусские сложные конструкции и их современные параллели (спецкурс по русскому языку). Киев, 1975.

Розенталь, Теленкова – Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Сабенина – Сабенина А.М. "Дательный самостоятельный" как высокий стилистический вариант предложения // Восточные славяне. Языки, история, культура. К 85-летию акад. В.И.Борковского. М., Наука, 1985.

Смирнова – Смирнова Л.Г. Пространственно-временная организация летописных погодных статей // Филологические науки. 1986, № 5.

Сорокина – Сорокина В.К. Сложноподчиненные предложения сравнительные, образа действия, меры и степени // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., Наука, 1979.

Структура предл. в истории вост. слав. языков – Структура предложения в истории восточнославянских языков. М., Наука, 1983.

Трестерова – Трестерова З. К некоторым особенностям связности древнерусского текста и их роли в перестройке "типа" синтаксиса // Восточные славяне. Языки, история, культура. К 85-летию акад. В.И.Борковского. М., Наука, 1985.

Филиппова – Филиппова И.С. Из наблюдений над элементами пунктуации в скорописи // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., Наука, 1963.

Франчук – Франчук В.Ю. Княжеские послания XI–XII вв. // Восточные славяне. Языки, история, культура. К 85-летию акад. В.И.Борковского. М., Наука, 1985.

Хабургаев – Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1986.

Харпалева – Харпалева В.Ф. Сложноподчиненные предложения места // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., Наука, 1979.

Хренова – Хренова Н.И. Сложноподчиненные предложения цели // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное преложение. М., Наука, 1979.

Черемисина, Колосова – Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, Наука, 1987.

Черкасова 1948 – Черкасова Е.Т. Служебное слово бо и его значение в древнерусском языке // Уч. зап. гос. пед. ин-та им. В.И.Ленина, 1948, т. 56, вып. 2.

Черкасова 1973 – Черкасова Е.Т. Русские союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования. М., Наука, 1973.

Шелихова – Шелихова Н.Т. Сложноподчиненные подлежащные предложения. Сложноподчиненные сказуемные предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис, Сложное предложение. М., Наука, 1979.

Шмелев – Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., Наука, 1976.

Александров - Александров Ф. О значениях и функциях местоимений который, иже и кый в основных памятниках древнеболгарского языка // Славистичен сборник. Т. I. Езикознание. София, 1958.

Wackernagel - Wackernagel J. Kleine Schriften, Bd I. - Göttingen, 1953, S. 1867; Bd III. - Göttingen, 1979.

Schwyzer - Schwyzer E. Die Parenthese im engern und im weiten Sinne. - Abhandl. der Preußisch. Akad. der Wissenschaft Phil.-hist. klasse, 1939. Berlin, N 6.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Содержание

Предисловие. 3
Введение. 5
Специфические черты древнерусского текста. I7
Особенности глагольных форм предикатов ПЕ с формами причастий в функции сказуемого. 22
Некоторые особенности выражения субъекта действия в древнерусских текстах. 29
Древняя восточнославянская синтаксическая конструкция ввода в текст чужой речи. 33
Синтаксическая организация связных текстов по принципу цепочечного нанизывания ПЕ с помощью начинательных союзов. 54
Служебное слово и в функции начинательного союза. 6I
Служебное слово а в функции начинательного союза. 67
Сложные конструкции с синтаксическими частицами бо, же, ли в качестве формальных средств связи ПЕ. 8I
Синтаксическая частица бо. 82
Синтаксическая частица же. 86
Синтаксическая частица ли. 89
Сложные конструкции с асемантическими союзами. 94
Асемантический союз яко. 97
Союз яко в контекстах с чужой речью. I0I
Союз яко в ССК с формами описательного императива в функции предиката $ПЕ_2$. I03
Союз яко в ССК с независимым инфинитивом в функции предиката $ПЕ_2$. I07
Союз яко с зависимым инфинитивом в функции предиката $ПЕ_2$..II3
Союз яко с оборотом дательный самостоятельный. II6

ИРЯ
институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

Асемантичеокие служебные слова, восходящие к указательному местоимению и (иже, яже, еже). I25
Обороты с указательно-акцентирующей функцией. I27
Союз еже (оже) в ССК с зависимым инфинитивом в функции предиката $ПЕ_2$. I34
Служебные слова на основе форм указательного местоимения и в приглагольном употреблении. I37
Асемантический союз ято. I44
Сфера и характер функционирования слова что в древнерусской письменности. I45
Что в качестве вопросительного слова. I45
Слово что в качестве местоимения. I47
Что в составе оборота на основе коррелирующей пары что...то. I50
Что в составе оборота касательства. I51
Что в качестве относительного слова и одноместного союза... I53
Корреляты. I62
Состав коррелятов, функционирующих в текстах XI-XVII вв.. . . . I63
Функции коррелятов и соположение частей сложноподчиненных предложений. I68
Корреляты-наречия. I79
Предложно-падежные сочетания в функции коррелятов. I87
Служебные слова и, а, да в позиции коррелята. I93
Развитие причинных семантико-синтаксических отношений в ССК со служебными словами различных разрядов. 202
Семантика конструкций с синтаксической частицей бо. 206
Причинные отношения в ССК с асемантическими союзами. 215

Причинные отношения в конструкциях с семантическим союзом понеже. 217

Семантика причины в гибких структурах с союзным сочетанием потому что. 230

Синтаксические параметры ССК и эволюция структурных схем сложноподчиненных предложений с различными разрядами служебных средств. 245

Заключение. 265

Список использованных памятников. 277

Литература. 286

Резюме. 297

Р е з ю м е

В монографии рассматриваются процессы эволюции в системе русского сложноподчиненного предложения в текстах памятников письменности XI–XVII вв., под углом взаимоотношения: служебные синтаксические средства связи – модели сложных синтаксических конструкций (ССК) и сложноподчиненных предложений. Метод исследования: членение текста на предикативные единицы (ПЕ) и выявление способов их связи: синтаксических частиц (бо, же, ли), союзов асемантических (и, яко, что) и семантических (аще, понеже, ибо и др.), сочетаний союз+коррелят. Эта методика опирается на ряд параметров внутренней синтаксической организации структурных схем разных типов ССК: автосемантизм/синсемантизм, синсемантизм левый – правый; открытость/закрытость конструкции, ее бинарность/небинарность; маркированность/немаркированность 2-й ПЕ; позиция ПЕ и служебного слова.

Как исходная модель организации текста рассматривается цепочечное нанизывание (с союзами и, а). Развитие на его базе различных моделей ССК и сложноподчиненных предложений связано с основными линиями эволюции древнерусского синтаксического строя: (1) постепенный переход от преобладания архаического принципа констатации позиции (цепочечное нанизывание) – к преобладанию принципа бинарного объединения ПЕ; (2) движение от первоначальной опоры на контекстную связь и конкретное содержание смежных ПЕ – к опоре на формальные средства синтаксической связи для выражения определенного типа семантико-синтаксических отношений; (3) выработка специальных служебных синтаксических средств взаимосвязана с формированием и грамматикализацией сферы семантико-синтаксических отношений.

Summary

In this monograph the evolution processes in the XI-XVI century texts are discussed from the point of view of the correlation between the types of connective auxiliary words and the models of complex syntactic constructions and compound sentences. The method of investigation consists in the segmentation of predicative units within a text and the study of the connective means: syntactic particles (bo, že, li), non-semantic conjunctions (i, jako, čto), semantic ones (ašče, poneže, ibo etc.) and forms "conjunction + correlate". This method is based upon the following parameters of the inner structure of complex syntactic constructions: autosemanticism vs. synsemanticism, left vs. right type of synsemanticism, open vs. closed constructions, its binary vs. non-binary character; marked vs. unmarked type of the second predicative unit; the positions of a predicative unit and an auxiliary word.

The chain-like "stringing"(with conjunctions "i", "a") is considered to be initial model in the text-construction. On its basis various models of complex syntactic constructions and compound sentences have developed, connected with the general tendencies of the evolution of Old Russian syntax: I)gradual transition from the archaic principle of juxtaposition (chain-like "stringing") to the principle of binary combination of predicative units; 2)transition from the context connection and concrete content of predicative units to the dominance of formal means of syntactic connection for the expression of certain types of semantico-syntactic relations; 3)the formation of special syntactic means is connected with the creation and grammaticalization of semantico-syntactic relations.

RESUME

La présente monographie est consacrée à l'examen des processus d'évolution de la structure des phrases de subordination complexes, dans les monuments écrits russes des XI-XVII ss., ayant trait à l'examen des rapports mutuels des procédés de connection fonctionnels et des modèles de constructions syntaxiques complexes (CSC), ainsi que des modèles de phrases de subordination. La méthode de recherche appliquée consiste en ce que le texte se divise en unités de prédication (UP) dont les procédés de connection sont mis en évidence, à savoir: les particules syntaxiques (bo, jé, li), les conjonctions asémantiques (i, iako, tchto) et sémantiques (achtché, poniéjé, ibo, etc), les composés de type 'conjonction + corrélé'. Ces procédés s'appuient sur toute une série de paramètres constituant l'organisation syntaxique intérieure des schémas structuraux de types différents de CSC: autosémantisme/synsémantisme; synsémantisme de gauche - de droite; caractère ouvert/caractère fermé de la construction, son caractère binaire/ non binaire; caractère marqué/caractère non marqué de la seconde UP; la position de l'UP et du mot fonctionnel.

Un enchaînement successif (avec des conjonctions i, a) est envisagé en tant que modèle de départ de l'organisation du texte. L'évolution de différents modèles de CSC et de phrases de subordination complexes, sur la base d'un tel enchaînement, est liée à des tendances essentielles de l'évolution de la structure syntaxique de l'ancien russe: (1) passage graduel du principe archaïque prédominant de la position de jonction successive (enchaînement successif) au principe prédominant de jonction binaire des UP. (2) évolution à partir d'un appui primitif sur le lien contextuel et sur le contenu concret des UP contiguës vers un appui sur des procédés formels de connection syntaxique pour exprimer les rapports sémantiques et syntaxiques d'un type spécial. (3) élaboration des procédés fonctionnels spéciaux se lie à la formation et à la grammaticalisation de la sphère des rapports sémantiques et syntaxiques.

Сдано в набор 04.09.91 В печать 10.10.91
Формат 60x901/16 Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,75 Усл. кр.-отт. 18,87 Уч.-изд. л. 13,02
Тир. 425 экз. Зак. 6736

Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ
140010, Люберцы 10, Московской обл.,
Октябрьский проспект, 403

5-80